

Неизвестный марксизм

Теоретический журнал

**№1(2)
2011**

УДК 3-32.019.5
ББК 87.3(0)

Журнал «Неизвестный марксизм» – это издание не только марксистов и о марксизме, но, прежде всего, о тех проблемах, которые данное социальное учение стремится теоретически и практически разрешить. Предметом публикуемых материалов является история, философия, экономика, политика, культура в аспекте марксистской интерпретации или ее обоснованной критики. Поэтому страницы журнала открыты любым исследователям, признающим обозначенный публикаторский формат, однако предпочтение отдается тем авторам, которые открывают читателям новые грани марксистского взгляда на мир. Кроме того, наш журнал сдвоенный – в нем на правах раздела воссоздается оригинальный теоретический журнал «Вопросы марксистской философии», главным редактором которого долгие годы являлся покойный Иван Иванович Макаров, философ, пламенный пропагандист и сердечный человек.

Особо подчеркиваем, что наш журнал теоретический.

Редакционный совет: В. Славин, С. Светов, К. Северный, Г. Касьянов

Адрес редакции: svetsveto@yandex.ru

Электронная версия: <http://marxist.su/lib/>

Рукописи принимаются только в электронном виде, печатаются в авторской редакции с незначительной корректурой.

Перепечатка материалов издания без письменного разрешения редакции **допускается и приветствуется.**

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	4
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ	
<i>Progressor. Маркс о формационности истории человеческого общества</i>	5
АУТЕНТИЧНЫЙ МАРКСИЗМ	
<i>К. Маркс. Капитал</i>	23
<i>В. Волков. Возвращение к аутентичному марксизму в вопросе стоимости – это шаг вперед в развитии социалистической теории</i>	71
<i>В. Дьяченко. Еще раз о преодолении общественного разделения труда как основе коммунистического развития</i>	77
ПОЛИТИКА	
<i>Ю. Симонов. К вопросу о соотношении субъективного и объективного в революционной тактике и стратегии большевизма (на примере последних работ В.И. Ленина)</i>	92
ОТ УТОПИИ К НАУКЕ	
<i>Г. Касьянов. Общество будущего: демократически планируемое производство</i>	99
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Т. Хабарова. Социализм и государственный капитализм. Как вывести экономику из кризиса?</i>	112
ВОПРОСЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ	139

К ЧИТАТЕЛЮ

Название «Неизвестный марксизм» не случайно.

Во-первых, не смотря на десятилетия существования во многих странах мира марксистско-ленинских режимов, граждане этих стран и других уголков планеты, в большинстве своем, имеют весьма смутные представления о Карле Марксе и его социальном учении.

Во-вторых, в умах многих левых, называющих себя марксистами, продолжают господствовать не соответствующие первоисточнику воззрения, но ему приписываемые.

В-третьих, до сих пор остаются не востребованными труды оригинальных отечественных и зарубежных мыслителей марксистского толка, не пробившиеся к читателям по политическим, финансовым или организационным причинам нашего буржуазно-демократического бытия.

Учитывая вышесказанное, редакция журнала постарается на его страницах совместить просветительский дух и критический поиск истины. Именно истина, а не марксизм является нашей священной коровой. Марксизм же – это только орудие постижения и осуществления истины в области общественной жизни и на сегодняшний день пока самое эффективное.

Марксистская ориентация журнала не будет препятствием и для публикации различных альтернативных материалов, при условии их высокого научного и литературного качества, ибо критический анализ мира невозможен без полемики и сопоставления точек зрения.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

МАРКС О ФОРМАЦИОННОСТИ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Progressor

Тов. «R» (rwpmnd@...ru) написал в рассылке «Марксистское обозрение» следующее:

«Так как рабовладельческая, феодальная и буржуазная системы являются классовыми и похожими между собой, то и зарождение феодализма было возможно на закате рабовладельческой ОЭФ, а капитализм начал зарождаться в эпоху упадка феодализма. Все эти формации похожи, так как все являются эксплуататорскими и для всех этих формаций характерно наличие государств. Коммунизм качественно отличается от предыдущих общественно-экономических формаций отсутствием классов, государств и товарно-денежных отношений. Это – мировая система, которая не мыслима без глобальных технических средств. Поэтому пока пролетариат не овладеет всей планетой, зарождение социалистических отношений невозможно. Если, например, пролетариат возьмёт власть только на какой-нибудь территории, то через некоторое время он вынужден будет вступить в конкуренцию с другими капиталистическими странами и, соответственно, строить своё капиталистическое государство. Только победив в мировом плане, пролетариат сможет отменить товарно-денежные отношения и перейти к социализму».

=====

Здравствуйте, товарищи!

Позвольте высказать следующие замечания по Вашим мыслям.

О пресловутой ОЭФ («общественно-экономической формации»). Здесь имеет место одно небезвредное стойкое заблуждение из разряда т.н. «марксистско-ленинских постулатов»!

Слово «формация» Маркс применял в качестве рабочего термина по аналогии с тогдашней (начало второй половины XIX века) геологической (и палеонтологической) периодизацией истории Земли – «первичная формация», «вторичная формация», «третичная формация». Однако внутри «больших формаций» тогда вычленяли и, так сказать, «формации малые» или эпохи. Вскоре на научных конгрессах это признали неудобным и пересмотрели – как термино-

логически, так и количественно; стали различать «эоны», «эры» и «периоды». По существу, в XX веке из старых названий остался только «третичный период». Если надо, за подробностями эволюции периодизации истории Земли Вы можете, понятно, обратиться к соответствующим справочникам.

В 1859 г. в своем Предисловии к Критике политической экономии Маркс написал следующее:

«Das allgemeine Resultat, das sich mir ergab und, einmal gewonnen, meinen Studien zum Leitfaden diente, kann kurz so formuliert werden: In der gesellschaftlichen Produktion ihres Lebens gehen die Menschen bestimmte, notwendige, von ihrem Willen unabhangige Verhaeltnisse ein, Produktionsverhaeltnisse, die einer bestimmten Entwicklungsstufe ihrer materiellen Produktivkraefte entsprechen. Die Gesamtheit dieser Produktionsverhaeltnisse bildet die oekonomische Struktur der Gesellschaft, die reale Basis, worauf sich ein juristischer und politischer Ueberbau erhebt und welcher bestimmte gesellschaftliche Bewusstseinsformen entsprechen. Die Produktionsweise des materiellen Lebens bedingt den sozialen, politischen und geistigen Lebensprozess ueberhaupt. Es ist nicht das Bewusstsein der Menschen, das ihr Sein, sondern umgekehrt ihr gesellschaftliches Sein, das ihr Bewusstsein bestimmt. Auf einer gewissen Stufe ihrer Entwicklung geraten die materiellen Produktivkraefte der Gesellschaft in Widerspruch mit den vorhandenen Produktionsverhaeltnissen oder, was nur ein juristischer Ausdruck dafuer ist, mit den Eigentumsverhaeltnissen, innerhalb deren sie sich bisher bewegt hatten. Aus Entwicklungsformen der Produktivkraefte schlagen diese Verhaeltnisse in Fesseln derselben um. Es tritt dann eine Epoche sozialer Revolution ein. Mit der Veraenderung der oekonomischen Grundlage walzt sich der ganze ungeheure Ueberbau langsamer oder rascher um. In der Betrachtung solcher Umwaelzungen muss man stets unterscheiden zwischen der materiellen, naturwissenschaftlich treu zu konstatierenden Umwalzung in den oekonomischen Produktionsbedingungen und den juristischen, politischen, religioesen, kuenstlerischen oder philosophischen, kurz, ideologischen Formen, worin sich die Menschen dieses Konflikts bewusst werden und ihn ausfechten. Sowenig man das, was ein Individuum ist, nach dem beurteilt, was es sich selbst duenkt, ebensowenig kann man eine solche Umwaelzungsepoche aus ihrem Bewusstsein beurteilen, sondern muss vielmehr dies Bewusstsein aus den Widerspruechen des materiellen Lebens, aus dem vorhandenen Konflikt zwischen gesellschaftlichen Produktivkraeften und Produktionsverhaeltnissen erklaren. Eine Gesellschaftsformation geht nie unter, bevor alle Produktivkraefte entwickelt sind, fuer die sie weit genug ist, und neue hoehere Produktionsverhaeltnisse treten nie an die Stelle, bevor die materiellen Existenzbedingungen derselben im Schoss der alten Gesellschaft selbst ausgebruetet worden sind. Daher stellt sich die Menschheit immer nur Aufgaben, die sie loesen kann,

denn genauer betrachtet wird sich stets finden, dass die Aufgabe selbst nur entspringt, wo die materiellen Bedingungen ihrer Loesung schon vorhanden oder wenigstens im Prozess ihres Werdens begriffen sind.

In grossen Umrissen koennen asiatische, antike, feudale und modern buergerliche Produktionsweisen als progressive Epochen der oekonomischen Gesellschaftsformation bezeichnet werden. Die buergerlichen Produktionsverhaeltnisse sind die letzte antagonistische Form des gesellschaftlichen Produktionsprozesses, antagonistisch nicht im Sinn von individuellem Antagonismus, sondern eines aus den gesellschaftlichen Lebensbedingungen der Individuen hervorwachsenden Antagonismus, aber die im Schoss der buergerlichen Gesellschaft sich entwickelnden Produktivkraefte schaffen zugleich die materiellen Bedingungen zur Loesung dieses Antagonismus. Mit dieser Gesellschaftsformation schliesst daher die Vorgeschichte der menschlichen Gesellschaft ab.»

А вот какой перевод можно прочесть во всех собраниях сочинений Маркса и Энгельса:

«Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества».

Сначала обратим внимание на то, что последнее предложение – «Mit dieser Gesellschaftsformation schliet daher die Vorgeschichte der menschlichen Gesellschaft ab». Переведено с добавкой «буржуазной», хотя у Маркса сказано просто «этой» («Mitdieser»).

Добавка эта была сделана «марксистами-ленинцами» отнюдь не случайно, как не случайно и то, что они до сих пор за неё держатся. Дело в том, что именно эта лукавая добавка позволяет представить дело так, что, дескать, Маркс называл капитализм «общественно-экономической формацией» – наряду с другими «общественно-экономическими формациями». На самом же деле мысль Маркса была – если внимательно вчитываться и учесть изначальную аналогию с тогдашней геологической «формационностью» – такова:

а) В истории человечества следует выделить «экономическую общественную формацию» или же, если переводить с немецкого по-другому, «экономическую формацию общества» (и тот, и другой переводы будут адекватными Марксову словосочетанию «die oekonomische Gesellschaftsformation»);

б) Внутри этой «экономической общественной формации» следует различать прогрессивные эпохи – азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства, которые (подобно тому, как было принято в тогдашней геологии/палеонтологии) можно, в свою очередь, назвать «общественными формациями» или «формациями общества» (Gesellschaftsformationen);

с) Разумеется, поскольку сама «большая формация» характеризуется как «экономическая», то внутри неё – от одной эпохи к другой, т.е. от одного способа производства к другому или же, что то же самое, от одной общественной формации (формации общества) к другой – «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке».

Подтверждение тому, что именно такова была истинная мысль Маркса, можно найти, к примеру, в его Экономической рукописи 1861-1863 гг., которая опубликована на русском языке в т. 47 Собрания сочинений Маркса и Энгельса (Издание 2-е, в 50 тт.), на стр. 281:

«Капиталистическое отношение развивается на такой ступени развития экономической общественной формации, которая сама уже есть результат целого ряда предшествующих этапов развития. Та ступень производительности труда, из которой исходит капиталистическое отношение, является не чем-то данным природой, а чем-то созданным исторически, где труд давно вышел из своего первобытного состояния».

Далее в ходе своей четвертьвековой научной деятельности Маркс, понятно, уточнял и развивал определённые положения из выше процитированной «руководящей нити» в его исследованиях. В частности, им было уточнено понятие «социальная революция» – выяснено, что только социальная революция пролетариата (всемирного, а не национально-государственного масштаба, конечно!) приведёт к такой ситуации, когда «социальные революции перестанут быть политическими революциями», т.е. им была выяснена разница между революциями социальной и политической.

Также Марксом было показано, что способов производства можно вычленять больше, чем им было указано в данном Предисловии. К примеру, во втором томе Капитала (Соб. Соч, 2-е изд., т. 24, С. 126) читаем следующее:

«В эпоху уже развитого, следовательно, господствующего капиталистического способа производства, на стадии обращения $D - T < P/Sp$ большая часть товаров, которые составляют средства производства Sp , сама есть функционирующий чужой товарный капитал. С точки зрения продавца здесь, следовательно, происходит $T' - D'$, превращение товарного капитала в денежный капитал. Но это не является абсолютным правилом. Наоборот. В процессе своего об-

ращения, в котором промышленный капитал функционирует или как деньги, или как товар, кругооборот промышленного капитала – независимо от того, выступает ли он как денежный капитал или как товарный капитал – перекрещивается с обращением товаров, произведенных при самых разнообразных способах общественного производства, поскольку эти способы производства представляют собой в то же время товарное производство. Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райяты), или общинного производства (голландская Ост-Индия), или государственного производства (как, например, основанное на крепостном праве производство, встречавшееся в прежние эпохи русской истории), или производства полудиких охотничьих народов и т. д., – все равно: деньгам или товарам, в виде которых выступает промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят как в кругооборот этого последнего, так и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости, поскольку она расходуется в качестве дохода, – следовательно, они входят в обе ветви обращения товарного капитала. Характер процесса производства, результатом которого они являются, не имеет значения; в качестве товаров они функционируют на рынке и в качестве товаров вступают в кругооборот промышленного капитала, равно как и в обращение заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости. Следовательно, всесторонний характер их происхождения, существование рынка как мирового рынка – вот что служит отличительной чертой процесса обращения промышленного капитала. Сказанное о чужих товарах, в равной мере относится и к чужим деньгам; подобно тому, как товарный капитал противостоит им только как товар, так и эти деньги по отношению к нему функционируют только в качестве денег; деньги функционируют здесь как мировые деньги».

Итак, можем сделать вывод: в рамках «экономической общественной формации» – на её высокой ступени развития – встречаются «самые разнообразные способы общественного производства», и эти же способы производства «представляют собой в то же время товарное производство» и как таковые подчиняются господствующему капиталистическому способу производства. Вот она, научная марксистская диалектика «экономической общественной формации»!

Обратим также внимание и на то, ЧТО говорится о России! Государственный способ производства (основанное на крепостном праве производство, встречавшееся в прежние эпохи русской истории). И ведь сам Маркс НЕ называет его ни «азиатским», ни «феодалным»! Не здесь ли марксистский ключ к осмыслению социально-экономического строя уже Советского Союза, немало перенявшего от прежней России? [Ну, хотя бы так: государственно-капитали-

стический монополизм (основанное на наёмном труде производство в СССР и других странах «соцлагеря».)]

Своеобразный итог своему глобальному осмыслению периодизации человеческой истории Маркс подвёл в документе, известном как «Наброски ответа на письмо В.И. Засулич», написанному им в марте 1881 г, т. е. за два года до смерти. Очень неудобные для «марксистов-ленинцев» наброски, следует признать! Не потому ли их полный текст, правильное расположение и адекватный перевод можно прочесть лишь в т. 6 Избранных сочинений Маркса и Энгельса? (М., Политиздат, 1987, сс. 58-74), а не в 50-томнике?

Ниже следуют характерные места в этих Набросках.

Из Первого Наброска: «... «земледельческая община» повсюду представляет собой новейший тип архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной. Но значит ли это, что при всех обстоятельствах развитие «земледельческой общины» должно следовать этим путем? Отнюдь нет. Ее конститутивная форма допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым».

Итак, здесь мы читаем об архаической общественной формации – она же первичная формация. Характеризуется эта формация общей [commun] собственностью. Позже за этим периодом закрепится наименование «первобытный коммунизм».

Однако тут же читаем у Маркса и о вторичной формации, которая характеризуется частной собственностью... Но продолжим вчитываться...

«Обстоятельством весьма благоприятным, с точки зрения исторической, для сохранения «земледельческой общины» путем ее дальнейшего развития служит то, что она не только является современницей западного капиталистического производства, что позволяет ей присвоить себе его плоды без того, чтобы подчиниться его *modus operandi*, но что она пережила уже период, когда капиталистический строй оставался еще незатронутым; теперь, наоборот, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах он находится в борьбе и с трудящимися массами, и с наукой, и с самими производительными силами, которые он порождает, – словом, переживает кризис, который окончится уничтожением капитализма и возвращением современных обществ к высшей форме «архаического» типа коллективной собственности и коллективного производства».

То есть мы видим, что, по Марксу, уничтожение буржуазного способа производства (=капитализм) приведёт к коммунизму, который сравним с «первобытным коммунизмом» наличием коллективной собственности и коллективного производства, но отличается от последнего, как высшая форма от низшей... УЖЕ явно просматривается диалектическая триада: первобытный коммунизм (первичная формация) – вторичная формация, основанная на частной собственности – третичная формация, коммунизм высшего типа. Или отрицание отрицания. Или тезис-антитезис-синтез.

«Но оборудование, удобрение, агрономические методы и пр. – все необходимые для коллективного труда средства – где их найти? Именно здесь-то и скажется крупное превосходство русской «сельской общины» над архаическими общинами того же типа. Она одна сохранилась в Европе в широком, национальном масштабе. Она находится благодаря этому в исторической среде, в которой существующее одновременно с ней капиталистическое производство предоставляет ей все условия коллективного труда. Она имеет возможность использовать все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его кавдинские ущелья. Физическая конфигурация русских земель благоприятствует сельскохозяйственной обработке при помощи машин, организуемой в широком масштабе и осуществляемой кооперативным трудом. Что же касается первоначальных организационных издержек, интеллектуальных и материальных, – то русское общество обязано предоставить их «сельской общине», за счет которой оно жило так долго и в которой оно еще должно искать свой «источник возрождения».

Лучшим доказательством того, что такое развитие «сельской общины» соответствует направлению исторического процесса нашего времени, служит роковой кризис, претерпеваемый капиталистическим производством в европейских и американских странах, в которых оно наиболее развилось, – кризис, который кончится уничтожением капитализма и возвращением современного общества к высшей форме наиболее архаического типа – к коллективному производству и коллективному присвоению».

И далее здесь у Маркса: «... перестало быть тайной, что нынешнее положение общины не может больше продолжаться, что просто в силу хода вещей нынешний способ эксплуатации народных масс уже не годится. Следовательно, нужно что-то новое, и это новое, преподносимое в самых разнообразных формах, сводится постоянно к следующему: уничтожить общинную собственность, дать более или менее состоятельному меньшинству крестьян сложиться в сельский средний класс, а огромное большинство превратить просто в пролетариат».

Нам же известно, что в СССР «сельскому среднему классу» большевики сложиться не дали («коллективизация»), а вот огромное большинство в пролетариев, действительно, превратили...

«Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгонять их со своих земель, как это было в Англии и других странах, нет необходимости уничтожать общинную собственность посредством указа. Наоборот: попробуйте вырвать у них продукт их земледельческого труда сверх известной меры – и, несмотря на имеющихся в вашем распоряжении жандармов, вам не удастся удержать их на земле».

Нечего и говорить, что одним из результатов «коллективизации» было как раз изъятие продукта земледельческого труда сверх известной меры, – и крестьяне стали стремиться в город, в ряды советского рабочего класса.

«Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. ... Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все живые силы страны, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя».

С русской сельской общиной сталинцы, как известно, покончили – колхозы (и совхозы) отнюдь не были «свободным развитием сельской общины», а были секторами советского государственного производства.

Из Второго наброска:

«Конечно, если капиталистическое производство должно восторжествовать в России, то огромное большинство крестьян, т. е. русского народа, должно быть превращено в наемных рабочих и, следовательно, экспроприровано путем предварительного уничтожения его коммунистической собственности»; «...смерть общинного землевладения и рождение капиталистического производства отделены друг от друга громадным промежутком времени, охватывающим целый ряд последовательных экономических революций и эволюции, из которых капиталистическое производство является лишь наиболее близкой к нам. С одной стороны, оно чудесным образом развило общественные производительные силы, но, с другой стороны, оно оказалось несовместимым с теми самыми силами, которые оно порождает. Его история есть отныне лишь история антагонизмов, кризисов, конфликтов, бедствий. В конце концов, оно показало всем, за исключением тех, кто слеп в силу своей заинтересованности, свой чисто преходящий характер. Народы, у которых оно наиболее развилось, как в Европе, так и в Америке стремятся лишь к тому, чтобы разбить его оковы, заменив капиталистическое производство производством кооперативным и капи-

талистическую собственность – высшей формой архаического типа собственности, т. е. собственностью коммунистической»; «Россия – единственная страна в Европе, в которой общинное землевладение сохранилось в широком национальном масштабе, но в то же самое время Россия существует в современной исторической среде, она является современницей более высокой культуры, она связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство.

Усваивая положительные результаты этого способа производства, она получает возможность развить и преобразовать еще архаическую форму своей сельской общины, вместо того чтобы ее разрушить (отмечу мимоходом, что форма коммунистической собственности в России есть наиболее современная форма архаического типа, который, в свою очередь, прошел через целый ряд эволюций)»; «Жизни русской общины угрожает не историческая неизбежность, не теория, а угнетение государством и эксплуатация проникшими в нее капиталистами, возвращенными за счет крестьян тем же государством».

«4) Архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи. Русская сельская община принадлежит к самому новому типу в этой цепи. Земледелец уже владеет в ней на правах частной собственности домом, в котором он живет, и огородом, который является его придатком. Вот первый разлагающий элемент архаической формы, не известный более древним типам. С другой стороны, последние покоятся все на отношениях кровного родства между членами общины, между тем как тип, к которому принадлежит русская община, уже свободен от этой узкой связи. Это открывает более широкий простор для ее развития. Изолированность сельских общин, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм не повсюду встречается как имманентная характерная черта последнего из первобытных типов, но повсюду, где он встречается, он всегда воздвигает над общинами централизованный деспотизм. Мне представляется, что в России эта изолированность, первоначально обусловленная огромным протяжением территории, является фактом, который легко будет устранить, как только правительственные пути будут сброшены».

В последнем отрывке обращают на себя внимание несколько важных мыслей классика.

Во-первых, угнетение крестьянства государством составило, как известно, один из важных элементов большевистской политики. Вместе с тем, кулаче-

ство как класс ими было уничтожено. Во-вторых, трудно переоценить слова Маркса о централизованном деспотизме – источнике его возникновения.

Но вернёмся к основной теме. Из этого отрывка нам хорошо видно, что

а) Маркс, действительно уподоблял свою периодизацию человеческой истории периодизации геологической (т.е. НЕ поменял здесь своего подхода на протяжении своей жизни!),

б) в рамках первичной (архаично-коммунистической) общественной формации он также предлагал различать последовательность периодов.

Из Третьего наброска:

««Сельская община» встречается также в Азии, у афганцев и др., но она повсюду представляет собой *самый новый тип* общины и, так сказать, последнее слово *архаической общественной формации*»; «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве».

Данный отрывок является, пожалуй, самым важным: чётко характеризуется вторичная формация. В частности, нам становится ясно, что именно во вторичную формацию Маркс включал рабовладельческий и феодальный способы производства.

Подведём теперь промежуточные итоги.

Марксова периодизация человеческой истории существенно отличается от так называемой «марксистско-ленинской пятичленки», т. е. «пяти общественно-экономических формаций»!

По существу, Маркс выделяет следующую диалектическую триаду:

1) Первичная общественная формация, основанная на общей собственности, иначе – архаический коммунизм. Эта формация не исчезла у всех народов сразу. Более того, когда у некоторых народов уже вполне развилась формация вторичная, прошедшая ряд этапов, включая рабовладение и крепостничество, у народов, оставшихся в рамках первичной формации, продолжалось своё этапное развитие. Поскольку центральным институтом первичной формации является сельская община, то, понятно, речь идёт о её эволюции.

2) Вторичная общественная формация, основанная на частной собственности. Как мы видели, эту формацию Маркс ещё называл «экономической». В рамках этой вторичной формации Маркс выделяет этапы: азиатский способ производства, античный способ производства (иначе – рабовладельческий), фе-

одальный способ производства (иначе – крепостнический). Наконец, высшим развитием экономической общественной формации является капиталистическое отношение, которое «развивается на такой ступени развития, которая сама уже есть результат целого ряда предшествующих этапов развития».

Процитирую и следующее важное примечание классика: «Та ступень производительности труда, из которой исходит капиталистическое отношение, является не чем-то данным природой, а чем-то созданным исторически, где труд давно вышел из своего первобытного состояния». То есть здесь проведено сравнение с обществами с первичной ещё формационностью. А из второго тома Капитала мы видели и ещё одну важную характеристику вторичной формации: товарный характер производства в ней.

3) Наконец, «третичная» формация. Диалектический переход к высшему состоянию коллективизма – посткапиталистическому (вообще – постчастно-собственническому и, понятно пост-товарно-денежному) коммунизму. Как уже отмечалось, это – отрицание отрицания, синтез вследствие тезиса – антитезиса.

Научный диалектико-материалистический подход Маркса к периодизации человеческой истории характерен ещё и тем, что он:

1) признавал правомочность выделения в рамках первичной и вторичной формаций других периодов (разных способов производства, а также преходящих укладов, хотя и на общеформационной базе);

2) указывал, как мы видели, на взаимодействие и взаимопроникновение этих способов производства и укладов, тем более, что на земном шаре сосуществовали в его время не только разные ступени развития вторичной формации, но даже и первичной. А если взять русскую земледельческую общину, то даже и промежуточная ступень между первичной и вторичной формациями;

3) подчёркивал, что высокие технологии развились только у тех народов, которые вполне прошли обе формации – и первичную, и вторичную. То есть настоящий, коммунистический синтез именно и возможен как отрицание отрицания, как синтез после первого отрицания (т. е. тезиса антитезисом);

4) однако, одновременно в своём известном Письме в редакцию Отечественных Записок (1877 г.) Маркс специально подчёркивал следующее:

«Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, – а за последние годы она немало потрудилась в этом направлении, – она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все. Но этого моему критику слишком мало. Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк

возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, — для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно, и слишком постыдно для меня.

Приведем пример. В различных местах «Капитала» я упоминал о судьбе, постигшей плебеев Древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие, каждый сам по себе, свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспроприированы. То самое движение, которое отделило их от их средств производства и существования, влекло за собой не только образование крупной земельной собственности, но также образование крупных, денежных капиталов. Таким образом, в один прекрасный день налицо оказались, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме своей рабочей силы, а с другой стороны — для эксплуатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздною «tow» («черную»), более презренной, чем недавние «poor whites» южной части Соединенных Штатов, а вместе с тем развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства. Таким образом, события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности».

То есть, как мы видели и выше — в Набросках — Маркс вовсе не представлял дело так, что до наступления коммунизма непременно все народы должны пройти все ступени двух предыдущих формаций, включая сюда и капитализм.

Однако при этом народы, не прошедшие через капитализм (даже, возможно, и через другие ступени развития вторичной формации в их классическом виде!), тоже вступят в коммунизм, только основываясь на высоких технологиях, добытых народами, прошедшими через вторичную формацию до конца, т.е. через самый развитый капитализм. Здесь — опять же материалистическая диалектика.

Кстати, как мы видели из этого Ответа в редакцию Отечественных Записок, в 1877 г. Маркс склонен был считать и постчастнобственнический коммунизм («третичную» формацию то есть) – формацией экономической. И тут уже стоит вспомнить о том, что в молодости (см. Экономическо-философские рукописи 1944 г.) Маркс ещё и предвидел посткоммунистический феномен – «положительный гуманизм». С коммунизма же, по его более поздней мысли, «лишь» закончится предыстория человечества и начнётся его подлинная история.

Ну, и завершая с проблемой формационности у Маркса, следует, наверное, упомянуть, что «азиатский способ производства» Маркс и Энгельс не рассматривали в рамках частнобственнической (т.е. вторичной) формации. В 1853 г. между ними произошёл обмен мнениями, в ходе которого они выяснили, что «в основе всех явлений на Востоке лежит отсутствие частной собственности на землю». Поскольку, однако, на базе «азиатского способа производства» возникла мощная государственность – «восточный деспотизм» (прочной основой которого были «идиллические сельские общины») – «азиатский способ производства» следует признать своеобразной переходной ступенью между формациями первичной и вторичной. И действительно, как раз общества с таким способом производства – крито-минойская цивилизация – предшествовали античному способу производства, первоначально развившемуся в Древней Греции.

Коснёмся теперь истока «советской марксистско-ленинской» категории «общественно-экономическая формация». Этот исток – в ленинских работах.

Начать следует, разумеется, с работы «Что такое «Друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (т. 1, ПСС, 1894 г). В этом первом томе ПСС на СС. 133-144 и последующих очень хорошо видно, как В. И. Ленин толковал марксово понятие формации; пользуется В.И. Ульянов-Ленин и синонимическими понятиями «строй», «порядок», «режим», «общество» и др.

Подробно анализировать этот ленинский труд не будем – это следует делать отдельно – но обратите внимание, что именно Ленин вводит в русский язык словосочетание «общественно-экономическая формация». Делает он это, что называется, сходу!

Сначала Ленин даёт верный перевод из «Капитала»: «... развитие экономической общественной формации...» Затем, вдруг, отмечает: «Маркс говорит только об одной «общественно-экономической формации», о капиталистической...» (см. ПСС, т. 1, стр.133) Вот где начало советского обществоведения!

Далее выходит, что для Ленина «Экономическая общественная формация» и «общественно-экономическая формация» суть одно и то же! (см. там же). На

последующих страницах Ленин фактически дает определение «общественно-экономической формации», используя, в частности, понятие «экономическая структура» (см. там же, стр. 135). На странице 136 читаем ленинский перевод Предисловия «К критике политической экономии Маркса»: немецкий оригинал, как мы видели, выглядит так: «In grossen Umrisen koennen asiatische, antike, feudale und modern buergerliche Produktionsweisen als progressive Epochen der oekonomischen Gesellschaftsformation bezeichnet werden».

В. И. Ленин же перевел это место так: «Рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие, буржуазные, производительные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества». Итак, Ленин перевел марксовы слова «как прогрессивные эпохи экономической общественной формации (или «экономической формации общества») по-своему: «как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества», т. е. понятие «экономическая формация общества» превращено Лениным в «историю экономических формаций общества»! В этой книге Ленин использует словосочетание «общественная формация», но у него это просто сокращение от «общественно-экономической формации»! Интересно отметить, что на стр. 138 В. И. Ленин очень близко подошел к марксовому понятию вторичной, экономической общественной формации, когда называет одной из «общественно-экономической формаций» «систему товарного хозяйства», а далее отмечает: Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую...».

К сожалению, в дальнейшем В. И. Ленин будет, на протяжении жизни касаться товарной организации общественного хозяйства в ее глобальной эволюции лишь вскользь, и тема эта – архиважная, как выясняется сегодня – у него всё время сводится, в конце концов, к «капиталистической общественной (= общественно-экономической) формации». (см. там же, стр. 139)

В. И. Ленин в «Друзьях народа» и «Экономическом содержании народничества» (см. тот же т. 1), упоминает аналогию с биологической эволюцией, говоря о формациях (см. стр. 143-144 и стр. 476). Кстати, на тех же страницах у Ленина есть и такие синонимы формации, как «общественная организация» и «социальная организация». На странице 154 опять у Ленина есть мимоходный уклон в сторону вторичной формации: «исторически определенная общественная формация (основанная на обмене)...».

Исключительно интересным местом является ленинское рассуждение о влиянии гегелевской триады на Маркса и Энгельса (см. сс. 163-174), но тема снова не развита до конца! (проблема взаимоотношения марксизма и гегельян-

ства сложна, и сам Ленин будет подходить к ней по-другому после 1913 года, чем до того; его отношение к гегелевской философии изменится от скептического на более позитивное).

На странице 180 мы читаем у Ленина в примечании о феодальной общественной формации: «Поэтому-то и опущены (у Маркса) другие черты экономических порядков средних веков, что они принадлежали к феодальной общественной формации, тогда как Маркс изучает одну капиталистическую...». Заметим, что об экономических порядках средних веков Ленин говорит во множественном числе!

Обратим внимание и на такое любопытное место в «Друзьях народа» (ПСС, т.1, стр. 199 – примечание): «Весь вопрос-то в том и состоит представляет ли из себя русский пролетариат такой, который свойственен буржуазной организации хозяйства, или иной какой?» – т. е. , получается, Ленин заведомо не отрицал в 1894 году, что может существовать пролетариат и некапиталистический в человеческой истории – Думается, да, ибо Ленин, в отличие от множества «марксистско-ленинских» схоластов-эпигонов, знал настоящее определение пролетариата, этимологию этого слова!

На странице 215, к примеру, (снова в примечании) встречаем у Ленина еще один синоним «формации» – «капиталистическая система».

На странице 216 В. И. Ленин указывает на «закон, что товарное хозяйство есть капиталистическое хозяйство, т. е. неизбежно порождает в его на известной ступени развития». (см. там же) «Интересно», что этот вывод Ленина подтверждается исторической практикой как бы с «попятной» стороны: государственный «социализм» на базе товарно-денежного хозяйства неизбежно разлагается «обратно» в капитализм! Это именно и произошло в СССР, сейчас происходит с Китаем, Вьетнамом и т. д., – действие закона стоимости, основного закона товарного хозяйства (а значит, и вторичной формации в целом) неумолимо!

Однако с другой стороны, у Ленина – иной акцент, чем у Маркса, т. к. Маркс и Энгельс склонны были подчеркивать буржуазный характер способа производства, который, не успев толком утвердиться в качестве особой *Gesellschaftsformation*, уже находится в упадке; эту мысль Маркс подчеркивал и в «Манифесте», и в «Критике политической экономии» (Соб. соч. Т. 26, ч. 3, стр. 446), и в Набросках к письму В. Засулич. Ленин же не только называет буржуазный способ производства, отдельной общественно-экономической формации, но и нет-нет подчеркивает живучесть капитализма (не всегда и не везде, понятно).

Обратим внимание еще на одно место у Ленина (т. 1, стр. 238): «... кто хотел бы серьезно критиковать социал-демократизм, – тот должен бы сосредото-

чить свою аргументацию именно на этом, показать, что Россия в политико-экономическом отношении не представляет из себя системы товарного хозяйства...». Осмелимся по аналогии утверждать: «Кто хотел бы серьезно критиковать марксизм, отрицающий социалистическую природу СССР – как сталинского, так и послесталинского исторических периодов, должен бы показать, что СССР в политико-экономическом отношении не представлял из себя системы товарно-денежного хозяйства!»

Если кто-то считает такую аналогию передержкой, пусть обратится к странице 253, т. 1: «Ведь для организации крупного производства без предпринимателей нужно, во-первых, уничтожение товарной организации общественного хозяйства...». Заметим, Ленин не говорит об уничтожении, прежде всего, и главным образом, классов капиталистов и помещиков, а именно товарной организации, иначе найдутся новые предприниматели, и это мы хорошо видим сегодня на опыте экс-СССР. В 1914 году Ленин написал известную статью «К. Маркс», эта статья была переиздана в 1918 году без изменений. Здесь Ленин осуществил новый перевод известного места из Предисловия «К критике политической экономии» Маркса: «...В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способ производства можно обозначить как прогрессивные экономические и общественные формации». (Т. 26, С. 57)

Больше понятие «общественно-экономическая формация» в ПСС Ленина не встречается, поэтому трудно сказать, В. И. Ленин пересмотрел свои прежние воззрения на формационность или нет, однако материалы и лекции «О государстве» (см. Т. 39, С. 69-79) скорее свидетельствуют о том, что нет, хотя словом «формация» в ней Ленин не пользуется.

Теперь о «строительстве пролетариатом, взявшим власть только на какой-нибудь территории своего капиталистического государства».

Считаем, что это – уже одно из стойких троцкистских заблуждений, которое, к сожалению, всё ещё воспроизводится и определёнными левокоммунистическими группами (как «госкаповского», так и не «госкаповского» толка).

Если речь идёт об СССР, в частности, то, во-первых, рабочий пролетариат как класс НЕ взял власть на территории бывшей царской России. Соответственно, и никакого «своего капиталистического государства» он НЕ строил! Да и не мог построить! Власть взяла большевистская партия, которая сумела в решающий момент повести за собой необходимую массу пролетариата и крестьянства, т.е. возглавить союз этих двух классов в их борьбе против двуклассового же эксплуататорского буржуазно-помещичьего блока.

Поскольку большевистская партия опиралась на два класса (что однозначно признавал и Ленин в своём «завещании»), то не удивительно, что в её руководстве были, среди прочих, и представители борющегося рабочего пролетари-

ата, т. е. – внимание! – не пресловутые «выразители интересов пролетариата» (но сами по своему социальному происхождению и бытию никак не производительные работники, а интеллигенты, бывшие мелкие буржуа и даже дворяне), а именно рабочие пролетарии. Однако очень рано именно рабочие пролетарии были один за другим репрессированы как «фракционеры». Подробности этой трагедии хорошо известны.

Когда же после победы в гражданской войне большевистская партия приступила к «мирному строительству», произошло то новое эксплуататорское классовое образование, которое не раз наблюдалось и ранее в человеческой истории. Политическим оформлением этого классового образования явился новый деспотизм. О сути процесса ТАКОГО эксплуататорского классового образования Ф. Энгельс писал в Анти-Дюринге следующее: «... эта всё возрастающая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу могла со временем вырасти в господство над обществом [...] первоначальный слуга общества, при благоприятных условиях, постепенно превращался в господина над ним [...] он при этом превращении применял, в конце концов, также и насилие и таким образом, наконец, отдельные господствующие лица сплотились в господствующий класс. Нам важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции и что политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло. Сколько ни было в Персии и Индии деспотий, последовательно расцветавших, а потом погибавших, каждая из них знала очень хорошо, что она, прежде всего, – совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было какое бы то ни было земледелие».

Советский же совокупный предприниматель, однако, существенно отличался от восточного деспотизма эпохи азиатского способа производства, – а именно тем, что возник и развивался он на крупнокапиталистическом базисе, сразу же монополизированном новым постреволюционным государством ещё на той стадии, когда оно само только проходило пору своего становления, точнее – воссоздания после хаоса гражданской войны. Ну, и, разумеется, опорой этого деспотизма были не «микрокосмы» изолированных друг от друга сельских общин, а наёмный труд в городах, как и рабский труд заключённых в лагерях периода индустриализации. Русскую земледельческую общину этот новый деспотизм разрушил, а крестьян превратил частью в наёмных сельхозработчиков, частью же, по сути, в государственных крепостных!

Январь 2006 года

АУТЕНТИЧНЫЙ МАРКСИЗМ

КАПИТАЛ

Том третий

Книга III

ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА,

ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

Часть первая

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ (СРЕДНЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ) И ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ ТОВАРОВ В ЦЕНУ ПРОИЗВОДСТВА

К. Маркс

Органическое строение капитала зависит в каждый данный момент от двух обстоятельств: во-первых, от технического отношения между применяемой рабочей силой и массой применяемых средств производства; во-вторых, от цены этих средств производства. Его следует рассматривать, как мы видели, в процентном отношении. Органическое строение капитала, состоящего на $\frac{4}{5}$ из постоянного и на $\frac{1}{5}$ из переменного капитала, мы выражаем формулой $80_c + 20_v$. Далее, при сравнении предполагается неизменная норма прибавочной стоимости, а именно какая-либо произвольная норма, например 100%. Капитал, состоящий из $80_c + 20_v$, даёт таким образом прибавочную стоимость в 20_m , что составляет на весь капитал норму прибыли в 20%. Величина действительной стоимости его продукта зависит от того, насколько велика основная часть постоянного капитала, и от того, много или мало из этой последней входит в стоимость продукта вследствие изнашивания. Но так как это обстоятельство не имеет значения для нормы прибыли, а потому и для настоящего исследования, то ради простоты мы принимаем, что постоянный капитал одинаково везде входит целиком в годовой продукт рассматриваемых капиталов. Мы принимаем далее, что капиталы различных сфер производства реализуют ежегодно одинаковое по отношению к величине переменной их части количество прибавочной стоимости; следовательно, мы пока оставляем в стороне ту разницу, которую в этом

отношении может вызвать различие во времени оборота. Этот пункт мы рассмотрим позже.

Возьмём, к примеру, пять различных сфер производства с различным органическим строением вложенных в них капиталов:

169

Капиталы	Норма прибавочной стоимости	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Норма прибыли
I. $80_c + 20_v$	100%	20	120	20%
II. $70_c + 30_v$	100%	30	130	30%
III. $60_c + 40_v$	100%	40	140	40%
IV. $85_c + 15_v$	100%	15	115	15%
V. $95_c + 5_v$	100%	5	105	5%

Мы получаем здесь для различных сфер производства при одинаковой степени эксплуатации труда весьма различные нормы прибыли, соответственно различному органическому строению капиталов.

Общая сумма капиталов, вложенных в пять сфер, = 500; общая сумма произведённой ими прибавочной стоимости = 110; общая стоимость произведённых ими товаров = 610. Рассмотрим 500 как единый капитал, по отношению к которому капиталы I–V являются только отдельными частями (как, например, это имеет место на хлопчатобумажной фабрике, в различных отделах которой – кардном, приготовительном, прядильном, ткацком – существует различное отношение между постоянным и переменным капиталом и среднее отношение для всей фабрики получается только путём вычисления). В этом случае среднее строение капитала 500 было бы = $390_c + 110_v$, или в процентах $78_c + 22_v$. Строение каждого из капиталов в 100, рассматриваемого лишь как $\frac{1}{5}$ всего капитала, было бы этим средним строением $78_c + 22_v$; равным образом на каждые 100 единиц приходилось бы 22 единицы в качестве средней прибавочной стоимости; поэтому средняя норма прибыли была бы = 22%, и, наконец, цена каждой $\frac{1}{5}$ всего продукта, произведённого капиталом в 500, равнялась бы 122. Продукт каждой пятой части всего авансированного капитала должен был бы, таким образом, продаваться за 122.

Однако во избежание совершенно ложных выводов необходимо считать, что издержки производства не во всех случаях равны 100.

При $80_c + 20_v$ и норме прибавочной стоимости = 100% вся стоимость товара, произведённого капиталом I = 100, была бы = $80_c + 20_v + 20_m = 120$, если бы весь постоянный капитал входил в годовой продукт. При определённых условиях это, конечно, может иметь место в некоторых сферах производства.

170

Однако едва ли это возможно там, где отношение $c : v = 4 : 1$. Таким образом следует иметь в виду, что стоимости товаров, производимые каждым 100 единицами различных капиталов, могут быть различны в зависимости от различного деления c на основную и оборотную составные части и что основные составные части различных капиталов могут, в свою очередь, изнашиваться медленнее или быстрее, следовательно, в равные промежутки времени присоединять к продукту неравные количества стоимости. На норму прибыли это, однако, не оказывает влияния. Отдают ли 80_c годовому продукту стоимость, равную 80 или 50, или 5, будет ли поэтому годовым продуктом $= 80_c + 20_v + 20_m = 120$, или $= 50_c + 20_v + 20_m = 90$, или $= 5_c + 20_v + 20_m = 45$, – во всех этих случаях избыток стоимости продукта над его издержками производства $= 20$, и во всех этих случаях при установлении нормы прибыли, эти 20 рассчитываются на капитал, равный 100; норма прибыли для капитала I таким образом во всех случаях $= 20\%$. Чтобы представить это ещё отчётливее, мы в следующей таблице, относящейся к тем же пяти капиталам, что и раньше, принимаем, что в стоимость продукта входят различные доли постоянного капитала.

Капиталы	Норма прибавочной стоимости	Прибавочная стоимость	Потреблённая часть c	Стоимость товаров	Издержки производства
I. $80_c + 20_v$	100%	20	50	90	70
II. $70_c + 30_v$	100%	30	51	111	81
III. $60_c + 40_v$	100%	40	51	131	91
IV. $85_c + 15_v$	100%	15	40	70	55
V. $95_c + 5_v$	100%	5	10	20	15
$390_c + 110_v$	–	110	–	–	Сумма
$78_c + 22_v$	–	22	–	–	В среднем

Если мы капиталы I–V будем опять рассматривать как единый совокупный капитал, то мы увидим, что и в этом случае строение суммы пяти капиталов $= 500 = 390_c + 110_v$, следовательно, среднее строение остаётся тем же самым $= 78_c + 22_v$,

171

точно так же и средняя прибавочная стоимость $= 22$ единицам. Распределив эту прибавочную стоимость равномерно между капиталами I–V, мы получили бы следующие товарные цены:

Капиталы	Прибавочная стоимость	Стоимость товаров	Издержки производства товаров	Цена товаров	Норма прибыли	Отклонение цены от стоимости
I. $80_c + 20_v$	20	90	70	92	22%	+ 2

II. $70_c + 30_v$	30	111	81	103	22%	- 8
III. $60_c + 40_v$	40	131	91	113	22%	-18
IV. $85_c + 15_v$	15	70	55	77	22%	+ 7
V. $95_c + 5_v$	5	20	15	37	22%	+17

В общей сложности товары продаются на $2 + 7 + 17 = 26$ выше и на $8 + 18 = 26$ ниже стоимости, так что отклонения цен взаимно уничтожаются благодаря равномерному распределению прибавочной стоимости, т. е. благодаря присоединению к соответственным издержкам производства товаров I–V средней прибыли в 22 единицы на каждую сотню авансированного капитала; в той же самой мере, в какой одна часть товаров продаётся выше, другая часть продаётся ниже её стоимости. И только продажа их по таким ценам делает возможным, что норма прибыли для капиталов I–V одинакова и равна 22%, несмотря на различное органическое строение капиталов I–V. Цены, возникающие таким образом, что из различных норм прибыли в различных сферах производства выводится средняя и эта средняя присоединяется к издержкам производства в различных сферах производства, – такие цены суть *цены производства*. Предпосылкой их является существование какой-то общей нормы прибыли, а эта последняя предполагает, в свою очередь, что нормы прибыли в каждой особой сфере производства в отдельности уже сведены к соответствующей средней норме. Эти особые нормы прибыли в каждой сфере производства $=m/K$ и должны быть выведены, как это и сделано в первом отделе настоящей книги, из стоимости товара. Без такого выведения общая норма прибыли (а следовательно и цена производства товара) была бы представлением, лишённым смысла и содержания. Цена производства товара равняется, таким образом, издержкам его производства плюс присоединённая

172

к ним прибыль, исчисленная соответственно общей норме прибыли, другими словами: цена производства товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль.

Вследствие различного органического строения капиталов, вложенных в различные отрасли производства, а потому вследствие того, что в зависимости от различного процентного отношения переменной части ко всему капиталу данной величины равновеликими капиталами приводятся в движение весьма различные количества труда, равновеликими капиталами присваиваются также весьма различные количества прибавочного труда, или производятся весьма различные массы прибавочной стоимости. Соответственно этому нормы прибыли, господствующие в различных отраслях производства, первоначально весьма различны. Эти различные нормы прибыли выравниваются путём конкуренции в единую общую норму прибыли, представляющую собой среднее из

этих различных норм прибыли. Прибыль, выпадающая согласно этой общей норме на капитал данной величины, каково бы ни было его органическое строение, называется средней прибылью. Цена товара, равная его издержкам производства плюс выпадающая на его долю при данных условиях его оборота часть годовой средней прибыли на капитал, применяемый в производстве товара (а не только потреблённый в его производстве), есть его цена производства. Возьмём для примера капитал в 500, в том числе 100 основного капитала, 10% которого изнашивается в течение одного периода оборота, совершаемого оборотным капиталом в 400. Средняя норма прибыли в продолжение этого периода оборота пусть будет 10%. Тогда издержки производства продукта, изготовленного за время этого оборота, будут: 10_c (износ) плюс 400 (c + v) оборотного капитала = 410; и его цена производства: 410 издержки производства плюс (10% прибыли на 500) 50 = 460.

Таким образом, хотя капиталисты различных отраслей производства при продаже своих товаров получают обратно капитальные стоимости, затраченные на производство этих товаров, однако они получают не ту прибавочную стоимость, а следовательно и не ту прибыль, которая произведена в их собственной отрасли при производстве этих товаров, а лишь столько прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, сколько при равномерном распределении её приходится на каждую соответственную часть совокупного общественного капитала из всей прибавочной стоимости, или всей прибыли, произведённой в течение данного промежутка времени этим совокупным общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых. На 100 единиц каждого авансированного

173

капитала, каково бы ни было его строение, приходится в течение года или иного промежутка времени столько прибыли, сколько и на каждую сотню всего совокупного капитала за этот же промежуток времени. Поскольку дело касается прибыли, различные капиталисты относятся здесь друг к другу, как простые акционеры одного акционерного общества, в котором прибыль распределяется между ними равномерно на каждую сотню капитала и поэтому для различных капиталистов она бывает различна лишь в зависимости от величины капитала, вложенного каждым в общее предприятие в зависимости от относительных размеров участия каждого в этом общем предприятии, в зависимости от числа принадлежащих каждому акций. Итак, если та часть товарной цены, которая возмещает части капитальной стоимости, потреблённые в производстве товара, и на которую, следовательно, эти потреблённые капитальные стоимости снова должны быть закуплены, если эта часть, составляющая издержки производства, всецело определяется затратами, произведёнными в пределах соответственной

сферы производства, то другая составная часть товарной цены, присоединяемая к этим издержкам производства, прибыль, определяется не массой прибыли, произведённой этим определённым капиталом в этой определённой сфере производства в течение данного времени, а той массой прибыли, которая за данный промежуток времени в среднем приходится на каждый вложенный в дело капитал, как определённую часть совокупного общественного капитала, вложенного во всё производство в целом ²²⁾.

Таким образом, если капиталист продаёт свой товар по цене производства, то он получает количество денег, соответствующее величине стоимости капитала, потреблённого им в производстве, и извлекает прибыль, пропорциональную величине авансированного им капитала, просто как определённой части совокупного общественного капитала. Издержки производства для каждого капиталиста носят специфический характер. Прибыль, присоединяемая к этим издержкам производства, не зависит от условий соответствующей особой сферы производства и есть простая средняя на каждую сотню авансированного капитала.

Допустим, что в предыдущем примере пять различных капиталов I–V принадлежат одному лицу. Количество переменного и постоянного капитала, потреблённое в производстве товаров на каждую сотню вложенного в дело капитала, здесь дано для

²²⁾ *Cherbuliez* [«Richesse ou pauvreté». Paris, 1841, p. 71–72]

174

каждого предприятия I–V, и эта часть стоимости товаров I–V, само собой разумеется, часть их цены, так как эта цена необходима для возмещения авансированной и потреблённой части капитала. Таким образом, эти издержки производства различны для каждого рода товаров I–V и как таковые должны быть фиксированы владельцем. Что же касается различных масс прибавочной стоимости, или прибыли, произведённых на предприятиях I–V, то капиталист мог бы рассматривать их как прибыль на весь свой авансированный капитал, так что на каждую сотню капитала пришлась бы соответствующая часть всей этой прибыли. Следовательно, издержки производства товаров на каждом из предприятий I–V были бы различны; но у всех этих товаров оказалась бы равной та часть продажной цены, которая образуется присоединяемой к издержкам производства прибылью на каждую сотню капитала. Общая цена товаров I–V равнялась бы, таким образом, общей их стоимости, т. е. сумме издержек производства I–V плюс сумма прибавочной стоимости, или прибыли, произведённой в I–V; следовательно, на деле общая их цена была бы денежным выражением совокупного количества труда как прошлого, так и вновь присоединённого, заключающегося в товарах I–V. Подобным же образом в масштабе общества, –

если рассматривать все отрасли производства как одно целое, – сумма цен производства произведённых товаров равна сумме их стоимостей.

Кажется, будто этому положению противоречит тот факт, что в капиталистическом производстве элементы производительного капитала покупаются обыкновенно на рынке, следовательно, цены их содержат уже реализованную прибыль, и поэтому цена производства вместе с заключающейся в ней прибылью одной отрасли промышленности входит в издержки производства другой. Но если мы подсчитаем, с одной стороны, сумму издержек производства товаров в целой стране, с другой стороны, – сумму производимой в ней прибыли, или прибавочной стоимости, то, очевидно, мы получим правильный итог. Возьмём, например, какой-либо товар A ; пусть в издержки его производства входят прибыли от B, C, D , а в издержки производства B, C, D , в свою очередь, входит прибыль от A . Производя вышеуказанный подсчёт, мы не будем прибыль от A причислять к его собственным издержкам производства, и точно так же прибыли от B, C, D и т. д. не войдут в их собственные издержки производства. Никто не причисляет своей собственной прибыли к издержкам своего производства. И, следовательно, если имеется, например, n отраслей производства

175

и в каждой из них прибыль равна p , то издержки производства всех их вместе взятых = $k - np$. Рассматривая весь расчёт в целом, мы находим таким образом, что прибыли одной сферы производства, поскольку они входят в издержки производства другой сферы, уже учитываются здесь как составная часть общей цены окончательного продукта и не могут снова появиться в графе прибылей. Если же они появляются в этой графе, то только потому, что данный товар сам есть окончательный продукт и, следовательно, его цена производства не входит в издержки производства какого-либо другого товара.

Если в издержки производства товара входит сумма = p , составляющая прибыль производителей средств производства, и если на эти издержки производства набавляется прибыль, равная p_1 , то общая прибыль будет $P = p + p_1$. Общая сумма издержек производства товара, абстрагированная от всех элементов цены, приходящихся на прибыль, равняется его собственным издержкам в данной сфере производства без p . Если мы эти издержки производства назовём k , то, очевидно, $k + P = k + p + p_1$. При исследовании прибавочной стоимости в «Капитале», кн. I, гл. VII, 2, стр. 182 и сл. мы видели, что продукт каждого капитала можно рассматривать таким образом, что одна часть его только возмещает капитал, тогда как другая выражает лишь прибавочную стоимость. Применяя этот расчёт к совокупному продукту общества, необходимо сделать соответственные поправки, так как по отношению ко всему обществу в целом прибыль, заключающаяся, например, в цене льна, не может фигурировать дважды:

один раз – как часть цены полотна и другой раз – как прибыль производителя льна.

Между прибылью и прибавочной стоимостью не существует различия, поскольку, например, прибавочная стоимость капиталиста A входит в постоянный капитал B . Ведь для стоимости товара совершенно безразлично, состоит ли заключающийся в нём труд из оплаченного или неоплаченного труда. Это показывает только, что B уплачивает прибавочную стоимость A . В общем итоге прибавочная стоимость A не может засчитываться два раза.

Однако существует всё же следующее различие. Мало того, что цена продукта, произведённого, например, капиталом B , отклоняется от его стоимости, так как прибавочная стоимость, реализованная в B , может быть больше или меньше, чем прибыль, присоединённая к цене продуктов B , – то же самое обстоятельство сохраняет свою силу и по отношению к товарам, которые образуют постоянную часть капитала B , а косвенно – в качестве жизненных средств рабочих – и переменную его

176

часть. Что касается постоянной части, то она сама равна издержкам производства плюс прибавочная стоимость, т. е. в данном случае равна издержкам производства плюс прибыль, а эта прибыль, в свою очередь, может быть больше или меньше, чем та прибавочная стоимость, место которой она заступает. Что касается переменного капитала, то хотя дневная заработная плата в среднем всегда равна новой стоимости, созданной в течение того количества часов, которое рабочий должен работать для того, чтобы произвести необходимые жизненные средства, однако само это количество часов, в свою очередь, непостоянно в силу того, что цены производства необходимых жизненных средств отклоняются от их стоимостей. Всё это разрешается, однако, благодаря тому, что в один товар прибавочной стоимости входит на столько больше, на сколько её недостаёт в другом, а следовательно, отклонения от стоимости, заключающиеся в ценах производства товаров, взаимно уничтожаются. Вообще при капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твёрдо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний.

Так как общая норма прибыли образуется из средней различных норм прибыли на каждую сотню авансированного капитала за определённый период времени, скажем, за один год, то в ней погашается и то различие, которое создаётся различием времени оборота различных капиталов. Но эти различия являются определяющим моментом для различных норм прибыли тех разных сфер производства, средняя которых образует общую норму прибыли.

В предыдущей иллюстрации образования общей нормы прибыли каждый капитал каждой сферы производства был принят = 100, и это было сделано для того, чтобы выяснить процентную разницу в нормах прибыли, а следовательно, и разницу в стоимости товаров, производимых капиталами одинаковой величины. Но, разумеется, в действительности массы прибавочной стоимости, создаваемые в каждой отдельной сфере производства, зависят, раз дано строение капитала в каждой из этих данных сфер производства, от величины вложенных в дело капиталов. Между тем особая *норма* прибыли каждой отдельной сферы производства не изменяется от того, применяется ли в данном случае капитал, равный 100, $m \times 100$ или $xm \times 100$. Норма прибыли одинаково составляет 10% как в том случае, когда вся прибыль составляет 10 : 100, так и в том случае, когда она составляет 1 000 : 10 000.

177

Но так как нормы прибыли в разных сферах производства различны вследствие того, что в этих последних, в зависимости от процентного отношения переменного капитала ко всему капиталу, производятся весьма различные массы прибавочной стоимости и, следовательно, весьма различные массы прибыли, то, очевидно, средняя прибыль на сотню общественного капитала, а потому и средняя норма прибыли, или общая норма прибыли, будет весьма значительно изменяться в зависимости от соответственной величины капиталов, вложенных в разные сферы производства. Возьмём четыре капитала A, B, C, D . Пусть норма прибавочной стоимости для всех них будет = 100%. Пусть, наконец, на каждую сотню всего капитала приходится переменного капитала в $A = 25$, в $B = 40$, в $C = 15$, в $D = 10$. Тогда прибавочная стоимость, или прибыль, на каждую сотню всего капитала составила бы для $A = 25$, для $B = 40$, для $C = 15$, для $D = 10$, всего = 90; следовательно, если все четыре капитала равновелики, средняя норма прибыли = $90/4 = 22\frac{1}{2}\%$

Но если общие величины капиталов будут: $A = 200$, $B = 300$, $C = 1000$, $D = 4\ 000$, то произведённые прибыли составят соответственно 50, 120, 150 и 400. Всего на 5 500 единиц капитала приходится 720 единиц прибыли, т. е. средняя норма прибыли равна $13\frac{1}{11}\%$.

Массы всей произведённой стоимости различны в зависимости от различия общих величин соответственных капиталов, авансированных в A, B, C и D . Поэтому при образовании общей нормы прибыли речь идёт не только о различии *норм* прибыли в разных сферах производства, из которых надлежало бы просто вывести среднюю арифметическую, а и о том удельном весе, с которым эти различные нормы прибыли вступают в образование средней. Но это зависит от относительной величины капитала, вложенного в каждую отдельную сферу, т. е. от того, какую часть совокупного общественного капитала составляет

капитал, вложенный в каждую отдельную сферу производства. Конечно, имеет очень существенное значение, большая или меньшая часть всего капитала даёт большую или меньшую норму прибыли. А это зависит опять-таки от того, сколько капитала вложено в отрасли производства с высоким и сколько в отрасли с низким отношением переменного капитала ко всему капиталу. Здесь дело обстоит совершенно так же, как со средней ставкой процента, получаемого ростовщиком, ссужающим различные части своего капитала из различных процентов, например из 4%, 5%, 6%, 7% и т. п. Средняя норма всецело зависит

178

от того, какую часть своего капитала ростовщик ссудил по каждой из этих различных процентных ставок.

Таким образом, общая норма прибыли определяется двумя факторами:

1) органическим строением капиталов в разных сферах производства, следовательно, различными нормами прибыли в отдельных сферах;

2) распределением совокупного общественного капитала между этими различными сферами, следовательно, относительной величиной капитала, вложенного в каждую отдельную сферу и имеющего поэтому особую норму прибыли, т. е. той долей, которая поглощается каждой отдельной сферой производства из всей массы общественного капитала.

В кн. I и II «Капитала» мы имели дело только со *стоимостями* товаров. Теперь же, с одной стороны, обособлены *издержки производства* как часть этой стоимости, с другой стороны, развита *цена производства* как превращённая форма стоимости товара.

Пусть среднее строение общественного капитала $80_c + 20_v$, и норма годовой прибавочной стоимости $m' = 100\%$, тогда средняя годовая прибыль для капитала в 100 будет = 20 и общая годовая норма прибыли = 20%. Каковы бы ни были k , издержки производства товаров, произведённых в течение года капиталом 100, их цена производства была бы во всяком случае = $k + 20$. В сферах производства, где строение капитала = $(80 - x)_c + (20 + x)_v$, действительно произведённая прибавочная стоимость или прибыль, произведённая в течение года в данной сфере производства, была бы = $20 + x$, т. е. больше, чем 20, и произведённая товарная стоимость была бы = $k + 20 + x$, больше, чем $k + 20$, или больше, чем цена производства. В сферах, где строение капитала = $(80 + x)_c + (20 - x)_v$, произведённая в течение года прибавочная стоимость, или прибыль, была бы = $20 - x$, т. е. меньше, чем 20, и потому стоимость товара $k + 20 - x$ была бы меньше, чем цена производства, которая = $k + 20$. Если оставить в стороне возможные различия во времени оборота, цена производства товаров была бы равна их стоимости только в тех сферах, где строение капитала случайно = $80_c + 20_v$.

Специфическое развитие общественной производительной силы труда в каждой, отдельной сфере производства различно по степени, выше или ниже в зависимости от того, каково количество средств производства, приводимых в движение определённым количеством труда, или – при данном рабочем дне – определённым числом рабочих, т. е. оно обратно пропорционально

179

количеству труда, требуемого определённым количеством средств производства. Поэтому капиталы, которые содержат больший процент постоянного и, следовательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал, мы называем капиталами *высокого* строения. Наоборот, капиталы, в которых постоянный капитал занимает относительно меньшее, а переменный относительно большее место, чем в среднем общественном капитале, мы называем капиталами *низкого* строения. Наконец, капиталами среднего строения мы называем такие, строение которых совпадает со строением среднего общественного капитала. Если средний общественный капитал состоит в процентах из $80_c + 20_v$, то капитал $90_c + 10_v$ стоит *выше*, капитал $70_c + 30_v$ *ниже* среднего общественного. Вообще при строении среднего общественного капитала, равном $m_c + n_v$, где m и n суть величины постоянные и $m + n = 100$, $(m + x)_c + (n - x)_v$ представляет высшее, $(m - x)_c + (n + x)_v$ – низшее строение отдельного капитала или группы капиталов. Как функционируют эти капиталы по установлению средней нормы прибыли при предположении, что все они оборачиваются один раз в год, – показывает следующая таблица, где I представляет среднее строение, а средняя норма прибыли поэтому = 20%.

I. $80_c + 20_v + 20_m$. Норма прибыли = 20%.

Цена продукта = 120. Стоимость = 120.

II. $90_c + 10_v + 10_m$. Норма прибыли = 20%.

Цена продукта = 120. Стоимость = 110.

III. $70_c + 30_v + 30_m$. Норма прибыли = 20%.

Цена продукта = 120. Стоимость = 130.

Таким образом, для товаров, произведённых капиталом II, стоимость меньше, чем цена производства; для товаров, произведённых капиталом III, цена производства меньше, чем стоимость, и только для капитала I в отрасли производства, где строение капитала случайно совпадает со средним общественным строением, стоимость и цена производства равны. Впрочем, при применении этих обозначений к определённым случаям необходимо, конечно, учитывать, в какой мере отклонение отношения c к v от среднего уровня вызывается не разницей в техническом строении, а простым изменением стоимости элементов постоянного капитала.

Рассуждения, развитые выше, несомненно модифицируют определение издержек производства товаров. Первоначально предполагалось, что издержки производства товара равны *стоимости* товаров, потреблённых при его производстве. Но цена производства данного товара для покупателя последнего

180

является его издержками производства и может таким образом войти в образование цены другого товара в качестве издержек производства. Так как цена производства товара может отклоняться от его стоимости, то и издержки производства товара, в которые включена эта цена производства другого товара, могут быть выше или ниже той части всей его стоимости, которая образуется стоимостью входящих в него средств производства. Не следует забывать об этом модифицированном значении издержек производства, не следует поэтому забывать, что всегда возможна ошибка, если приравнять в какой-либо отдельной сфере производства издержки производства товаров к стоимости потреблённых при их изготовлении средств производства. Для нашего настоящего исследования нет необходимости подробнее входить в рассмотрение этого пункта. При этом во всяком случае остаётся справедливым положение, что издержки производства товаров всегда меньше их стоимости. В самом деле, как бы ни отклонялись издержки производства товара от стоимости потреблённых им средств производства, для капиталиста эти прошлые отклонения не имеют никакого значения. Издержки производства товара есть данная, независимая от его, капиталиста, производства предпосылка, в то время как результат его производства есть товар, содержащий прибавочную стоимость, т. е. некоторый избыток стоимости над издержками его производства. Впрочем, положение, что издержки производства меньше, чем стоимость товара, практически превратилось теперь в положение, что издержки производства меньше, чем цена производства. По отношению к совокупному общественному капиталу, для которого цена производства равна стоимости, это положение тождественно с предыдущим, что издержки производства меньше, чем стоимость. Хотя для отдельных сфер производства оно модифицируется, тем не менее в основе его всегда остаётся тот факт, что при рассмотрении совокупного общественного капитала издержки производства произведённых им товаров оказываются ниже, чем стоимость, или, в данном случае, применительно ко всей массе произведённых товаров, издержки производства их оказываются ниже, чем тождественная с этой стоимостью цена производства. Издержки производства товара соответствуют только количеству заключающегося в нём оплаченного труда, стоимость – всему количеству заключающегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда, цена производства – сумме оплаченного труда плюс определённое количество

неоплаченного труда, независимое от особых условий данной сферы производства.

181

Формула, согласно которой цена производства товара $= k + p$, т. е. равна издержкам производства плюс прибыль, теперь точнее определилась в том смысле, что $p = kp'$ (где p – общая норма прибыли) и, следовательно, цена производства $= k + kp'$. Если $k = 300$ и $p' = 15\%$, то цена производства $k + kp' = 300 + 300 \times 15/100 = 345$

Цена производства товаров в каждой отдельной отрасли производства может изменяться:

1) при неизменной стоимости товаров (т. е. при условии, что в производство товара входит неизменно одно и то же количество мёртвого и живого труда) – вследствие такого изменения общей нормы прибыли, которое не зависит от конкретных условий данной сферы производства;

2) при неизменной общей норме прибыли – вследствие изменения стоимости как в самой данной сфере производства в результате технических перемен, так и вследствие изменения стоимости товаров, которые входят в постоянный капитал данной сферы производства в качестве образующих элементов;

3) наконец, – вследствие совместного влияния обоих этих обстоятельств.

Несмотря на крупные изменения, которым, – как будет показано дальше, – постоянно подвергаются фактические нормы прибыли в отдельных сферах производства, действительное изменение общей нормы прибыли, поскольку оно не вызывается какими-либо исключительными чрезвычайными экономическими событиями, наступает очень поздно вследствие целого ряда колебаний, охватывающих весьма продолжительные периоды, т. е. колебаний, требующих много времени для того, чтобы наступило прочное и уравновешенное изменение общей нормы прибыли. Поэтому при рассмотрении сравнительно коротких периодов (колебания рыночных цен мы совершенно оставляем в стороне) изменения цен производства всегда следует объяснять *prima facie* * действительным изменением стоимости товаров, т. е. изменением общей суммы рабочего времени, необходимого для их производства. Простое изменение денежного выражения одних и тех же стоимостей здесь, разумеется, вовсе не принимается во внимание ²³⁾.

С другой стороны, очевидно, что если рассматривать совокупный общественный капитал, то сумма стоимости произведённых им товаров (или, в денежном выражении, их цена)

* – в первую очередь. *Ред.*

²³⁾ *Corbet* [«An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals». London, 1841], p. 174.

182

будет = стоимости постоянного капитала + стоимость переменного капитала + прибавочная стоимость. Если степень эксплуатации труда принять за величину постоянную, то при неизменной массе прибавочной стоимости норма прибыли может изменяться здесь лишь при том условии, если изменяется стоимость постоянного капитала, если изменяется стоимость переменного капитала, или если обе они вместе изменяются так, что изменяется K , а следовательно и m/K , общая норма прибыли. Следовательно, в каждом случае изменение общей нормы прибыли предполагает изменение стоимости товаров, которые входят в качестве образующих элементов в постоянный капитал, в переменный капитал или одновременно в тот и другой.

Далее, общая норма прибыли может изменяться при неизменной стоимости товаров, раз изменяется степень эксплуатации труда.

Наконец, при неизменной степени эксплуатации труда общая норма прибыли может изменяться, если сумма применяемого труда относительно изменяется по сравнению с постоянным капиталом вследствие технических перемен в процессе труда. Но такие технические перемены всегда должны обнаруживаться в изменении стоимости товаров, а потому должны всегда сопровождаться изменением стоимости товаров, на производство которых теперь требуется больше или меньше труда, чем требовалось раньше.

В первом отделе мы видели, что прибавочная стоимость и прибыль тождественны, поскольку они рассматриваются со стороны их массы. Однако норма прибыли уже с самого начала оказывается отличной от нормы прибавочной стоимости, причём отличие это первоначально представляется лишь иной формой расчёта; но так как норма прибыли может повышаться или понижаться при неизменной норме прибавочной стоимости и наоборот, и так как капиталиста практически интересуется исключительно норма прибыли, то это обстоятельство опять-таки с самого начала совершенно затемняет и мистифицирует происхождение прибавочной стоимости. Тем не менее количественное различие было только между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли, а не между самой прибавочной стоимостью и прибылью. Так как в норме прибыли прибавочная стоимость исчисляется на весь капитал и относится к этому последнему как к своей мере, то вследствие этого кажется, будто сама прибавочная стоимость возникла из всего капитала, и притом равномерно из всех его частей, и таким образом органическое различие между постоянным и переменным капиталами погашается

183

в понятии прибыли; поэтому в действительности в этом своём превращённом виде, в качестве прибыли, прибавочная стоимость сама отрицает своё происхождение, утрачивает свой характер, становится неузнаваемой. Однако до сих пор различие между прибылью и прибавочной стоимостью сводилось лишь к качественному изменению, к изменению формы, в то время как действительное количественное различие на этой первой ступени превращения существует лишь между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости, но ещё не между прибылью и прибавочной стоимостью.

Иначе обстоит дело, когда установлена общая норма прибыли и при её посредстве средняя прибыль, соответствующая величине применяемого капитала, величине, данной для различных отраслей производства.

Теперь только случайно прибавочная стоимость, а следовательно и прибыль, действительно произведённая в какой-либо особой отрасли производства, может совпасть с прибылью, заключающейся в продажной цене товара. Как правило, прибыль и прибавочная стоимость, а не только их нормы, являются действительно различными величинами. Теперь, при данной степени эксплуатации труда, масса прибавочной стоимости, произведённая в какой-либо отдельной сфере производства, оказывается важнее для совокупной средней прибыли общественного капитала, т. е. для класса капиталистов вообще, чем непосредственно для капиталиста в пределах каждой отдельной отрасли производства. Для последнего ²⁴⁾ она важна лишь постольку, поскольку количество прибавочной стоимости, произведённой в его отрасли производства, участвует как один из определяющих моментов в регулировании средней прибыли. Но это есть процесс, который протекает за спиной капиталиста, процесс, которого капиталист не видит, не понимает и которым он фактически не интересуется. Действительная разница в величине между прибылью и прибавочной стоимостью, – а не только между нормами прибыли и прибавочной стоимости, – в отдельных сферах производства совершенно скрывает теперь истинную природу и происхождение прибыли, и не только для капиталиста, который в данном случае имеет особый интерес обманываться, но и для рабочего. С превращением стоимости в цену производства скрывается от глаз самая основа определения стоимости. Наконец, если уже при простом превращении прибавочной стоимости в прибыль та часть стоимости товара,

²⁴⁾ Само собой разумеется, мы совершенно отвлекаемся здесь от возможности получить временную добавочную прибыль путём понижения заработной платы, монопольных цен и т. п. [Ф. Э.]

которая образует прибыль, противопоставляется другой части стоимости как издержкам производства, то уже здесь понятие стоимости ускользает от капита-

листа, потому что последний имеет перед собой не всё количество труда, которого сто́ит производство товара, а лишь ту часть этого труда, которую он оплатил в форме живых или мёртвых средств производства, и таким образом капиталисту прибыль представляется чем-то стоящим вне имманентной стоимости товара; с превращением стоимости в цену производства это представление окончательно утверждается, упрочивается и закостеневаает, так как теперь, если рассматривать отдельную сферу производства, прибыль, надбавляемая к издержкам производства, действительно определяется не границами процесса образования стоимости, совершающегося в данной отрасли, а условиями, лежащими совершенно вне её.

То обстоятельство, что эта внутренняя зависимость раскрыта здесь впервые; что политическая экономия, как будет показано в дальнейшем изложении и в книге IV, до сих пор или произвольно абстрагировалась от различия между прибавочной стоимостью и прибылью, нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли с тем, чтобы иметь возможность сохранить в качестве основы определение стоимости, или же отказывалась от этого определения стоимости и вместе с ним от всякой почвы для научного отношения к вопросу, чтобы ухватиться за различия, лежащие на поверхности явлений и бросающиеся в глаза, — эта путаница, царящая среди теоретиков, лучше всего показывает, как капиталист, всецело захваченный конкурентной борьбой и отнюдь не проникающий за её внешние проявления, как такой капиталист-практик не способен распознать за обманчивой внешностью внутреннюю сущность и внутренний строй этого процесса.

Все законы повышения и понижения нормы прибыли, развитые в первом отделе, в действительности имеют следующее двоякое значение:

1) С одной стороны, это — законы общей нормы прибыли. При обилии различных причин, которые, согласно вышеизложенному, заставляют норму прибыли повышаться или понижаться, можно было бы думать, что общая норма прибыли ежедневно должна изменяться. Но движение в одной сфере производства уничтожается движением в другой сфере производства; влияния перекрещиваются и взаимно парализуются. В дальнейшем мы исследуем, в какую сторону в конечном счёте склоняются эти колебания; но происходят они медленно; внезапность, многосторонность и различная продолжительность

185

колебаний в отдельных сферах производства приводят к тому, что колебания отчасти уравниваются благодаря своему чередованию во времени, так что за повышением цен следует их понижение и наоборот; следовательно, колебания остаются местными, т. е. ограниченными определённой сферой производства; наконец, по этим же причинам различные местные колебания взаимно

нейтрализуются. В пределах каждой отдельной сферы производства происходят изменения, отклонения от общей нормы прибыли, которые, с одной стороны, выравниваются в течение определённого периода времени и поэтому не влияют на общую норму прибыли и, с другой стороны, не могут влиять на неё, так как уничтожаются другими, одновременно происходящими местными колебаниями. Так как общая норма прибыли определяется не только средней нормой прибыли в каждой сфере, но также распределением совокупного капитала между различными отдельными сферами, и так как это распределение постоянно изменяется, то здесь мы снова имеем постоянную причину изменения общей нормы прибыли, но такую причину изменения, которая благодаря непрерывности* и всесторонности этого движения опять-таки в значительной степени парализует самое себя.

2) В пределах каждой сферы норма прибыли этой сферы имеет возможность колебаться в течение более или менее продолжительного периода, пока колебание это после ряда повышений и понижений не консолидируется настолько, чтобы иметь достаточно времени для воздействия на общую норму прибыли и, следовательно, для того чтобы приобрести более чем местное значение. Поэтому в пределах таких пространственных и временных границ законы нормы прибыли, развитые в первом отделе этой книги, опять-таки сохраняют свою силу.

Теоретический взгляд, – относительно первого превращения прибавочной стоимости в прибыль, – что каждая часть капитала в равной мере производит прибыль²⁵⁾, выражает практический факт. Каково бы ни было строение промышленного капитала, приводит ли он в движение четверть мёртвого труда и три четверти живого или три четверти мёртвого и одну четверть живого, впитывает ли в одном случае втрое больше прибавочного труда, или производит втрое больше прибавочной стоимости, чем в другом, при одинаковой степени эксплуатации труда и независимо от индивидуальных различий, которые,

* В оригинале сказано: «прерывистости»; исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*

²⁵⁾ *Malthus* [«Principles of Political Economy». 2nd ed., London, 1836, p. 268].

186

впрочем, исчезают сами собой, так как в этом и другом случае мы имеем лишь среднее строение для всей сферы производства, в обоих этих случаях прибыль будет одинакова. Отдельно взятый капиталист (или все капиталисты в каждой сфере производства), взгляд которого ограничен, справедливо полагает, что его прибыль происходит не только из труда, применяемого им или в его отрасли производства. Это совершенно верно, поскольку дело идёт о средней прибыли отдельного капиталиста. Насколько же эта прибыль обуславливается общей эксплуатацией труда совокупным капиталом, т. е. всеми братьями-капитали-

стами, это является для него совершеннейшей тайной, тем более что сами буржуазные теоретики, экономисты, до сих пор не разоблачили этой тайны. Экономия на труде – не только на труде, необходимом для производства определённого продукта, но и на числе занятых рабочих – и большее применение мёртвого труда (постоянного капитала) представляется операцией, экономически совершенно правильной и отнюдь не затрагивающей общей нормы прибыли и средней прибыли. Но как же тогда живой труд может быть исключительным источником прибыли, если оказывается, что уменьшение количества труда, необходимого для производства, не только не понижает прибыли, но при известных условиях является, напротив, ближайшим источником увеличения прибыли, по крайней мере для отдельного капиталиста?

Если в данной сфере производства повышается или понижается та часть издержек производства, которая представляет стоимость постоянного капитала, то эта часть выходит из сферы обращения и вступает в процесс производства товара уже с самого начала увеличенной или уменьшенной. Если, с другой стороны, данное число рабочих производит в течение того же самого времени меньше или больше продукта, следовательно, при неизменном числе рабочих изменяется количество труда, необходимое для производства определённого количества товаров, то часть издержек производства, представляющая стоимость переменного капитала, может остаться неизменной, т. е. войти в тех же самых размерах в издержки производства всего продукта. Но на каждую единицу товаров, сумма которых составляет весь продукт, падает теперь больше или меньше труда (оплаченного, а значит и неоплаченного), следовательно также больше или меньше затрат на этот труд, т. е. бóльшая или меньшая доля заработной платы. Вся выплаченная капиталистом заработная плата осталась той же самой, но она изменилась в расчёте на штуку товара. Таким образом, здесь имеет место изменение в этой части издержек производства

187

товаров. Повысятся или понизятся издержки производства отдельного товара вследствие таких изменений стоимости его самого или его элементов (или же изменятся также издержки производства суммы товаров, производимых капиталом данной величины), – во всяком случае средняя норма прибыли, если она была 10%, так и останется 10%; хотя по отношению к отдельному товару 10% представляют весьма различную величину в зависимости от того, насколько изменилась величина издержек производства этого отдельного товара вследствие предположенного нами изменения стоимости ²⁶⁾.

Что касается переменного капитала, – а это как раз самое важное, так как он есть источник прибавочной стоимости и так как всё, скрывающее его действительную роль в обогащении капиталиста, мистифицирует всю систему, – то

капиталисту дело представляется в грубо упрощённом виде, а именно следующим образом: пусть переменный капитал в 100 ф. ст. представляет недельную заработную плату 100 рабочих. Если эти 100 рабочих при данном рабочем дне производят в неделю 200 штук товара = $200T$, то, отвлекаясь от той части издержек производства, которую присоединяет постоянный капитал,

$$1T = \frac{100 \text{ ф.ст.}}{200} = 10 \text{ шилл.}$$

,так как 100 ф. ст. = $200T$. Допустим теперь, что произошло изменение в производительной силе труда; пусть она удвоилась, так что прежнее число рабочих производит дважды по $200T$ за то самое время, в течение которого раньше производилось только $200T$. В этом случае (поскольку издержки производства складываются только из заработной платы)

$$1T = \frac{100 \text{ ф.ст.}}{400} = 5 \text{ шилл.}$$

,так как 100 ф. ст. = $400T$. Если бы, наоборот, производительная сила уменьшилась вдвое, то тот же самый труд произвёл бы лишь $200 T/2$

;и так как 100 ф. ст. = $200 T/2$, то $1T$ теперь = $200 \text{ ф. ст.}/200$

= 1 фунту стерлингов. Изменение рабочего времени, необходимого для производства товаров, а следовательно изменение стоимости товаров, представляется теперь по отношению к издержкам производства, а потому и к ценам производства, как иное распределение той же самой заработной платы на большее или меньшее количество товаров, смотря по тому, больше или меньше товаров производится в течение того же самого рабочего времени за ту же самую

²⁶⁾ *Corbet* [«An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals». London, 1841, p. 20].

188

заработную плату. Капиталист, а следовательно и экономист, видят, что с изменением производительности труда изменяется количество оплаченного труда, которое падает на каждую штуку товара, а вместе с тем и стоимость каждой отдельной штуки; но они не видят, что то же самое имеет место и по отношению к неоплаченному труду, содержащемуся в каждой штуке товара, и они тем более не видят этого, так как средняя прибыль действительно лишь случайно определяется неоплаченным трудом, поглощённым в данной сфере производства. Только в такой грубой и бессодержательной форме проявляется теперь тот факт, что стоимость товаров определяется заключающимся в них трудом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВЫРАВНИВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ ПОСРЕДСТВОМ КОНКУРЕНЦИИ. РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ И РЫНОЧНЫЕ СТОИМОСТИ. ДОБАВОЧНАЯ ПРИБЫЛЬ

Часть сфер производства имеет среднее строение капитала, т. е. строение их капитала вполне или приблизительно такое же, как строение среднего общественного капитала.

Цена производства товаров, производимых в этих сферах, полностью или приблизительно совпадает с их стоимостью, выраженной в деньгах. Стоимость составляет математический предел цены производства. Конкуренция так распределяет общественный капитал между различными сферами производства, что цены производства в каждой сфере складываются по образцу цен производства в сферах среднего строения, т. е. $= k + kp'$ (издержки производства плюс произведение издержек производства на среднюю норму прибыли). Но эта средняя норма прибыли есть не что иное как выраженная в процентах прибыль в указанной сфере производства среднего строения, где, следовательно, прибыль совпадает с прибавочной стоимостью. Следовательно, норма прибыли во всех сферах производства одна и та же, а именно, равная норме прибыли в тех средних сферах производства, где господствует среднее строение капитала. Поэтому сумма прибыли всех различных сфер производства должна быть равна сумме прибавочной стоимости, и сумма цен производства всего общественного продукта должна быть равна сумме его стоимости. Но, очевидно, выравнивание сфер производства с различным строением капитала всегда должно стремиться уравнивать эти сферы с теми, где строение капитала среднее, безразлично, совпадает ли это последнее точно или только приблизительно со средним строением совокупного общественного капитала. В отраслях производства, в большей или меньшей степени приближающихся к средней, опять-таки наблюдается тенденция к выравниванию, которая стремится к идеальному, т. е. в действительности не существующему, среднему уровню, иными словами, наблюдается тенденция устанавливать норму, находящуюся около этого идеального

190

уровня. Итак, в этом отношении неизбежно господствует тенденция сделать цены производства просто превращённой формой стоимости или превратить прибыли в простые части прибавочной стоимости, которые, однако, распределяются не пропорционально прибавочной стоимости, произведённой в каждой отдельной сфере производства, а пропорционально массе капитала, применяемого в каждой сфере производства, так что на равновеликие массы капитала,

каково бы ни было их органическое строение, приходится равновеликие доли (части) совокупной прибавочной стоимости, произведённой совокупным общественным капиталом.

Таким образом, для капиталов среднего или приблизительно среднего строения цена производства совпадает со стоимостью или приближается к ней, а прибыль – с произведённой ими прибавочной стоимостью. Все другие капиталы, каково бы ни было их строение, стремятся под давлением конкуренции выравниваться с капиталами среднего строения. Но так как капиталы среднего строения по своему строению равны или приблизительно равны среднему общественному капиталу, то все капиталы, какова бы ни была произведённая ими самими прибавочная стоимость, стремятся вместо этой прибавочной стоимости реализовать в ценах своих товаров среднюю прибыль, т. е. стремятся реализовать цены производства.

С другой стороны, можно сказать, что везде, где образуется средняя прибыль, а следовательно, и общая норма прибыли, – каким бы путём ни достигался этот результат, – эта средняя прибыль не может быть ничем иным, как только прибылью на средний общественный капитал, сумма которой равна сумме прибавочной стоимости, и что цены, получаемые путём надбавки этой средней прибыли к издержкам производства, не могут быть ничем иным, как только стоимостью, превращённой в цены производства. Дело нисколько не изменилось бы, если бы капиталы, вложенные в определённые сферы производства, по каким-либо причинам не подлежали процессу выравнивания. Средняя прибыль исчислялась бы тогда на ту часть общественного капитала, которая входит в процесс выравнивания. Очевидно, средняя прибыль не может быть ничем иным, как совокупной массой прибавочной стоимости, распределённой в каждой сфере производства на массы вложенных в неё капиталов пропорционально их величинам. Это есть сумма реализованного неоплаченного труда, и вся эта масса неоплаченного труда, так же как и оплаченный мёртвый и живой труд, получает выражение во всей массе товаров и денег, присваиваемых капиталистами.

191

Действительно трудным вопросом является здесь следующий – каким образом происходит это выравнивание прибылей в общую норму прибыли, раз оно, очевидно, есть результат и не может быть исходным пунктом.

Прежде всего очевидно, что оценка товарной стоимости, например в деньгах, может быть лишь результатом её обмена и что, предположив такую оценку, мы должны рассматривать её как результат действительного обмена товарной стоимости на товарную стоимость. Каким же образом может осуществиться этот обмен товаров по их действительным стоимостям?

Допустим сначала, что все товары в различных сферах производства продаются по их действительным стоимостям. Что произошло бы тогда? Согласно вышеизложенному, в этом случае в разных сферах производства господствовали бы очень различные нормы прибыли. Продаются ли товары по их стоимости (т. е. обмениваются ли они друг на друга пропорционально заключённой в них стоимости, по ценам, соответствующим их стоимости), или же они продаются по таким ценам, что продажа их доставляет одинаковые по величине прибыли на одинаковые массы соответственных капиталов, авансированных на их производство, – это вещи *prima facie** совершенно различные.

То обстоятельство, что капиталы, приводящие в движение неодинаковое количество живого труда, производят неодинаковое количество прибавочной стоимости, предполагает, по крайней мере до известных пределов, что степень эксплуатации труда, или норма прибавочной стоимости, везде одинакова, или что различия, существующие в этой области, выравниваются в силу действительных или воображаемых (условных) оснований для компенсации. Это предполагает конкуренцию между рабочими и выравнивание путём постоянных переходов их из одной отрасли производства в другую. Такая общая норма прибавочной стоимости, – в виде тенденции, как и все экономические законы, – была допущена нами в качестве теоретического упрощения; однако в действительности она является фактической предпосылкой капиталистического способа производства, хотя установление её и тормозится в большей или меньшей степени практическими препятствиями, которые создают более или менее значительные местные различия, – таковы, например, законы об оседлости (*settlement laws*) для английских сельскохозяйственных рабочих. Но в теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности же всегда

* – прежде всего. *Ред.*

192

имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов.

Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*, которые претендуют на пропорциональное их величине или – при равенстве их величин – на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости. И совокупная цена товаров, произведённых данным капиталом за данный промежуток времени, должна удовлетворить этому требованию. Но совокупная цена этих товаров есть просто сумма цен отдельных товаров, образующих продукт капитала.

Punctum saliens * выступит всего ярче, если мы подойдем к вопросу следующим образом: пусть сами рабочие владеют соответствующими средствами производства и обменивают свои товары друг с другом. Эти товары не были бы тогда продуктами капитала. Стоимость средств труда и материалов труда, применяемых в различных отраслях труда, была бы различна в зависимости от технической природы различных работ. Равным образом, независимо от различной стоимости применяемых средств производства, потребовалась бы различная масса этих последних для данной массы труда, так как один товар может быть изготовлен в один час, другой – только в течение целого дня и т. д. Допустим далее, что эти рабочие в среднем работают одинаковое количество времени, причём принимаются в расчёт те уравнивающие влияния, которые вытекают из различной интенсивности труда и т. д. Тогда двое рабочих [из двух различных отраслей труда] в товарах, составляющих продукт их дневного труда, воспроизвели бы, во-первых, эквивалент своих затрат, т. е. издержек средств производства, потреблённых в процессе их труда. Последние были бы различны в зависимости от технической природы их отраслей труда. Во-вторых, оба рабочих создали бы равные количества новой стоимости, а именно – стоимость, присоединённую к средствам производства в течение рабочего дня. Эта новая стоимость заключала бы в себе их заработную плату плюс прибавочная стоимость, прибавочный труд, продолжающийся за пределы их необходимых потребностей, причём результаты прибавочного труда принадлежали бы самим рабочим. Выражаясь капиталистическим языком, оба рабочих получают равную заработную плату плюс равная прибыль, – стоимость, выраженную

* – Решающий пункт. *Ред.*

193

в продукте, например, десятичасового рабочего дня. Но, во-первых, стоимости их товаров были бы различны. Пусть, например, в стоимости товара I на потреблённые средства производства приходится бóльшая часть, чем в товаре II; и для того, чтобы сразу учесть все возможные различия, допустим, что товар I впитывает больше живого труда, следовательно, для его изготовления требуется более продолжительное рабочее время, чем для товара II. Таким образом стоимость этих товаров I и II очень различна. Равным образом различны и суммы товарных стоимостей, составляющих продукт труда, выполненного в течение данного времени рабочим I и рабочим II. Нормы прибыли для I и II будут также очень различны, если мы в данном случае назовём нормой прибыли отношение прибавочной стоимости ко всей стоимости затраченных средств производства. Жизненные средства, ежедневно потребляемые I и II рабочим во время производства и представляющие заработную плату, образуют здесь ту часть авансированных средств производства, которую мы в других случаях называем пере-

менным капиталом. Но прибавочные стоимости для I и II были бы за одинаковое рабочее время одинаковы; или, ещё точнее, так как I и II получают каждый стоимость продукта одного рабочего дня, то оба они за вычетом стоимости авансированных «постоянных» элементов получают равную стоимость, одну часть которой можно рассматривать как возмещение жизненных средств, потреблённых при производстве, а другую – как остающуюся сверх того прибавочную стоимость. Если I сделал больше затрат, то последние возмещаются бóльшей суммой той части стоимости его товара, которая возмещает эту «постоянную» часть, и потому он должен также бóльшую часть всей стоимости своего продукта превратить обратно в вещественные элементы этой постоянной части, тогда как II, если он и выручает меньше, то должен зато и превращать меньшую часть стоимости в вещественные элементы постоянной части. Таким образом, при этом предположении различие норм прибыли было бы безразличным обстоятельством, совершенно так же, как в настоящее время для наёмного рабочего безразлично, в какой норме прибыли выражается выжатое из него количество прибавочной стоимости, и совершенно так же, как в международной торговле различие норм прибыли у различных наций оказывается совершенно безразличным обстоятельством для их товарообмена.

Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям требует поэтому гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определёнno высокая степень капиталистического развития.

194

Каким бы образом ни устанавливались и ни регулировались первоначально цены различных товаров по отношению друг к другу, движение их подчиняется закону стоимости. Когда уменьшается рабочее время, необходимое для производства товара, падают и цены; когда оно увеличивается, повышаются при прочих равных условиях и цены.

Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильно рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически как *præsumptio* * цен производства. Это относится к таким общественным условиям, когда работнику принадлежат средства производства; таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом и владеющего землёй, и ремесленника. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее мнением ²⁷⁾, что развитие продуктов в товары возникает вследствие обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Сказанное относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим общественным отношениям, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой организации

ремесла, пока средства производства, закреплённые в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины.

Для того чтобы цены, по которым взаимно обмениваются товары, соответствовали приблизительно их стоимостям, требуется лишь: 1) чтобы обмен различных товаров перестал быть чисто случайным или только единичным явлением; 2) чтобы, поскольку мы рассматриваем непосредственный обмен товаров, товары эти производились с той и другой стороны в количествах, приблизительно соответствующих взаимной потребности в них, что устанавливается взаимным опытом, приобретаемым при сбыте, и таким образом возникает как результат длительно существующего обмена, и 3), поскольку речь идёт о продаже, чтобы никакая естественная или искусственная монополия не давала возможности сторонам, совершающим сделку, продавать выше стоимости или не принуждала их уступать ниже её. Под случайной монополией мы понимаем монополию, возникающую

* – предшествующее. *Ред.*

²⁷⁾ Тогда, в 1865 г., это было только «мнением» Маркса. Теперь, после обширных исследований первобытной общины, начиная с Маурера и кончая Морганом, это – едва ли кем-либо оспариваемый факт. – *Ф. Э.*

195

для покупателя или продавца из случайного соотношения спроса и предложения.

Предположение, что товары различных сфер производства продаются по их стоимостям, означает, конечно, лишь то, что их стоимость является центром тяготения, вокруг которого вращаются их цены и по которому уравниваются их постоянные колебания вверх и вниз. Необходимо, кроме того, всегда отличать *рыночную стоимость*, – о которой мы поговорим позднее, – от индивидуальной стоимости отдельных товаров, произведённых различными производителями. Индивидуальная стоимость некоторых из этих товаров будет стоять ниже их рыночной стоимости (т. е. для их производства требуется меньше рабочего времени, чем выражает рыночная стоимость), индивидуальная стоимость других товаров – выше их рыночной стоимости. Рыночная стоимость должна рассматриваться, с одной стороны, как средняя стоимость товаров, произведённых в данной сфере производства, с другой стороны, как индивидуальная стоимость товаров, которые производятся при средних условиях данной сферы и которые составляют значительную массу продуктов последней. Только при исключительных комбинациях рыночная стоимость регулируется товарами, произведёнными при наихудших или наиболее благоприятных условиях,

причём эта рыночная стоимость, в свою очередь, является центром колебаний для рыночных цен, которые, однако, всегда одинаковы для товаров одного и того же вида. Если обычный спрос удовлетворяется предложением товаров по средней стоимости, т. е. по средней стоимости той массы, которая лежит между обеими крайностями, то товары, индивидуальная стоимость которых ниже рыночной, реализуют добавочную прибавочную стоимость, или добавочную прибыль, тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной, не могут реализовать части заключающейся в них прибавочной стоимости.

Отнюдь не уясняет вопроса утверждение, что продажа товаров, произведённых при наихудших условиях, доказывает, что они необходимы для покрытия спроса. Если бы в разбираемом случае цена стояла выше средней рыночной стоимости, то спрос был бы меньше*. При определённых ценах известный вид товаров может занимать на рынке лишь определённое место; при изменении цен место это может оставаться неизменным лишь в том случае, если повышение цены совпадает с уменьшением количества товаров или понижение цены – с увеличением количества товаров. Если же спрос настолько сильный,

* В оригинале сказано: «больше»; исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*

196

что он не сокращается даже тогда, когда цена регулируется стоимостью товаров, произведённых при наихудших условиях, то эти последние определяют рыночную стоимость. Это возможно лишь в том случае, если спрос превышает обычный уровень или предложение падает ниже обычной величины. Наконец, если масса произведённых товаров превышает количество их, находящее себе сбыт по средним рыночным стоимостям, то рыночную стоимость определяют товары, произведённые при наилучших условиях. Товары этой последней категории могут, например, продаваться вполне или приблизительно по их индивидуальным стоимостям, причём может случиться, что товары, произведённые при наихудших условиях, не реализуют даже своих издержек производства, в то время как товары, произведённые при средних условиях, могут реализовать лишь часть заключающейся в них прибавочной стоимости. То, что сказано здесь о рыночной стоимости, относится и к цене производства, раз последняя заступает место рыночной стоимости. Цена производства регулируется в каждой отдельной сфере и регулируется точно так же в зависимости от определённых обстоятельств. Но сама она опять-таки является центром, вокруг которого колеблются ежедневные рыночные цены и по которому эти цены выравниваются в течение определённых периодов (см. Рикардо об определении цен производства предприятиями, работающими при наихудших условиях).

Как бы ни регулировались цены, получаются следующие выводы:

1) Закон стоимости управляет движением цен так, что уменьшение или увеличение рабочего времени, необходимого для производства, заставляет цены производства понижаться или повышаться. Именно в этом смысле Рикардо (который чувствует, конечно, что его цены производства отклоняются от стоимости товаров) говорит, что

«исследование, на которое он хочет обратить внимание читателя, касается влияния изменений не абсолютной, а относительной стоимости товаров» [D. Ricardo. «Principles of Political Economy». Works ed. by MacCulloch, London, 1852, p. 15].

2) Средняя прибыль, определяющая цены производства, всегда должна быть приблизительно равна тому количеству прибавочной стоимости, которое приходится на данный капитал, как соответствующую часть всего общественного капитала. Допустим, что общая норма прибыли и, следовательно, средняя прибыль выражается в денежной стоимости более высокой, чем действительная средняя прибавочная стоимость в денежном выражении. Поскольку дело касается капиталистов, безразлично,

197

начисляют ли они взаимно 10% или 15% прибыли. 10% соответствуют действительной стоимости товаров не более, чем 15%, так как денежное выражение преувеличивается взаимно. Что же касается рабочих (предполагается, что они получают свою нормальную заработную плату, следовательно, повышение средней прибыли не означает действительного вычета из заработной платы, т. е. не выражает чего-либо совершенно отличного от нормальной прибавочной стоимости капиталиста), то вызванному повышением средней прибыли повышению товарных цен должно соответствовать повышение денежного выражения переменного капитала. В самом деле, такое общее номинальное повышение нормы прибыли и средней прибыли выше уровня, определяемого отношением действительной прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, невозможно без того, чтобы не вызвать повышения заработной платы, а также повышения цен товаров, образующих постоянный капитал. Понижение должно оказать обратное действие. Так как совокупная стоимость товаров регулирует совокупную прибавочную стоимость, а эта последняя регулирует – как общий закон, управляющий колебаниями, – высоту средней прибыли, а следовательно общую норму прибыли, то, очевидно, закон стоимости регулирует цены производства.

Что осуществляет конкуренция, прежде всего, в одной сфере производства, так это – установление одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены из различных индивидуальных стоимостей товаров. Но только конкуренция капиталов в различных отраслях производства создаёт цену производства, которая

выравнивает нормы прибыли различных отраслей. Для образования цен производства требуется более высокое развитие капиталистического способа производства, чем для установления одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены.

Для того чтобы товары одной и той же сферы производства, одного и того же вида и приблизительно одного и того же качества продавались по их стоимости, необходимы два условия:

Во-первых, различные индивидуальные стоимости должны выравниваться в одну общественную стоимость, выше разобранную нами рыночную стоимость, а для этого требуется наличие конкуренции между производителями одного и того же вида товаров, так же как и наличие рынка, на котором они одновременно предлагают свои товары. Для того чтобы рыночная цена товаров, тождественных между собой, но производимых каждый при условиях с различной индивидуальной окраской, соответствовала рыночной стоимости, не отклонялась от

198

неё ни вверх, ни вниз, давление, оказываемое различными продавцами друг на друга, должно быть достаточно велико, чтобы выбросить на рынок такую массу товаров, которая соответствует общественной потребности, т. е. такое количество их, за которое общество способно уплатить рыночную стоимость. Если масса продуктов превышает эту потребность, товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости; наоборот, они должны быть проданы выше их рыночной стоимости, если масса продуктов недостаточно велика или, что то же самое, если давление конкуренции среди продавцов недостаточно сильно для того, чтобы принудить их вынести соответствующую массу товаров на рынок. Если бы изменилась рыночная стоимость, то изменились бы и те условия, на которых может быть продана вся масса товаров. При падении рыночной стоимости общественная потребность (под которой здесь всегда понимается платёжеспособная потребность) в среднем расширяется и в известных границах может поглотить более значительные массы товаров. При повышении рыночной стоимости общественная потребность в товарах сокращается и поглощает меньшие массы их. Поэтому, если спрос и предложение регулируют рыночные цены или, точнее, отклонения рыночных цен от рыночной стоимости, то, с другой стороны, рыночная стоимость регулирует отношения спроса и предложения или тот центр, вокруг которого изменения спроса и предложения заставляют колебаться рыночные цены.

Рассматривая вопрос подробнее, мы находим, что условия, действительные для стоимости отдельного товара, воспроизводятся здесь как условия, определяющие стоимость всей суммы товаров данного вида, так как капитали-

стическое производство с самого начала есть производство массовое; да и при других, менее развитых способах производства, товары, – по крайней мере основные товары, – производимые в сравнительно незначительных количествах как общий продукт хотя бы и многих мелких производителей, сосредоточиваются на рынке крупными массами в руках сравнительно немногих купцов, накапливаются и продаются ими как общий продукт целой отрасли производства или её более или менее крупных частей.

Отметим здесь совсем мимоходом, что «общественная потребность», т. е. то, что регулирует принцип спроса, обуславливается в основном отношением различных классов друг к другу и их относительным экономическим положением, а следовательно, в частности, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость

199

(прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.); таким образом также и здесь снова обнаруживается, что отношение спроса и предложения абсолютно ничего не в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится это отношение.

Хотя и товар и деньги представляют собой единство меновой стоимости и потребительной стоимости, тем не менее, как мы уже видели («Капитал», кн. I, гл. I, 3), в акте продажи и купли оба эти определения располагаются полярно на двух крайних точках, так что товар (продавец) представляет потребительную стоимость, а деньги (покупатель) – меновую стоимость. Что товар должен иметь потребительную стоимость, должен, следовательно, удовлетворять общественной потребности, в этом, как мы установили, заключается первая предпосылка продажи. Другая состоит в том, что количество труда, заключающееся в товаре, должно представлять общественно необходимый труд, следовательно, индивидуальная стоимость (или, что при данном предположении то же самое, – продажная цена) товара должна совпадать с его общественной стоимостью ²⁸⁾.

Применим это к находящейся на рынке массе товаров, составляющей продукт целой отрасли производства.

Дело будет представлено всего проще, если мы всю массу товаров, сначала лишь *одной* отрасли производства, будем рассматривать как *один* товар, а сумму цен многих тождественных товаров как *одну* суммарную цену. В этом случае всё, что было сказано об отдельном товаре, буквально применимо к находящейся на рынке массе товаров определённой отрасли производства. Требование, чтобы индивидуальная стоимость товара соответствовала его общественной стоимости, осуществляется или определяется теперь в том смысле, что всё количество товара содержит в себе труд, общественно необходимый для его

производства, и что стоимость этой массы товаров равна её рыночной стоимости.

Допустим теперь, что значительная масса этих товаров произведена при приблизительно одинаковых, нормальных общественных условиях, так что общественная стоимость является в то же время индивидуальной стоимостью образующих эту массу отдельных товаров. И если одна сравнительно небольшая часть товаров произведена при худших, другая при лучших условиях, так что индивидуальная стоимость первой части

²⁸⁾ *Карл Маркс*. «К критике политической экономии», Берлин, 1859 [см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13].

200

больше, а второй меньше, чем средняя стоимость большинства товаров, если притом обе эти крайности уравниваются и средняя стоимость товаров этих двух частей равна стоимости товаров, принадлежащих к средней массе, то рыночная стоимость определяется стоимостью товаров, произведённых при средних условиях ²⁹⁾. Стоимость всей товарной массы равна действительной сумме стоимостей всех отдельных товаров, вместе взятых, – как тех, которые произведены при средних условиях, так и тех, которые произведены при условиях лучших или худших, чем средние. В этом случае рыночная стоимость, или общественная стоимость, массы товаров – содержащееся в этих последних необходимое рабочее время – определяется стоимостью преобладающей средней массы товаров.

Допустим, наоборот, что всё количество требуемых товаров, которые выброшены на рынок, осталось то же самое, но стоимость товаров, произведённых при худших условиях, не уравнивается стоимостью товаров, произведённых при лучших условиях, причём часть общего количества, произведённая при худших условиях, составляет относительно значительную величину как по сравнению со средней массой товаров, так и по сравнению с другой крайностью. Тогда рыночная стоимость, или общественная стоимость, регулируется товарной массой, произведённой при худших условиях.

Допустим, наконец, что товары, произведённые при условиях лучших, чем средние, по своему количеству значительно превышают товары, произведённые при худших условиях, и притом составляют значительную величину даже по сравнению с товарами, произведёнными при средних условиях; тогда часть товаров, произведённая при наилучших условиях, будет регулировать рыночную стоимость. Мы оставляем здесь в стороне переполнение рынка, при котором рыночные цены всегда регулируют с частью товаров, произведённой при наилучших условиях; мы имеем здесь дело не с рыночной ценой, поскольку она от-

личается от рыночной стоимости, а с различными определениями самой рыночной стоимости ³⁰⁾.

²⁹⁾ *Карл Маркс*. «К критике политической экономии» [см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, том 13].

³⁰⁾ Следовательно, спор по поводу земельной ренты между Шторхом и Рикардо (лишь по существу спор: фактически ни один из них не обращал внимания на то, что говорил другой) о том, регулируется ли рыночная стоимость (у них скорее рыночная цена, соответственно цена производства) товарами, произведёнными при наихудших (Рикардо) или, наоборот, при наилучших (Шторх) условиях, – спор этот разрешается в том смысле, что оба они были правы и оба неправы и что оба они совершенно упустили из виду средний случай. Сравни рассуждения Корбета о тех случаях, когда цена регулируется товарами, произведёнными при наилучших условиях. «Не следует думать, будто он» (Рикардо) «утверждает, что два отдельных экземпляра

201

В самом деле, в случае I рыночная стоимость всей массы товаров, регулируемая средними стоимостями, строго говоря (в действительности это, разумеется, осуществляется лишь приблизительно и с бесчисленными модификациями), равна сумме их индивидуальных стоимостей; при этом, однако, для товаров, произведённых при наихудших и наилучших условиях, эта стоимость является навязанной им средней стоимостью. Лица, производящие свои товары при наихудших условиях, должны продавать их ниже индивидуальной стоимости; производящие при наилучших условиях продают товары выше индивидуальной стоимости.

В случае II индивидуальные массы стоимости, произведённые при наихудших и наилучших условиях, не уравниваются, и решающее значение приобретают товары, произведённые при худших условиях. Строго говоря, средняя цена, или рыночная стоимость, каждого отдельного товара или каждой соответственной части всей массы товаров определяется здесь совокупной стоимостью всей массы товаров, получаемой в результате сложения отдельных стоимостей товаров, произведённых при самых разнообразных условиях, и той частью этой совокупной стоимости, которая приходится на каждый отдельный товар. Полученная таким образом рыночная стоимость стояла бы выше индивидуальной стоимости не только тех товаров, которые произведены при наиболее благоприятных условиях, но также и тех товаров, которые принадлежат к средней массе; тем не менее она всё же была бы ниже индивидуальной стоимости товаров, произведённых при наименее благоприятных условиях. Насколько близко подходит она к этой последней и может ли, наконец, совершенно совпасть с ней, это зависит всецело от размеров той части, которая в данной сфере производства приходится на долю товаров, произведённых при наихудших условиях. Если при этом спрос преобладает хотя бы незначительно, то рыночную стои-

мость регулирует индивидуальная стоимость товаров, произведённых при наименее благоприятных условиях.

Допустим, наконец, как в случае III, что количество товаров, произведённых при наилучших условиях, преобладает

двух различных товаров, например, шляпа и пара башмаков, обмениваются друг на друга в том случае, если именно эти два отдельных экземпляра были произведены одинаковыми количествами труда. Под «товаром» здесь следует понимать «род товара», а не отдельную индивидуальную шляпу, пару башмаков и т. д. Весь труд, производящий в Англии все шляпы, следует с этой целью рассматривать как распределяющийся между, всеми этими шляпами. Это, как мне кажется, было недостаточно ясно выражено в начале и в общих положениях учения Рикардо» («Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy etc.». London, 1821, p. 53–54).

202

не только по сравнению с другой крайностью, но и по сравнению со средними условиями; тогда рыночная стоимость падает ниже средней стоимости. Средняя стоимость, вычисленная путём сложения стоимостей товаров, произведённых как при обоих крайних, так и при средних условиях, стоит здесь ниже стоимости средней группы и приближается к последней или удаляется от неё в зависимости от относительных размеров той части, которая произведена при наиболее благоприятных условиях. Если спрос по сравнению с предложением слабый, то часть товаров, произведённая при наиболее благоприятных условиях, независимо от её размеров, сокращая свою цену до уровня своей индивидуальной стоимости, насильственно приобретает определяющее положение. С этой индивидуальной стоимостью товаров, произведённых при наилучших условиях, рыночная стоимость никогда не может совпасть, за исключением того случая, когда предложение сильно преобладает над спросом.

Это представленное здесь *абстрактно* установление рыночной стоимости совершается на действительном рынке посредством конкуренции между покупателями, если спрос как раз настолько велик, чтобы поглотить данную массу товаров по её установленной таким образом стоимости. Мы подходим здесь к другому пункту.

Во-вторых. То обстоятельство, что товар имеет потребительную стоимость, означает лишь, что он удовлетворяет какой-либо общественной потребности. Пока мы имели дело только с отдельными товарами, мы могли предполагать, что существует потребность в этом определённом товаре, — количество которого уже заключено в его цене, — и дальше не вдавались в рассмотрение размеров потребности, подлежащей удовлетворению. Но эта количественная сторона дела становится существенным моментом, коль скоро, с одной сторо-

ны, имеется продукт целой отрасли производства, а с другой – общественная потребность в нём. Теперь необходимо рассмотреть размеры, т. е. количество этой общественной потребности.

В данных выше определениях рыночной стоимости предполагалось, что масса произведённых товаров дана, т. е. остаётся неизменной, что изменяется лишь отношение между составными частями этой массы, произведёнными при различных условиях, что поэтому рыночная стоимость одной и той же массы товаров регулируется различным способом. Допустим, что масса эта представляет собой предложение обычных размеров, причём мы оставляем в стороне возможность временного ухода с рынка части произведённых товаров. Если спрос на эту массу сохраняет также свои обычные размеры, то товар продаётся

203

по его рыночной стоимости, каким бы из трёх исследованных выше способов ни регулировалась эта рыночная стоимость. Товарная масса не только удовлетворяет известную потребность, но удовлетворяет её в общественных размерах. Если количество товаров на рынке больше или меньше, чем спрос на них, то имеют место отклонения рыночной цены от рыночной стоимости. И первое отклонение состоит в том, что при недостаточном количестве рыночную стоимость всегда регулируют товары, произведённые при худших условиях; при избыточном количестве – всегда товары, произведённые при наилучших условиях; что, таким образом, рыночную стоимость определяет одна из двух крайностей, несмотря на то, что на основании самого по себе отношения между масса-ми, произведёнными при различных условиях, должен был бы получиться иной результат. Если разница между спросом и предложением продуктов значительнее, то и рыночная цена будет значительно отклоняться вверх или вниз от рыночной стоимости. Но разница между количеством произведённых товаров и тем количеством их, которое продаётся по их рыночной стоимости, может иметь двоякую причину. Или изменяется, становится слишком малым или слишком большим само количество произведённых товаров, так что воспроизводство совершается в ином масштабе, чем тот, который регулировал данную рыночную стоимость. В этом случае изменяется предложение, хотя спрос остаётся неизменным, и, следовательно, имеет место относительное перепроизводство или недопроизводство. Или же воспроизводство, т. е. предложение, остаётся неизменным, а спрос падает или поднимается, что может совершиться по различным причинам, хотя при этом абсолютная величина предложения осталась той же самой, его относительная величина, его величина по сравнению с потребностью, изменилась. Это оказало бы такое же влияние, как и в первом случае, только в противоположном направлении. Наконец, если изменения совершаются с той и с другой стороны, но в различных направлениях, или же

хотя в одном направлении, но в различной степени, – одним словом, если совершаются изменения двусторонние, но в то же время изменяющие прежнее соотношение между сторонами, то конечный результат неизбежно должен свестись к одному из двух рассмотренных выше случаев.

Действительная трудность при общем определении понятий спроса и предложения заключается в том, что определения эти как будто сводятся к тавтологии. Рассмотрим сначала предложение, т. е. продукт, который находится на рынке или может быть доставлен на него. Чтобы не входить в совершенно излишние

204

здесь детали, мы возьмём массу товаров, произведённых за год в каждой отдельной отрасли промышленности, и совершенно оставим в стороне то обстоятельство, что различные товары в большей или меньшей мере могут не поступить на рынок и будут храниться на складах с целью потребления, скажем, в ближайшем году. Это годовое воспроизводство выражается прежде всего в определённом количестве – мере или числе, – смотря по тому, измеряется ли данная масса товаров оптом или же поштучно; перед нами не просто потребительные стоимости, удовлетворяющие человеческие потребности, но потребительные стоимости, находящиеся на рынке в определённом количестве. Во-вторых, эта масса товаров имеет определённую рыночную стоимость, которую можно выразить в виде рыночной стоимости отдельного товара или товарной меры, служащей единицей. Поэтому между количеством находящихся на рынке товаров и их рыночной стоимостью не существует необходимой связи; например, в то время как некоторые товары имеют специфически высокую стоимость, другие – специфически низкую, и таким образом данная сумма стоимости может быть выражена в очень большом количестве одних и очень малом количестве других товаров. Между количеством товаров, находящихся на рынке, и рыночной стоимостью этих товаров имеет место лишь следующая связь: при данном уровне производительности труда в каждой данной сфере производства для изготовления определённого количества товаров требуется определённое количество общественного рабочего времени, хотя в различных сферах производства отношение это, конечно, различно и не стоит ни в какой внутренней связи с полезностью данного товара или особой природой его потребительной стоимости. Если количество a данного вида товаров стоит b рабочего времени, то при прочих равных условиях количество na стоит nb рабочего времени. Далее: поскольку общество хочет удовлетворить свои потребности и производить с этой целью известный вид товаров, оно должно оплатить их. В самом деле, так как при товарном производстве предполагается разделение труда, то общество оплачивает эти товары тем, что употребляет на их произ-

водство часть находящегося в его распоряжении рабочего времени, следовательно, оно покупает их при помощи определённого количества рабочего времени, которым оно – это данное общество – может располагать. Та часть общества, которой благодаря разделению труда приходится употребить свой труд на производство данного определённого товара, должна получить эквивалент в общественном труде, воплощённом в товарах, удовлетворяющих её потребности. Но не

205

существует никакой необходимой связи, а наблюдается лишь случайная связь между всем количеством общественного труда, затраченного на данный общественный продукт, т. е. между той долей совокупной рабочей силы, которую общество употребляет на производство этого продукта, следовательно, между объёмом, который производство этого продукта занимает во всём производстве, с одной стороны, и, с другой стороны, между тем объёмом, в котором общество стремится удовлетворить потребность при помощи данного определённого продукта. Хотя каждый отдельный товар или каждое данное количество определённого вида товаров включает в себе лишь общественный труд, необходимый для его производства, и с этой стороны рыночная стоимость всей массы товаров данного вида выражает только необходимый труд, тем не менее, раз определённый товар произведён в количестве, превышающем наличную общественную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растроченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в ней действительно заключается. (Только там, где производство находится под действительным предопределяющим это производство контролем общества, общество создаёт связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определённого предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета.) Поэтому эти товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости, а часть их и вовсе не может быть продана. Как раз обратное будет иметь место, если количество общественного труда, затраченного на производство определённого вида товаров, слишком мало по сравнению с размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи данного продукта. Если же количество общественного труда, затраченного на производство определённого товара, соответствует размерам подлежащей удовлетворению общественной потребности, так что произведённая масса продукта соответствует обычному масштабу воспроизводства при неизменном спросе, то товар продаётся по его рыночной стоимости. Обмен или продажа товаров по их стоимости есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия; исходя из этого закона,

следует объяснять отклонения, а не наоборот, – не из отклонений выводить самый закон.

Рассмотрим теперь другую сторону дела – спрос.

Товары покупаются или как средства производства или как жизненные средства для того, чтобы войти в производительное

206

или личное потребление, причём дело не изменяется от того, что некоторые виды товаров могут служить обеим этим целям. Следовательно, спрос на них предъявляется со стороны производителей (в данном случае капиталистов, так как предполагается, что средства производства превращены в капитал) и со стороны потребителей. Кажется, что этим прежде всего предполагается на стороне спроса наличие определённых размеров общественной потребности, которой на стороне предложения соответствуют определённые размеры общественного производства в различных отраслях производства. Чтобы хлопчатобумажная промышленность могла вновь осуществить своё годовое воспроизводство в данном масштабе, необходимо обычное количество хлопка, а если принять во внимание ежегодное расширение воспроизводства вследствие накопления капитала, то, при прочих равных условиях, необходимо добавочное количество хлопка. То же самое и по отношению к жизненным средствам. Рабочий класс, чтобы сохранить свой обычный средний уровень жизни, должен вновь получить по меньшей мере прежнее количество необходимых жизненных средств, хотя, быть может, и несколько изменённое по характеру составляющих его товаров; если же принять в расчёт ежегодный рост населения, то необходимо и добавочное количество жизненных средств; то же самое с большими или меньшими поправками можно сказать и относительно других классов.

Итак, оказывается, что на стороне спроса имеется определённая общественная потребность данной величины, которая требует для своего покрытия наличия на рынке определённого количества товаров. Но количественная определённость этой потребности чрезвычайно эластична и изменчива. Она только кажется фиксированной. Если бы жизненные средства были дешевле или денежная заработная плата была бы выше, то рабочие покупали бы их больше, и обнаружилась бы более значительная «общественная потребность» в данных видах товаров, причём мы совершенно оставляем в стороне пауперов и т. д., «спрос» которых стоит ниже самых крайних границ их физической потребности. Если бы, с другой стороны, цена, например, хлопка, понизилась, то возрос бы спрос капиталистов на хлопок, больше дополнительного капитала было бы вложено в хлопчатобумажную промышленность и т. д. При этом не следует вообще забывать, что при наших предположениях спрос для производительного потребления есть спрос со стороны капиталиста, истинная цель которого –

производство прибавочной стоимости, и что только ради прибавочной стоимости он производит известный вид товаров. С другой

207

стороны, это отнюдь не препятствует тому, что капиталист, поскольку он выступает на рынке как покупатель, например хлопка, является представителем потребности в хлопке; точно так же для продавца хлопка ведь безразлично, превращает ли покупатель этот хлопок в ткань для рубашек, в пироксилин или же намерен затыкать им уши себе и всему миру. Но, конечно, это оказывает большое влияние на то, какого рода покупателем он является. Его потребность в хлопке существенно видоизменяется благодаря тому обстоятельству, что в действительности она прикрывает лишь его потребность в получении прибыли. Пределы, в которых представленная на *рынке* потребность в товарах – спрос – количественно отклоняется от *действительной общественной* потребности, конечно, очень различны для различных товаров; я имею в виду разницу между количеством товаров, на которое фактически предъявлен спрос, и тем количеством их, на которое был бы предъявлен спрос при иных денежных ценах товаров или при иных денежных, соответственно жизненных, условиях покупателей.

Нет ничего легче, как понять неравномерность спроса и предложения и вытекающие отсюда отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей. Действительная трудность состоит в определении того, что́ следует понимать под выражением: предложение и спрос покрываются.

Предложение и спрос покрываются, если они находятся в таком отношении, что масса товаров определённой отрасли производства может быть продана по её рыночной стоимости – не выше и не ниже. Вот первое, что нам говорят по этому поводу.

И во-вторых, если товары могут быть проданы по их рыночной стоимости, то предложение и спрос покрываются.

Если предложение и спрос покрываются, то они перестают действовать, и именно потому товары продаются по их рыночной стоимости. Если две силы, равные по величине, действуют в противоположных направлениях, то они взаимно уничтожаются, вовсе не действуют вовне, и явления, происходящие при этом условии, должны быть объяснены как-нибудь иначе, а не действием этих двух сил. Раз спрос и предложение взаимно уничтожаются, они перестают объяснять что бы то ни было, не воздействуют более на рыночную стоимость и оставляют нас в полном неведении относительно того, почему рыночная стоимость выражается именно в этой сумме денег, а не в какой-либо иной. Действительные внутренние законы капиталистического производства, очевидно, не

могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения (если даже оставить в стороне

208

более глубокий анализ обеих этих общественных движущих сил, который сюда не относится), так как законы эти оказываются осуществлёнными в чистом виде лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, т. е. покрываются. Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга или если и покрывают, то только случайно, следовательно, с научной точки зрения этот случай должен быть $= 0$, должен рассматриваться как несуществующий. Однако в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему? Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном, соответствующем их понятию виде, т. е. рассматривать их независимо от той их внешней видимости, которая порождается колебаниями спроса и предложения; с другой стороны, – для того, чтобы найти действительную тенденцию их движения, известным образом фиксировать её. Так как отклонения от равенства имеют противоположный характер и так как они постоянно следуют друг за другом, они взаимно уравниваются благодаря противоположности их направления, благодаря их взаимному противоречию. Итак, если ни в одном конкретном случае спрос и предложение не покрываются, то отклонения от равенства следуют друг за другом таким образом, – ведь отклонение в одном направлении вызывает как свой результат отклонение в противоположном направлении, – что, если рассматривать итог движения за более или менее продолжительный период, спрос и предложение всегда взаимно покрываются; однако результат этот получается лишь как средняя уже истекшего движения и лишь как постоянное движение их противоречия. Этим путём рыночные цены, отклоняющиеся от рыночных стоимостей, если рассматривать их среднюю величину, выравниваются и дают среднюю, совпадающую с рыночной стоимостью, причём отклонения от этой последней взаимно уничтожаются как плюс и минус. И эта средняя имеет отнюдь не одно только теоретическое, но и практическое значение для капитала, затраты которого рассчитаны на колебания и выравнивания в течение более или менее определённого периода времени.

Следовательно, отношение между спросом и предложением объясняет, с одной стороны, лишь отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей и, с другой стороны, тенденцию, стремящуюся уничтожить эти отклонения, т. е. уничтожить влияние отношения между спросом и предложением. (Те представляющие исключение товары, которые имеют цены, но не имеют стоимости, не входят здесь в наше рассмотрение.) Устранение этого влияния, которое оказывают спрос и предложение

благодаря своим отклонениям от равенства, может осуществляться в очень различных формах. Если, например, падает спрос, а следовательно и рыночная цена, то это может привести к тому, что капитал будет извлекаться из данной отрасли, и таким образом предложение уменьшится. Но это может иметь также и тот результат, что сама рыночная стоимость благодаря изобретениям, сокращающим необходимое рабочее время, понизится и выравняется таким образом с рыночной ценой. Наоборот, если спрос растёт, а следовательно, рыночная цена превышает рыночную стоимость, то это может привести к избыточному приливу капитала в данную отрасль производства и к такому расширению производства, при котором рыночная цена упадёт даже ниже рыночной стоимости; или, с другой стороны, это может повести к такому повышению цен, которое сократит самый спрос. В отдельных отраслях производства это может также вызвать тот результат, что сама рыночная стоимость на более или менее значительный период возрастёт, так как в течение этого времени часть требуемого на рынке товара придётся производить при худших условиях.

Если спрос и предложение определяют рыночную цену, то, с другой стороны, рыночная цена, а при дальнейшем анализе рыночная стоимость определяет спрос и предложение. По отношению к спросу это очевидно, так как он изменяется в направлении, противоположном ценам: повышается, когда цены падают, и наоборот. Но то же самое применимо и к предложению. В самом деле, цены средств производства, входящих в товар, предлагаемый на рынке, определяют спрос на эти средства производства, а следовательно, – и предложение тех товаров, предложение которых включает в себя спрос на эти средства производства. Цены хлопка имеют определяющее значение для предложения хлопчатобумажных тканей.

Эта путаница – определение цен спросом и предложением и наряду с этим определение спроса и предложения ценами – осложняется ещё тем, что спрос определяет предложение и, наоборот, предложение определяет спрос, производство определяет рынок и рынок – производство ³¹⁾.

³¹⁾ Порядочный вздор представляют следующие «остроумные» соображения: «Если количество заработной платы, капитала и земли, необходимое для производства данного продукта, изменяется по сравнению с прежней величиной, то изменяется и то, что Адам Смит называет его естественной ценой, а та цена, которая первоначально была его естественной ценой, становится по отношению к этому изменению его рыночной ценой, хотя предложение и спрос могут не измениться» (и то и другое изменяется как раз потому, что изменяется вследствие изменения стоимости рыночная стоимость или – о чём собственно и говорится у А. Смита – цена производства), «тем не менее предложение это не соответствует теперь вполне точно требованиям лиц, способных и желающих оплатить то, что теперь является издержками производства, а оказывается

Даже заурядный экономист (см. сноску) понимает, что и без порождаемого внешними обстоятельствами изменения предложения или спроса отношение между ними может измениться вследствие изменения рыночной стоимости товаров. Даже он вынужден согласиться, что, какова бы ни была рыночная стоимость, спрос и предложение должны уравновеситься, чтобы она реализовалась. Это значит, что не отношение спроса к предложению объясняет рыночную стоимость, а, наоборот, эта последняя объясняет колебания спроса и предложения. Автор «Observations» вслед за местом, цитированным в сноске, продолжает:

«Однако отношение это» (между спросом и предложением), «если только мы будем понимать под «спросом» и «естественной ценой» то, что мы только что понимали, ссылаясь на А. Смита, всегда должно быть отношением равенства; потому что только в том случае, когда предложение равно фактическому спросу, т. е. тому спросу, который не желает оплачивать ни больше, ни меньше естественной цены, – только в этом случае естественная цена может быть действительно уплачена; следовательно, в различное время один и тот же товар может иметь две весьма различные естественные цены, и всё же отношение между спросом и предложением в обоих случаях может остаться неизменным, а именно – остаться отношением равенства» [стр. 61].

Итак, здесь допускается, что при двух различных «естественных ценах» одного и того же товара в различное время спрос и предложение могут и даже должны покрывать друг друга, чтобы товар в обоих случаях действительно был продан по его «естественной цене». Но так как при этом в обоих случаях ничуть не изменяется отношение спроса к предложению, но изменяется величина самой «естественной цены», то последняя, очевидно,

или больше или меньше их; так что отношение между предложением и тем фактическим спросом, который устанавливается теперь, принимая во внимание новые издержки производства, отличается от своей прежней величины. В результате, если не встретится препятствий, изменятся размеры предложения, что в конце концов приведёт товар к его новой естественной цене. Так как товары доходят до своей естественной цены благодаря изменению в их предложении, то, быть может, позволительно было бы сказать, что естественная цена в такой же степени обязана своим существованием одному отношению между спросом и предложением, в какой рыночная цена обязана другому отношению; и следовательно, естественная цена, совершенно так же, как и рыночная цена, зависит от взаимного отношения между спросом и предложением. («Великий принцип спроса и предложения призван определить то, что А. Смит называет естественной ценой, а также рыночной ценой». – Мальтус.)» («Observations on certain Verbal Disputes etc.». London, 1821, p. 60, 61.) Мудрый автор не понимает, что в разбираемом случае как раз изменение в издержках производства, а следовательно и в стоимости, изменяет спрос, а следовательно и отношение между спросом и предложением, и что изменение спроса может вызвать изменение предложения; а это доказывало бы как раз противоположное тому, что пытается доказать наш мыслитель, – это дока-

зывало бы, что издержки производства отнюдь не регулируются отношением между спросом и предложением, а, наоборот, сами регулируют это отношение.

211

устанавливается независимо от спроса и предложения и потому менее всего может определяться ими.

Чтобы товар мог быть продан по его рыночной стоимости, т. е. в соответствии с содержащимся в нём общественно необходимым трудом, для этого всё количество общественного труда, употреблённого на производство всей массы данного вида товаров, должно соответствовать величине общественной потребности в них, т. е. платёжеспособной общественной потребности. Конкуренция, колебания рыночных цен, соответствующие колебаниям отношения между спросом и предложением, всегда стремятся свести к этой мере общее количество труда, затраченного на каждый вид товаров.

В отношении между спросом и предложением товаров отражается, во-первых, отношение между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, между товаром и деньгами, покупателем и продавцом; во-вторых, – отношение между производителем и потребителем, хотя оба последние могут быть представлены третьими лицами, торговцами. Чтобы вполне развить это отношение, достаточно противопоставить покупателя и продавца друг другу в отдельности. Трёх лиц достаточно для полного метаморфоза товара, а следовательно, для процесса купли-продажи, взятого в целом. *A* превращает свой товар в деньги *B*, которому он продаёт товар, и снова превращает свои деньги в товар, который он покупает у *C*; весь процесс протекает между этими тремя лицами. Далее, при исследовании денег мы допускали, что товары продаются по их стоимости, так как не было никакого основания рассматривать цены, отклоняющиеся от стоимости, раз дело шло исключительно о тех изменениях формы, которые претерпевает товар, становясь деньгами и превращаясь обратно из денег в товар. Если товар вообще продаётся и на вырученные деньги покупается новый товар, то мы имеем перед собой весь метаморфоз, и для него как такового совершенно безразлично, стоит ли цена товара выше или ниже его стоимости. Стоимость товара сохраняет своё значение основы, так как только из этого основания могут быть развиты в понятии деньги, а цена, по своему общему понятию, есть прежде всего лишь стоимость в денежной форме. Конечно, при рассмотрении денег как средства обращения предполагается, что происходит не только один метаморфоз товара. Напротив, рассматривается общественное сплетение этих метаморфозов. Только таким образом подходим мы к обращению денег и к развитию их функции в качестве средства обращения. Но, насколько эта связь важна для перехода денег к функции средства обращения и для вытекающего отсюда изменения их вида,

настолько же безразлична она для сделки между отдельными покупателями и продавцами.

Между тем, рассматривая спрос и предложение, мы считаем, что предложение представляет сумму продавцов, или производителей, данного определённого товара, а спрос – покупателей, или потребителей (индивидуальных или производительных), этого же самого товара. И притом суммы эти действуют друг на друга как целое, как агрегатные силы. Отдельная личность действует здесь лишь как часть общественной силы, как атом всей массы, – именно в такой форме конкуренция обнаруживает *общественный* характер производства и потребления.

Та из конкурирующих сторон, которая в данный момент слабее, является вместе с тем и той стороной, где каждое отдельное лицо действует независимо от массы своих конкурентов, а зачастую прямо против них и как раз таким путём делает ощутительной зависимость отдельного конкурента от других; между тем более сильная сторона всегда противостоит своим противникам как более или менее сплочённое целое. Если спрос на данный вид товаров больше, чем предложение, то – в известных границах – один покупатель стремится перебить другого и поднимает таким образом для всех покупателей цену товара выше его рыночной стоимости, в то время как, с другой стороны, продавцы совместно стараются продать товар по высокой рыночной цене. Если, наоборот, предложение больше спроса, то один начинает продавать дешевле, а за ним вынуждены следовать другие, в то время как покупатели совместно стремятся возможно больше понизить рыночную цену по сравнению с рыночной стоимостью. Совместные действия интересуют каждого лишь до тех пор, пока он благодаря им выигрывает больше, чем без них. Единство действий прекращается, как только данная сторона как таковая оказывается слабее другой, и тогда каждое отдельное лицо старается возможно лучше устроиться собственными силами. Далее, если один из конкурентов производит дешевле других, может сбывать больше товара и отвоёвывать для себя больше места на рынке, продавая товар ниже господствующей в данный момент рыночной цены, или рыночной стоимости, то он так и поступает и начинает действовать таким образом, что мало-помалу принуждает других ввести более дешёвый метод производства и сводит общественно необходимый труд к новому, менее значительному количеству. Если одна из сторон получает преимущество, то выигрывает всякий, кто к ней принадлежит; дело происходит таким образом, как если бы все принадлежащие к ней осуществляли общую монополию. Если одна из сторон оказывается слабее другой, то каждый может

попытаться своими собственными усилиями стать сильнее противника (например тот, кто работает с меньшими издержками производства) или по крайней мере отделаться возможно меньшими потерями, и в этом случае ему уже нет никакого дела до своих соседей, хотя действия его касаются не только его самого, но и всех его сообщников ³²⁾.

Спрос и предложение предполагают превращение стоимости в рыночную стоимость, и, поскольку они действуют на капиталистическом базисе, поскольку товары являются продуктом капитала, спрос и предложение предполагают капиталистический процесс производства, а следовательно, совершенно иное сплетение отношений, чем простая купля и продажа товаров. Здесь речь идёт не о формальном превращении стоимости товаров в цену, т. е. не о простом изменении формы; речь идёт об определённых количественных отклонениях рыночных цен от рыночных стоимостей и, далее, от цен производства. При простой купле и продаже достаточно, чтобы производители товаров как таковые противостояли друг другу. Спрос и предложение при дальнейшем анализе предполагают существование различных классов и подразделений классов, которые распределяют между собой совокупный доход общества и потребляют его как доход, которые, следовательно, предъявляют спрос, образуемый этим доходом; между тем, с другой стороны, для понимания спроса и предложения, которые производители как таковые создают друг для друга, необходимо уяснение всего строя капиталистического процесса производства в целом.

При капиталистическом производстве речь идёт не только о том, чтобы за массу стоимости, брошенную в обращение в форме товара, выручить равную массу стоимости в другой форме, – денежной или товарной, – речь идёт о том, чтобы на капитал, авансированный на производство, извлечь такую же прибавочную стоимость, или прибыль, какую получает всякий другой капитал такой же величины, или *pro rata* ^{*} его величине, независимо от того, в какой отрасли производства он применяется; следовательно, речь идёт о том, чтобы продать товары по меньшей мере по ценам, доставляющим среднюю прибыль, т. е. по ценам производства. В этой форме капитал сам начинает

³²⁾ »Если каждый член группы никак не может получить больше определённой доли или соответственной части общих выгод или владений, то он охотно будет объединяться с другими, чтобы повысить эти выгоды» (так он и делает, когда отношение между спросом и предложением позволяет ему это); «это – монополия. Но если каждый убеждён, что можно каким-либо способом повысить абсолютную величину своей доли, хотя бы даже путём уменьшения общей суммы, он часто именно так и будет поступать; это – конкуренция» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand etc.». London, 1821, p. 105).

^{*} – соответственно. *Ред.*

сознавать себя как *общественную силу*, в которой каждый капиталист имеет свою долю, пропорциональную его участию во всём общественном капитале.

Во-первых, капиталистическое производство само по себе относится совершенно безразлично к определённой потребительной стоимости и вообще к специфическим особенностям того товара, который оно создаёт. В каждой сфере производства речь идёт для него лишь о том, чтобы произвести прибавочную стоимость, присвоить себе в продукте труда определённое количество неоплаченного труда. И равным образом наёмный труд, подчинённый капиталу, по самой своей природе относится безразлично к специфическому характеру своих работ, он должен видоизменяться сообразно потребностям капитала и допускать переброску его из одной сферы производства в другую.

Во-вторых, на деле одна сфера производства так же хороша или плоха, как и другая; каждая приносит одинаковую прибыль, и каждая не оправдывала бы своего назначения, если бы производимые ею товары не удовлетворяли какой-либо общественной потребности.

Но если товары продаются по их стоимостям, то, как было уже показано выше, в разных сферах производства возникают весьма различные нормы прибыли в зависимости от различия органического строения вложенных в них масс капитала. Но капитал извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль. Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции, – словом, посредством своего распределения между различными сферами производства, в зависимости от понижения и повышения нормы прибыли, капитал обуславливает такое соотношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создаётся одна и та же средняя прибыль, и благодаря этому стоимости превращаются в цены производства. Это выравнивание капиталу удаётся осуществить тем полнее, чем выше капиталистическое развитие в данном национальном обществе, т. е. чем больше условия данной страны приспособлены к капиталистическому способу производства. С прогрессом капиталистического производства развиваются и его условия; оно подчиняет своему специфическому характеру, своим имманентным законам всю совокупность общественных предпосылок, при которых совершается процесс производства.

Постоянное выравнивание постоянно возникающих неравенств происходит тем быстрее, чем, во-первых, подвижнее капитал, т. е. чем легче он может быть перенесён из одной сферы и из одного места в другие; во-вторых, чем скорее рабочая

сила может быть перебросена из одной сферы в другую, из одного центра производства данной местности в другой. Пункт первый предполагает полную

свободу торговли внутри общества и устранение всех монополий, кроме естественных, т. е. устранение монополий, которые возникают из самого капиталистического способа производства. Далее, предполагается развитие кредитной системы, которая концентрирует распылённую массу свободного общественного капитала, противопоставляя её отдельному капиталисту; наконец, – подчинение различных сфер производства капиталистам. Последнее уже включено в принятые нами предпосылки, раз мы допустили, что речь идёт о превращении стоимостей в цены производства во всех капиталистически эксплуатируемых сферах производства; однако само это выравнивание наталкивается на более крупные препятствия, если между капиталистическими предприятиями вклиниваются и с ними переплетаются многочисленные и носящие массовый характер сферы производства, которые ведутся некапиталистически (например, земледелие мелких крестьян). Необходима, наконец, значительная плотность населения. Пункт второй предполагает: отмену всех законов, препятствующих рабочим перемещаться из одной сферы производства в другую или из одного центра производства данной местности в другой; безразличное отношение рабочего к содержанию его труда; возможно большее сведение труда во всех сферах производства к простому труду; освобождение рабочих от всех профессиональных предрассудков; наконец, – и это в особенности – подчинение рабочего капиталистическому способу производства. Дальнейший анализ этого вопроса относится к специальному исследованию конкуренции.

Из сказанного следует, что каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность всех капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем капиталом и обуславливает своим участием определённую степень этой эксплуатации – и участвует не только в силу общей классовой симпатии, но и непосредственно экономически; потому что, – если предположить данными все прочие условия, в том числе стоимость всего авансированного постоянного капитала, – средняя норма прибыли зависит от степени эксплуатации совокупного труда совокупным капиталом.

Средняя прибыль совпадает со средней прибавочной стоимостью, производимой капиталом на каждую сотню, и по отношению к прибавочной стоимости только что сказанное понятно само собой. Что касается средней прибыли, то тут в качестве

216

одного из моментов, определяющих норму прибыли, присоединяется ещё стоимость авансированного капитала. В самом деле, для капиталиста или для капитала определённой сферы производства специальный интерес в эксплуатации непосредственно занятых им рабочих ограничивается тем, чтобы при помощи

исключительного чрезмерного труда, или при помощи понижения заработной платы ниже среднего уровня, или же при помощи исключительной производительности применяемого труда получить необычно высокую прибыль, – такую прибыль, которая превышает среднюю. Если же оставить это обстоятельство в стороне, то капиталист, даже вовсе не затрачивающий в своей отрасли производства переменного капитала, следовательно вовсе не применяющий труда (что в действительности, конечно, невозможно), был бы столь же сильно заинтересован в эксплуатации рабочего класса капиталом и совершенно так же извлекал бы свою прибыль из неоплаченного прибавочного труда, как и капиталист, который (опять-таки в действительности невозможное допущение) применял бы только один переменный капитал, затрачивая таким образом весь свой капитал да заработную плату. Но степень эксплуатации труда при данном рабочем дне зависит от средней интенсивности труда, при данной интенсивности – от длины рабочего дня. От степени эксплуатации труда зависит высота нормы прибавочной стоимости, следовательно, при данной общей массе переменного капитала – величина прибавочной стоимости, а потому и величина прибыли. Тот же специальный интерес, который капитал известной отрасли – в отличие от всего совокупного капитала – имеет в эксплуатации специально им занятых рабочих, отдельный капиталист – в отличие от всех капиталистов его отрасли – имеет в эксплуатации лично им занятых рабочих.

С другой стороны, каждая отдельная сфера капитала и каждый отдельный капиталист одинаково заинтересованы в производительности общественного труда, применяемого совокупным капиталом, потому что от этого зависят два обстоятельства. Во-первых, масса потребительных стоимостей, в которой выражается средняя прибыль; а это вдвойне важно, так как прибыль служит и фондом накопления нового капитала и фондом доходов, предназначенным для потребления. Во-вторых, величина стоимости всего авансированного капитала (постоянного и переменного), которая при данной величине прибавочной стоимости, или прибыли всего класса капиталистов, определяет норму прибыли, или прибыль на определённое количество капитала. Особый уровень производительности труда в отдельной

217

сфере или на отдельном индивидуальном предприятии этой сферы интересуется лишь непосредственно причастных к делу капиталистов, поскольку он обеспечивает отдельной сфере возможность получать добавочную прибыль по сравнению со всем капиталом или отдельному капиталисту – по сравнению со всей его сферой.

Итак, мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкурен-

ции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым.

Цена производства включает в себя среднюю прибыль. Мы называем её ценой производства – фактически это то же самое, что А. Смит называет «естественной ценой», Рикадо – «ценой производства», «стоимостью производства», физиократы – «необходимой ценой», причём никто из них не исследовал отличия цены производства от стоимости, – так как цена производства является постоянным условием предложения и воспроизводства товаров в каждой отдельной сфере производства³³⁾. Понятно также, почему те самые экономисты, которые восстают против определения стоимости товаров рабочим временем, количеством заключающегося в них труда, всегда говорят о ценах производства как о центрах, вокруг которых колеблются рыночные цены. Они могут позволить себе это, так как цена производства представляет собой форму, ставшую уже вполне внешней, и *prima facie* * иррациональную форму товарной стоимости, такую форму, которая выступает в процессе конкуренции, следовательно, в сознании обыкновенного капиталиста, а значит и в сознании вульгарных экономистов.

Из предшествующего изложения видно, каким образом рыночная стоимость (а всё сказанное о ней применимо с необходимыми ограничениями и к цене производства) включает в себя добавочную прибыль тех, кто в каждой особой сфере производства производит при наиболее благоприятных условиях. За исключением случаев кризисов и перепроизводства вообще, это применимо ко всем рыночным ценам, как бы сильно они ни отклонялись от рыночных стоимостей и рыночных цен производства. Рыночная цена именно предполагает, что за все товары данного вида уплачивается одинаковая цена, несмотря

³³⁾ *Malthus* [«Principles of Political Economy» London, 1836, p. 77 and sq.]

* – на первый взгляд. *Ред.*

218

на то, что товары эти могут быть произведены при очень различных индивидуальных условиях и могут, следовательно, иметь очень различные издержки производства. (О добавочной прибыли как следствии монополий в обычном смысле этого слова – искусственных или естественных – мы здесь не говорим.)

Однако добавочная прибыль может возникнуть, кроме того, ещё в том случае, когда известные сферы производства в состоянии избежать превращения их товарных стоимостей в цены производства, а потому и сведения их прибылей к средней прибыли. В отделе о земельной ренте мы рассмотрим дальнейшее видоизменение этих двух форм добавочной прибыли.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К АУТЕНТИЧНОМУ МАРКСИЗМУ В ВОПРОСЕ СТОИМОСТИ – ЭТО ШАГ ВПЕРЕД В РАЗВИТИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В.Волков

Вполне очевидно, что при отсутствии конкуренции в экономической системе не могут существовать ни рыночная стоимость, ни цена производства. Однако при этом всю сумму товаров хозяйственного монополиста можно представить как одну индивидуальную стоимость. В качестве таковой вся совокупность товаров (или какая-либо ее часть) может присутствовать на мировом капиталистическом рынке, но этот факт будет обуславливать только ее внешнюю функцию – функцию квазикапиталистическую, – подобно тому, как продукт крестьянского хозяйства, плантатора-рабовладельца или помещика-крепостника поступает в мировой торговый оборот, – а не ее сущность. Внешняя монолитность воображаемой нами всеобщей индивидуальной стоимости при ближайшем рассмотрении рассыпается на тысячи вариантов соотношения постоянного и переменного капиталов, основного и оборотного капиталов. И пока будет оставаться этот разноряд, подпитываемый конкуренцией применяемых технологий, превращение монополистической собственности в истинную индивидуальную стоимость будет невозможно. Бытие дифференцированной структуры капитала будет всегда требовать наличного бытия конкуренции для выражения своего общественного характера.

Однако может возникнуть предположение, что отсутствие рыночной стоимости и цены производства, отнюдь, не означает исчезновение индивидуальной стоимости товаров: раз индивидуальная стоимость – это сумма оплаченного и неоплаченного труда, сумма всего рабочего времени, воплощенного в товаре, то, следовательно, для ее существования не важен факт ее участия в усреднении в рыночной стоимости и далее в цене производства.

Попробуем разобраться.

При капитализме любая индивидуальная стоимость находит свое общественное выражение только в сравнении с другими индивидуальными стоимостями и только через посредство менового и рыночно-конкурентного механизмов. И если они исчезают, то тогда нужно найти им замену, иначе продукты труда не смогут стать достоянием общества и удовлетворить какую-либо общественную потребность. **Постоянной заменой** может явиться путь непосредственно-общественной реализации продуктов труда, когда они имеют одну и ту же «индивидуальную стоимость» и одно и то же «строение капитала», что возможно лишь при общественной и технологической однородности труда. **Вре-**

менной заменой будет лишение внутренне дифференцированного по строению капитала его конкурентно-менной формы и переход на искусственную плановую организацию хозяйства, которая рано или поздно ниспровергается более адекватной капиталу формой.

Из всего вышесказанного следует, что индивидуальная стоимость вне конкуренции и меновых отношений прекращает свое существование и на ее место заступают запланированные затраты труда на единицу продукции, выраженные в случае постоянной замены в рабочих часах, а в случае временной замены – в деньгах. Но вместе с индивидуальной стоимостью исчезает не только меновая стоимость, но и потребительная стоимость, так как она также теряет свой общественный характер. Дело в том, что потребительная стоимость – это не просто способность продукта вообще удовлетворять какую-либо потребность человека, а только с помощью товара, то есть в конечном итоге с помощью рыночной стоимости. При отсутствии рыночной стоимости потребность в продукте никуда не исчезает. И раз остается производство и потребление, то, следовательно, никуда не исчезает и способность вообще удовлетворять какую-либо потребность человека, то есть потребительная полезность вообще, которую не надо путать с маргиналистски понимаемой полезностью. Последняя является лишь способностью товара удовлетворять нужду конкретного субъекта исходя из редкости продукта и нужды в нем.

Все сказанное нами является иллюстрацией развития диалектического противоречия. При исчезновении любого диалектического единства противоположностей метаморфозы происходят во всей системе – исчезает и положительный момент противоречия, и его отрицательный момент, и даже их синтез. Поэтому в рамках этой методологии представляется немислимым ликвидация предмета с полным сохранением одного из его элементов. Не может при распаде семьи остаться муж, при переходе к коммунизму – пролетариат, а при исчезновении товара – его потребительная стоимость. Однако диалектическое снятие, это уничтожение с сохранением, оставляет после себя не выжженную пустыню, а новое единство новых противоположностей. В нашем случае на место индивидуальной стоимости, потребительной стоимости и меновой стоимости заступает новая триада: запланированные затраты труда на единицу продукции, плановая потребительная полезность и плановый заменитель меновой стоимости. При суррогате перехода к коммунистической формации они имеют одну форму, при непосредственном переходе к коммунизму – другую.

Теперь перейдем в историческую плоскость. Объект рассмотрения – СССР, предмет – его социально-экономический строй.

Очевидное отсутствие конкуренции в СССР дает основание утверждать, что его хозяйственный механизм не основывался на выявлении рыночной сто-

имости и цены производства, а, следовательно, продукты в советской экономике не являлись индивидуальными стоимостями и потребительными стоимостями и, как результат, не были полноценными товарами. Поэтому в СССР отсутствовал главнейший признак капитализма – функционирование меновых стоимостей. Этот провал обусловил отсутствие и второго сущностного признака капитализма – наличия капиталистического найма. Дело в том, рабочая сила, переменный капитал играют в капиталистической экономике очень важное значение. Без конкуренции между рабочими, без их постоянных переходов из одной отрасли в другую не может произойти выравнивания прибавочных стоимостей до общей нормы прибавочной стоимости и, следовательно, до общей нормы прибыли, что является, как писал К. Маркс, «фактической предпосылкой капиталистического способа производства». Таким образом, в СССР наем рабочей силы носил некапиталистический характер и сочетался с единственным привнесенным извне элементом капитализма – индустриальным хозяйством, но приспособленным под реалии сложившегося в СССР способа производства и поэтому видоизмененным. В СССР не осуществился и еще один очень важный признак капиталистической экономики – квазикапиталистическая эксплуатация. В 1930-х гг. ввиду отсутствия стоимостных отношений происходило внештатное изъятие прибавочного продукта крестьянского уклада, возвращенного, правда, крестьянству в последующих десятилетиях.

Отсутствие стоимости в СССР естественно предопределяет вывод об отсутствии прибавочной стоимости при сохранении прибавочного продукта и полностью выбивает почву из-под теории так называемого государственного капитализма в СССР, очень удобной в идеологической борьбе, но полностью неадекватной социально-исторической действительности. Парадокс заключается в том, что в СССР не было капиталистического способа производства, но всегда сохранялась капиталистическая матрица в виде внутренней дифференциации капитала и технологии, которая будучи отрицательным (в диалектическом смысле) моментом советского способа производства и общей формой новой капиталистической действительности, постоянно шаг за шагом требовала наполнения буржуазным содержанием. Именно эта внутренняя логика базового противоречия СССР воспроизводила его неуклонный переход к капитализму. И чем дальше развивалась индустриализация и культурная революция, тем больше становилась пропасть между все более дифференцирующимся строением «капитала» и его «несвоевременной» плановой формой. Появившиеся вскоре автоматизация, роботизация и компьютеризация могли при определенных обстоятельствах сгладить рассматриваемое нами политэкономическое противоречие. Однако этого не произошло в силу и объективных, и субъективных причин. Дело в том, что возникший в послевоенное время хозяйственный механизм

представлял собой более-менее эффективную систему: дезорганизующие валовые показатели уравнивались показателем снижения себестоимости и оптовых цен, а финансово-денежные потоки – образованием дохода государства в основном через налог с оборота, что препятствовало реализации капиталистического принципа образования дохода через «налипание» прибыли на вложенный капитал. Однако эта система имела одно очень слабое звено – бюрократию. Естественная для любого индустриального общества организация бюрократии в условиях отсутствия буржуазии привела к ее всеобщей самоорганизации и самоосознанию ею своих базовых социально-экономических и политических интересов. Результатом реализации этих интересов явилась политика сознательного и бессознательного снижения эффективности хозяйственного механизма в повседневной управленческой деятельности и через ряд последовательных экономических реформ, общий смысл которых теперь очевиден – придание дифференцированному «капиталу» капиталистической формы. Из сложившихся в позднесталинской экономической действительности потенций – движение к коммунизму через сложное доразвитие и формы, и содержания; приведение формы в соответствие с капиталистическим содержанием – победила вторая.

В экономике СССР отсутствие стоимости, а равно – частной собственности, сочеталось с господством тенденции к плановости или регулированию социально-экономической сферы, с вознаграждением по трудовому вкладу и с отсутствием эксплуатации человека человеком¹. Не трудно заметить, что все указанные признаки (с корректировкой в некоторых случаях в сторону свободного распределения или распределения вне зависимости от результатов труда) в целостном виде встречались не раз в истории человечества еще до установления Советской власти. Формы и примеры различны: архаический первобытный коммунизм, государство иезуитов, государство Чжоу, в какой-то мере государство инков, движение анабаптистов, кибуцный уклад и др.

Вполне логично было бы все известные случаи данного общественного механизма обобщить в родовом для них понятии. И в XIX веке таким понятием стало понятие «социализм». Речь тогда шла о **целенаправленно** создаваемом людьми общественном устройстве, при котором должно происходить уничтожение или ограничение **частной собственности**. Этот **социализм в широком смысле** исходя из способа распределения продуктов делился мыслителями на две формы: *социализм в узком смысле слова*, при котором потребление регу-

¹ Под эксплуатацией мы понимаем не только изъятие прибавочного продукта, но и его присвоение какой-либо социальной группой. Отсутствие последнего может означать направление этого излишка на общественные цели либо самим обществом с помощью самоуправления, либо правящей группой с помощью легитимного или нелегитимного насилия.

лируется доходом при посредстве особого покупательного средства, и **коммунизм**, где потребление или совершенно свободно, или же регулируется непосредственным распределением продуктов в натуральном виде между отдельными лицами при отрицании необходимости пропорциональности между тем, что лицо дает обществу и тем, что оно от него получает.

Социализм в узком смысле и коммунизм всегда имели и имеют свое стадийное, формационное лицо. Известно, что общественные формации у К. Маркса определялись на основе признака наличия или отсутствия антагонистических классов, эксплуатации и частной собственности. Таковых у К. Маркса обозначено три: архаическая (первичная), экономическая (вторичная) и коммунистическая (третичная)². Добавление еще одного критерия (тот или иной тип получения прибавочного продукта) позволяет расчленивать вторичную суперформацию на две: добуржуазную и буржуазную³. Кроме того, как указывает К. Маркс, вторичная, то есть экономическая, формация проявлялась в истории в четырех способах производства: азиатском, античном, феодальном и буржуазном. Это логично подводит нас к предположению о возможности появления в рамках вторичной суперформации и других способов производства. Таковым мы считаем «советский» способ производства.

Исходя из вышесказанного, можно классифицировать все известные нам теоретические и практические формы социализма (коммунизма) с указанием их формационного статуса: *архаический коммунизм* – формация или уклад; *традиционный докапиталистический социализм (коммунизм)* – способ производства или уклад; *индустриально-модернизационный переходный к капитализму социализм (коммунизм)* – способ производства (например, «советский») или уклад (например, «кибуцный»); *посткапиталистический социализм* – формация. Кроме того, достаточно точно можно определить характерные черты данных форм, исходя из следующих критериев: роль в истории, масштаб, тип производства, роль государства в его жизнедеятельности, тип социальной стратификации, способ соединения рабочей силы со средствами производства, тип господствующей мотивации.

Начнем с **посткапиталистического социализма**: он будет представлять собой, по всей видимости, непосредственный переход к коммунистической формации и ее первую стадию; это будет негосударственный бесклассовый самоуправленческий социализм в большей мере, чем государственный (государственность шаг за шагом отстывает); возникнет и проявится во всемирном

² См.: Маркс К. наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М., 1961. – Т. 19. – С. 404–419.

³ См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Там же. – М., 1968. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 472, 504.

масштабе; будет действовать на постиндустриальной основе; трудовые отношения будут всеобщими, а потому – необременительными; в общественном и индивидуальном сознании людей данной эпохи станет господствовать ценностная ориентация.

Индустриально-модернизационный переходный к капитализму социализм (коммунизм): это прогрессивный переход к капитализму; это в большей мере государственный социализм; это местный классовый социализм, действующий на индустриальной основе; способом соединения рабочей силы со средствами производства является некапиталистический наем в большей мере и свободная самодеятельность – в меньшей; в общественном и индивидуальном сознании господствует практический интерес.

Традиционный докапиталистический социализм (коммунизм): в некоторых случаях носил прогрессивный характер, в других – регрессивный; имел как государственную направленность (например, государство иезуитов), так и антигосударственную (например, движение анабаптистов); действовал на доиндустриальной основе; развивался в локальном масштабе; в общественном и индивидуальном сознании носителей социализма господствовала ориентация на традицию и религиозный миф; имел сословно-классовый характер; трудовые отношения строились на всеобщем легитимном насилии.

Архаический коммунизм: как формация обрел свое бытие во всемирном масштабе и являлся прогрессивным переходом к вторичной (экономической) формации; основывался на первобытном способе производства; носил негосударственный бесклассовый характер с тенденцией постепенного становления классов и государства; господствующей мотивацией являлась слитность первобытной религиозности, табу, обычая и желания выжить.

Таким образом, мы можем констатировать, что социализм является универсальным социальным феноменом, принимавшим, однако, в ходе исторического процесса различные стадийные и цивилизационные формы. Их спокойное объективное изучение, свободное от идеологических пристрастий и догм, является актуальной задачей исследователей-марксистов. Исходя из этого, мы можем определить, что **советский социализм** – это сознательно созданный общественный строй с целью уничтожения частной собственности, при котором, с одной стороны, с помощью централизации деятельности была упразднена частная собственность и стоимостные отношения, а, с другой стороны, постоянно сохранялась и развивалась потребность перехода к капитализму со стороны массового индустриального производства, наемного труда и планового монополистического рынка. На мировом рынке советский социализм выступал как квазикапиталистический субъект в форме государственной капиталистиче-

ской монополии, а внутри страны – как государственная социалистическая монополия переходного к капитализму типа.

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕОДОЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА КАК ОСНОВЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В. Дьяченко

Актуальность темы вызвана ее забвением в советские времена, видимо, в интересах «небожителей», которые не проявляли готовности к целенаправленному преодолению разделения труда, в том числе, разрыва между управляющими и управляемыми, как этого требует марксистское учение.

И это, как представляется, стало одной из главных причин отхода советского общества от коммунистического развития, развала СССР в силу отсталости России после взятия власти большевиками и агрессии мирового империализма.

Положение о необходимости преодоления общественного разделения труда для упразднения отношений частной собственности с целью достижения полного коммунизма является краеугольным камнем всей марксистской теории.

Однако советская пропаганда так поработала над общественным мнением в этом вопросе, что он вызывает недоумение и полное непонимание у подавляющего большинства людей левых взглядов, с кем пришлось общаться автору статьи.

Они с возмущением отвергают марксистское положение о том, что на высшей фазе коммунизма не должно быть общественного разделения труда между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, между трудом управленцев и трудом управляемых, разделения труда на пожизненные профессии.

«Как может существовать общество без профессионалов, например, врачей, педагогов, ученых, руководителей и простых работников, – удивляется человек, называющий себя коммунистом. – Этого не может и не должно быть. Разделение труда всегда было и всегда будет».

А как же решают эту проблему основоположники коммунистической теории?

В своих научных исследованиях, добросовестность которых не вызывает сомнений, они пришли к выводу, что в основе общественной несправедливости, эксплуатации одних другими лежит частная собственность. Поэтому в совместно составленном ими в 1847 г. «Манифесте коммунистической партии» они за-

писали что «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности».

Но что такое частная собственность? Сознание коммунистов, сформированное в основном в советские времена, связывает это понятие только с собственностью частных лиц на средства производства. И это правильно, однако, недостаточно, так как понятие собственности принадлежность не только средств производства, но и вообще любого имущества кому-либо, включает через исторически изменяющийся способ его присвоения. А присвоение может быть прямым (общая собственность) или опосредствованным товарно-денежным обменом (частная собственность). Присвоение, опосредствованное товарно-денежным обменом из-за общественного разделения труда, образует отношения частной собственности, частного присвоения. Поэтому Маркс утверждал, « что разделение труда и обмен суть формы частной собственности», т.е. частного присвоения.

Более обстоятельно проблема отношений собственности раскрыта на нашем сайте: classic.marxist.su

Вместе с тем классики, в их совместном труде 1846 г. под названием «Немецкая идеология» установили что «разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом - по отношению к продукту деятельности». Следовательно, частная собственность является продуктом деятельности по воспроизводству жизни общества и каждого индивида, тогда, когда она осуществляется в условиях общественного разделения труда.

Но поскольку отношения частной собственности являются продуктом разделение труда, постольку классики уничтожение таких отношений вполне обоснованно связывали с преодолением общественного разделения труда. Это положение красной нитью проходит через все их произведения, посвященные формированию коммунистических отношений. Так в «Принципах коммунизма», написанных Энгельсом в 1847 г., он отмечал: «Общественное ведение производства не может осуществляться такими людьми, какими они являются сейчас, – людьми, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, развивает только одну сторону своих способностей за счет всех других и знает только одну отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше оказывается в состоянии применять таких людей. Промышленность же, которая ведется сообща планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства. Следовательно, разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее

одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание даст молодым людям возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей. Воспитание освободит их, следовательно, от той односторонности, которую современное разделение труда навязывает каждому отдельному человеку. Таким образом, общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности. Но вместе с тем неизбежно исчезнут и различные классы. Стало быть, с одной стороны, общество, организованное на коммунистических началах, несовместимо с дальнейшим существованием классов, а, с другой стороны, само строительство этого общества дает средства для уничтожения классовых различий. Отсюда вытекает, что противоположность между городом и деревней тоже исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу весьма материальных причин. Распыленность занимающегося земледелием населения в деревнях, наряду со скоплением промышленного населения в больших городах, соответствует только недостаточно еще высокому уровню развития земледелия и промышленности и является препятствием для всякого дальнейшего развития, что уже в настоящее время дает себя сильно чувствовать».

А в письме Бракке, написанном Марксом в 1875 г., известном под названием «Критика Готской программы», он резюмировал: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы, и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!».

Но как возникло разделение труда, и что включали классики в это понятие?

В этой связи необходимо отметить, что понятие разделения труда раскрывается, помимо уже упомянутых, также и в таких трудах, как «Экономическо-философские рукописи» Маркса 1844 г., в его 1-м томе «Капитала», в «Анти-

Дюринге» Энгельса, а также в его «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

Идея необходимости преодоления общественного разделения труда принадлежит не Марксу и не Энгельсу. Первый ее обнаружил французский социалист Шарль Фурье. В 1829 г. он написал труд под названием «Новый хозяйственный социетарный мир». В нем он утверждал, что первичной ячейкой нового общества должна стать «фаланга», сочетающая промышленное и сельскохозяйственное производство. Фурье высказывал представления о будущем обществе, в котором будут ликвидированы противоположности между умственным и физическим трудом. Этой же позиции придерживался и шотландский социалист Р.Оуэн.

Маркс и Энгельс идеи Фурье и Оуэна обосновали научно и развили их в своей теории.

Еще в «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. Маркс, рассматривая различные определения разделения труда, ранее сформулированные экономистами, обратил внимание на то, как разделение труда определял Адам Смит, который писал: «Разделение труда обязано своим происхождением не мудрости человеческой. Оно есть необходимый результат медленного и постепенного развития склонности к обмену и взаимной торговле продуктами».

Затем с понятием «разделение труда» Маркс и Энгельс определились в «Немецкой идеологии». Они отмечали, что «племенное, сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря росту производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения. Вместе с этим развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом – разделением труда, совершившимся само собой или «естественно возникшим» благодаря природным задаткам. Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда.

Впрочем, совершенно безразлично, что предпримет само по себе сознание; из всей этой дряни мы получаем лишь один вывод, а именно, что три указанных момента – производительная сила, общественное состояние и сознание – могут и должны вступить в противоречие друг с другом, ибо разделение труда делает возможным – более того: действительным, – что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов.

Вместе с разделением труда, содержащим все указанные противоречия и покоящимся, в свою очередь, на естественно возникшем разделении труда в семье и на распаде общества на отдельные, противостоящие друг другу семьи, – вместе с этим разделением труда дано в то же время и распределение, являю-

щееся притом – как количественно, так и качественно – неравным распределением труда и его продуктов; следовательно, дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети – рабы мужчины».

Итак, естественное разделение труда обусловлено уровнем развития производительных сил общества, а, следовательно, уровнем производства жизненных средств. В свою очередь до определенного времени уровень развития производительных сил зависит от степени развития разделения труда. «Уровень развития производительных сил нации, отмечали классики, – обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда. Всякая новая производительная сила, – поскольку это не просто количественное расширение известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель), – влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда.

В 1 томе «Капитала» в XII главе, названной: «Разделение труда и мануфактура» Маркс анализирует причины возникновения разделения труда внутри мануфактуры и разделение труда внутри общества. Он начинает исследование с определения исходных пунктов возникновения и развития естественного разделения труда внутри общества. Он пишет: «Разделение труда внутри общества и соответственное ограничение индивидуума сферой определенной профессии имеет, как и разделение труда внутри мануфактуры, две противоположные исходные точки развития. В пределах семьи, а с дальнейшим развитием в пределах рода – естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т.е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свою сферу с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим».

Затем он показывает, как естественное разделение труда постепенно с развитием обмена перерастает в общественное разделение труда. Различные общины, – отмечает Маркс, – находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются, поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это – те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а, следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь общественное разделение труда возникает посредством обмена между первоначально различными, но не за-

висимыми друг от друга сферами производства».(См. Маркс К. Капитал. Т.1. М. 1973. СС. 363, 364, 365).

Ранее в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс проследили, как исторически менялось разделение труда в процессе развития производительных сил, то есть орудий производства и человека. Они пришли к выводу, что разделение труда между городом и деревней в самой значительной степени определило производство продуктов отдельными производителями, что вызвало к жизни необходимость быстрого развития обмена, отношений купли и продажи. Поэтому противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Они записали: «Наибольшее разделение материального и духовного труда, – это отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени.

Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Она выражает в наиболее резкой форме подчинение индивида разделению труда и определенной, навязанной ему деятельности, – подчинение, которое одного превращает в ограниченное городское животное, а другого – в ограниченное деревенское животное и ежедневно заново порождает противоположность между их интересами. Труд здесь опять-таки самое главное, он есть та сила, которая стоит над индивидами; и пока эта сила существует, до тех пор должна существовать и частная собственность. Уничтожение противоположности между городом и деревней есть одно из первых условий общественного единства, – условие, которое, в свою очередь, зависит от множества материальных предпосылок и которое, как это видно уже с первого взгляда, не может быть осуществлено одной только волей».

Позже в 1 томе «Капитала» Маркс окончательно сформулирует: «Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности».

В ходе исторического развития производительных сил общественное разделение труда рабовладельческого общества было заменено более совершенным феодальным общественным разделением труда и феодальными классами.

На смену феодальному разделению труда и феодальной частной собственности через социальные революции пришло капиталистическое разделение труда и капиталистическая частная собственность.

С точки зрения социальной психологии Маркс и Энгельс выявили, что пока разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, когда

человеку навязывается какой-нибудь исключительный круг деятельности для добывания средств к жизни, собственная деятельность человека становится для него чуждой, угнетающей силой. Вот как это выражено в «Немецкой идеологии»: «И, наконец, разделение труда дает нам сразу же первый пример того, что пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, пока, следовательно, существует разрыв между частным и общим интересом, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, – собственное деяние человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней. Дело в том, что как только начинается разделение труда, у каждого появляется какой-нибудь определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он – охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни».

Именно разделением труда обусловлены противоречия интересов отдельного индивида или отдельной семьи интересам всего общества. В этой связи Маркс и Энгельс отметили, что «вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом; притом этот общий интерес существует не только в представлении, как «всеобщее», но, прежде всего он существует в реальной действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд».

Исследованию проблемы разделения труда посвящена и более поздняя работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Hottingen - Zurich. 1884 г.). В ней он использовал анализ исторических открытий Моргана, о развитии первобытно-общинных отношений, произведенный Марксом.

На основании этих открытий Энгельс приходит к выводу, что первое крупное естественное разделение труда заключалось в отделении пастушеских племен от остальной массы варваров. Появляются излишки продуктов, а вместе с ними предпосылки для возникновения и развития обмена. Первое крупное разделение труда привело к необходимости увеличения количества рабочей силы. Пленных стали превращать в рабов и произошло первое разделение общества на класс господ и класс рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Вторым крупным естественным разделением труда было отделение ремесла от земледелия. «С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, – указывает Энгельс, – возникает производство непосредственно для обмена, – товарное производство, а вместе с ним и тор-

говля, причем не только внутри племени и на его границах, но уже и с заморскими странами».

«Цивилизация, – отмечает он далее, – принесла и третье разделение труда решающего значения. До сих пор причины образования классов были связаны еще исключительно с производством; они вели к разделению занятых в производстве людей на руководителей и исполнителей или же на производителей большего и меньшего масштаба. Здесь впервые появляется класс, который, не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, становится неустранимым посредником между каждыми двумя производителями и эксплуатирует их обоих. Под предлогом избавления производителей от труда и риска, связанных с обменом, расширения сбыта их продуктов вплоть до самых отдаленных рынков и создания тем самым якобы наиболее полезного класса населения образуется класс паразитов, класс настоящих общественных тунеядцев, который в вознаграждение за свои в действительности весьма незначительные услуги снимает сливки как с отечественного, так и с иностранного производства, быстро приобретает громадные богатства и соответствующее им влияние в обществе и именно поэтому в период цивилизации захватывает все более почетное положение и все более подчиняет себе производство, пока, наконец, сам не создает свой собственный продукт – периодические торговые кризисы».

Вместе с купцами появляются металлические деньги, которые окончательно расслоили общество на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых.

Исследования истории показывало, что первобытно-коммунистическое производство носило коллективный характер. «Но в этот производственный процесс, пишет Энгельс, – медленно проникает разделение труда. Оно подрывает коллективный характер производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами и вместе с тем порождает обмен между ними. Постепенно товарное производство становится господствующей формой.

В связи с разделением общества на класс богатых господ эксплуататоров и класс эксплуатируемых рабов и бедняков, который необходимо было держать в узде, дабы он не взбунтовался, возникает государство и публичная (государственная) власть. Появляется прослойка профессиональных оплачиваемых из налогов населения управленцев. Происходит отделение профессионального пожизненного труда государственного чиновника – управленца от управляемых подданных или граждан.

С развитием наук и искусств, появилась прослойка профессионально оплачиваемой интеллигенции, которая занимает промежуточное положение между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

До этого в I томе «Капитала» Маркс определил, что постепенно общественное «разделение труда наряду с экономической областью охватывает все другие сферы общества и везде закладывает основу того узкого профессионализма и специализации, того раздробления человека, по поводу которого уже А. Фергюсон, учитель А. Смита, воскликнул: «Мы – нация илотов, и между нами нет свободных людей». (Илоты – в Спарте земледельческая часть населения, собственность государства. Они были прикреплены к земельным участкам). (См. Маркс К. Капитал. Т.1. М. 1973. С. 366).

В «Анти-Дюринге» Энгельс по этому поводу писал: «Разделение общества на классы эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный было неизбежным следствием прежнего незначительного развития производства. Пока совокупный общественный продукт дает продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т.д.». (См. Анти-Дюринг. С. 286).

«И не одни только рабочие, далее продолжает Энгельс, – но и классы, прямо или косвенно эксплуатирующие их, также оказываются, вследствие разделения труда, рабами орудий своей деятельности: духовно опустошенный буржуа поработан своим собственным капиталом и своей собственной страстью к прибыли; юрист поработан своими окостенелыми правовыми воззрениями, которые как некая самостоятельная сила владеют им; «образованные классы» вообще поработаны разнообразными формами местной ограниченности и односторонности, своей собственной физической и духовной близорукостью, своей изуродованностью воспитанием, выкроенным по мерке одной определенной специальности, своей прикованностью на всю жизнь к этой самой специальности – даже и тогда, когда этой специальностью является просто ничего-неделание». (См. Анти-Дюринг. С.С. 296-297).

Таким образом, согласно марксистской теории возникшее стихийно и исторически меняющееся качественное естественное различие видов полезного труда в обществе относительно самостоятельных товаропроизводителей развилось в многочисленную систему пожизненных профессий, с помощью которых человек добывает себе средства к существованию. Это исторически меняющееся естественное качественное различие видов полезного труда, обусловленного товарным производством и обменом, а соответственно ограничение индивиду-

ма сферой определенной профессии, и называется в марксизме общественным разделением труда. Свою наиболее развитую форму общественное разделение труда приобрело при капитализме.

Вместе с тем от общественного разделения труда, опосредствованного товарно-денежными отношениями, следует отличать специализацию.

Специализация – это разделение видов полезного труда в зависимости от предмета. Не будучи, опосредствованной товарным производством и обменом, т.е. отношениями частной собственности, специализация теряет содержание общественного разделения труда. Специализация непосредственно выражает прогресс производительных сил и способствует ему. Многообразие видов труда соответствует степени освоения природы человеком и растет вместе с развитием человека.

В классовых обществах с товарно-денежными отношениями под воздействием закона разделения труда специализация приобретает уродливые формы пожизненно оплачиваемых профессий, с помощью которых человек вынужден добывать средства к существованию. Если в таких обществах человек из эксплуатируемых классов, как узкий специалист, включается в экономические отношения как рабочая сила, то в бесклассовом коммунистическом обществе каждый человек с широкой специализацией будет включаться в общественные отношения как личность.

Вот, то главное, что рассказали нам классики в своих произведениях относительно понятия общественного разделения труда.

Затем они выявили ту закономерность, что если разделение труда и его продукт – частная собственность до определенного периода способствовали развитию производительных сил, то, достигнув своего предела в условиях капиталистического способа производства, на нисходящей линии его движения, они стали сковывать их развитие, требовать преодоления общественного разделения труда и упразднения отношений частной собственности.

Согласно классикам общественное разделение труда, а вместе с ним деление общества на классы, преодолевается в ходе революционных коммунистических преобразований.

На смену закону общественного разделения труда, по их мнению, должен придти закон перемены общественного труда.

«Настанет время, – утверждал Энгельс в «Анти-Дюринге», – когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии и когда человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора. (См. Анти-Дюринг. С. 202).

Еще в «Манифесте коммунистической партии» основоположники в перечне главных мероприятий, необходимых для переворота во всем капиталистическом способе производства, включили: «Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней».

Иначе считал оппонент Маркса социалист Дюринг, который не видел в разделении труда ничего отрицательного. Он считал его необходимым для развития производства.

Энгельс отвечал Дюрингу, что еще социалисты – утописты Фурье и Оуэн требовали «уничтожения противоположности между городом и деревней как первого и основного условия для уничтожения старого разделения труда вообще». Оба они полагали необходимым, «чтобы и в земледелии и в промышленности существовало возможно большее чередование занятий для каждого отдельного лица и чтобы, сообразно с этим, юношество подготовлялось воспитанием к возможно более всесторонней технической деятельности. Согласно взгляду обоих, человек должен всесторонне развивать свои способности путем всесторонней практической деятельности, и труд должен вновь вернуть себе утраченную вследствие его разделения привлекательность – прежде всего посредством указанного чередования занятий и соответствующей этому небольшой продолжительности сеанса, посвящаемого каждой отдельной работе. Оба названных утописта, – пишет Энгельс, – стоят неизмеримо выше унаследованного Дюрингом способа мышления эксплуататорских классов, согласно которому противоположность между городом и деревней неустранима по самой природе вещей. Согласно этому ограниченному способу мышления, известное количество «существ» должно остаться при всех условиях обреченным на то, чтобы производить один вид продуктов: таким путем хотят увековечить существование экономических разновидностей» людей, различающихся по своему образу жизни, – людей, испытывающих удовольствие от того, что они занимаются именно этим, и никаким иным, делом, и, следовательно, так глубоко опустившихся, что они радуются своему собственному порабощению, своему превращению в однобокое существо».

Дюринг утверждал: «Разделение труда: расчленение профессий и разделение деятельностей повышает производительность труда». На это Энгельс ему ответил, что «уничтожение старого разделения труда отнюдь не является таким требованием, которое может быть осуществлено лишь в ущерб производительности труда. Напротив, благодаря крупной промышленности оно стало условием самого производства».

Далее Энгельс приводит доводы Маркса из 1 тома Капитала: о том, что «природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего».

Маркс убедительно обосновал необходимость смены закона общественного разделения труда законом перемены общественного труда. Он разъяснял, что сама крупная промышленность ставит задачу ликвидировать безработицу, заменить резервного рабочего (безработного) всесторонне развитой личностью для исполнения (в условиях действия закона перемены общественного труда) различных общественных функций в интересах всех. «Но если перемена труда, – писал Маркс, – теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствие, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности». (См. Маркс. К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 23. С. 498-499).

По Марксу, личность «профессионального кретина» должна сменить всесторонне развитая «тотальная» личность. На смену узкой капиталистической специализации придет широкая специализация всесторонне развитой личности. Он критиковал составителей Готской программы за выдвинутое ими требование полного запрещения детского труда не зависимо от возраста. Он указывал: «Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому является пустым благочестивым пожеланием. Проведение этой меры, – если бы оно было возможно, – было бы реакционно, так как при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества».

В свою очередь Энгельс утверждал, что старое капиталистического разделения труда должно исчезнуть. «На его место, пишет он, – должна вступить такая организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы свалить

на других свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого существования, и где, с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, представляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные, – где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение». (См. Анти-Дюринг. С. 298).

Марксистское учение исходит из того, что преодоление разделения труда должно начинаться с планомерного устранения противоположности между городом и деревней. Слияние в единый механизм промышленного и сельскохозяйственного производства и строительством небольших современных городов с соответствующей инфраструктурой устраняет разделение городского и деревенского труда, различия в жизни городского и сельского населения. И вообще тогда производство приближается к местам добычи сырья и топлива, что уменьшает необходимость их перевозки. Равномерное рассредоточение промышленности и населения по небольшим городам с объединенным аграрным и промышленным производством разрешает противоречия между городом и деревней, устраняет неравенство в условиях быта, решает проблемы защиты окружающей среды и гигиены.

Маркс и Энгельс считали, что «концентрация в городах является основным условием капиталистического производства».

Только общество, – утверждает Энгельс в «Анти-Дюринге» – способное установить гармоническое сочетание своих производительных сил по единому общему плану, может позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также и для развития прочих элементов производства.

Согласно марксистским исследованиям «уничтожение противоположности между городом и деревней не только возможно, – оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены. Только путем слияния города и деревни можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы.

Капиталистическая промышленность уже стала относительно независимой от узких рамок местного производства необходимых ей сырых материалов.

Вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца, общество тем самым создаст новую производительную силу, которая с

избытком перевесит труд по перевозке сырья и топлива из более отдаленных пунктов.

Следовательно, уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет собой утопию также и со стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране.

«Правда, в лице крупных городов, отмечает Энгельс, – цивилизация оставила нам такое наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но они должны быть устранены – и будут устранены, хотя бы это был очень продолжительный процесс». (См. Анти-Дюринг. С. С. 297- 301).

Таким образом, согласно классической марксистской теории коммунизма преодоление действия закона общественного разделения труда при условии развившихся производительных сил начинается с устранения различий в городском и деревенском труде. Должно происходить постепенное слияние промышленного и сельскохозяйственного производства. Одновременно устраняются различия в умственном и физическом труде. Происходит их чередование. По ходу коммунистического развития закон общественного разделения труда сменяется коммунистическим законом перемены общественного труда.

С преодолением общественного разделения труда и обмена, ликвидируются условия для развития отношения частной собственности, а вместе с ними уходят в небытие и классовые различия. «Но если разделение на классы, – пишет Энгельс, – имеет, таким образом, известное историческое оправдание, то оно имеет его лишь для известного периода и при известных исторических условиях. Оно обуславливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил. И действительно, упразднение общественных классов предполагает достижение такой степени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование того или другого определенного господствующего класса, но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а, следовательно, и самое деление на классы. Следовательно, упразднение классов предполагает такую высокую степень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, – а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, – не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития. Эта степень теперь достигнута. Политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые десять лет». (См. Анти - Дюринг. С. 286).

С точки зрения марксистской теории разделение труда, опосредствованное товарным производством и обменом, в ходе мировых революционных коммунистических преобразований преодолеваются путем:

а) дальнейшего развития производительных сил, информатизации производства и управления, формирования всесторонне развитой личности с широкой специализацией, слияния умственного и физического труда, ликвидации пожизненных оплачиваемых профессий;

б) слияния городского и сельского труда и как следствие ликвидации товарного производства и обмена;

в) ликвидации различий в условиях жизни в больших, средних и малых городах, развития не больших, а малых и средних городов, приближенных к источникам сырья;

г) слияния управленческого и управляемого труда, замены управления людьми управлением процессами и руководство вещами.

Марксистскую теорию преодоления разделения труда как основу коммунистического развития общества разделял и В.И. Ленин. Однако иначе понимал ее И.В. Сталин, что и стало причиной ее забвения и искажения в советское время. Но это отдельная тема.

ПОЛИТИКА

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СУБЪЕКТИВНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТАКТИКЕ И СТРАТЕГИИ БОЛЬШЕВИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ПОСЛЕДНИХ РАБОТ В.И. ЛЕНИНА)⁴

Ю. Симонов

Данная статья представляет собой попытку краткого анализа некоторых аспектов начальной истории СССР, а именно периода 1921 -1924 гг., который стал решающим в формировании дальнейшей политики советского руководства, а также в судьбах СССР.

Представляется, что многие, если не все основные противоречия, присутствующие более «зрелому» СССР и приведшие к его конечному распаду, были порождены именно в тот период. Они стали результатом сочетания как объективных социально-экономических условий, сложившихся к тому времени в стране, так и субъективного фактора, находившего свое выражение в практической деятельности партийного руководства РКП (б), пытавшегося разрешить эти противоречия.

Субъективный фактор и политическая практика того времени также неразрывно связаны с деятельностью В.И. Ленина, о последних годах жизни которого будет сказано особо.

Кризис НЭПа как выражение нарастающих объективных социальных противоречий в стране в условиях «кризиса цен» (провал политики НЭПа?); нарастание противоречий между городом как носителем индустриальной экономики, и деревней как основным поставщиком ресурсов для индустриализации

Уже в начале осуществления НЭПа, несмотря на первоначальные успехи, эта политика выявила новые экономические и социальные противоречия. Одним из таких противоречий стала необходимость получения из деревни продовольствия, сырья и денежных средств для восстановления промышленности, снабжения продовольствием городов, и осуществления индустриализации, и нежелание подавляющей массы крестьянства предоставлять такие средства в условиях навязываемых ему неравновесных цен на сельхозпродукцию.

Правящий режим в лице руководства РКП (б) пытался осуществлять то, что тогда называлось «смычкой между рабочим классом и крестьянством».

⁴ Статья опубликована в сборнике «IX Плехановские чтения. СССР, 1922-1991: исторический тупик или перспектива исторического развития? Материалы конференции 30 мая – 1 июня 2010».

На деле, однако, вся политика большевиков с самого начала приобрела характер нажима на крестьянство с целью заставить его предоставить столько продукции и сельскохозяйственного сырья, сколько это было необходимо городской промышленности с целью ее скорейшего восстановления и расширения.

Нажим осуществлялся в годы НЭПа прежде всего ценовой политикой, или «ножницами цен», то есть посредством перекачки средств и натуральной продукции из деревни в город через неэквивалентный обмен – цены на продукцию промышленности государственными органами завышались, а на сельхозпродукцию занижались.

В этих условиях уже в 1923 году страна столкнулась с первым кризисом поставок сельхоз продукции, прежде всего товарного зерна.

Кризисы повторялись с определенной периодичностью вплоть до 1929 года, несмотря на попытки руководства партии и государства исправить ситуацию посредством некоторого увеличения цен на закупаемое зерно.

Уже первый кризис оказался настолько глубоким и настолько сильно потряс общество и партию, что он не мог не отразиться на весьма шатком видимом единстве рядов РКП (б).

В ее руководстве усилились дискуссии и столкновения лидеров наиболее влиятельных фракций.

Еще одним феноменом советского общества периода Гражданской войны и начала НЭПа стало появление так называемого «третьего элемента» в «государстве рабочих и крестьян», то есть утверждение в качестве самостоятельной политической силы разраставшегося партийного и хозяйственного аппарата.

Это явление на партийных форумах называли тогда «бюрократизацией», чья опасность для судеб «социалистической» революции стала очевидной к 1920 -21 гг.

Все упомянутые факты крайне волновали В.И. Ленина, здоровье которого к тому времени было серьезно подорвано.

Он в период 1922-23 г. г написал ряд статей («О нашей революции. По поводу записок Н. Суханова», «Письмо к съезду», «О кооперации» и «Как нам реорганизовать РАБКРИН», «Лучше меньше, да лучше», «Странички из дневника» и ряд других), в которых сформулировал основные принципы строительства «социализма», а также партийного и государственного руководства в рамках такого строительства, и принципы борьбы с бюрократизмом.

Однако эти статьи, несмотря на авторитет Ленина, вызвали в партии неоднозначную реакцию.

Попытки Ленина повлиять на ситуацию внутри партии и страны – последние статьи и письма; ленинизм как проявление волюнтаризма в идеологии и практике; поражение Ленина?

За последние тридцать лет в СССР и РФ было опубликовано значительное число работ, посвященных последним годам жизни и деятельности В.И. Ленина.

Особенно заметными в этом отношении является ряд работ, опубликованных в годы «перестройки» и в начале 1990 х гг.

В данной статье делается попытка выделить такой аспект ленинской теории и практики, как волюнтаризм.

В чем проявился волюнтаризм Ленина и практики «ленинизма»?

Прежде всего в том, что Ленин, как впрочем, и другие лидеры РКПб – ВКПб, исходил из примата общественной надстройки над базисом.

Для подтверждения такого весьма «смелого» утверждения приведем здесь некоторые цитаты из ленинских работ, отражающих его понимание революции, а также соотношения базиса и надстройки.

Вот цитата из одной из ранних работ В.И. Ленина:

«Буржуазное развитие России к 1905 году было уже вполне зрело для того, чтобы требовать немедленной ломки устаревшей надстройки – устаревшего, средневекового землевладения...»⁵.

В этой работе В.И. Ленин, утверждая «капиталистическую зрелость» России начала XX века, еще придерживается, по крайней мере, внешне, марксовой диалектики соотношения базиса-надстройки.

Однако в дальнейшем взгляды Ленина претерпевают быструю трансформацию. В еще одной из ранних работ, «Новые задачи и новые силы», Ленин отмечает: «...Революция есть не что иное, как ломка старых надстроек и самостоятельное выступление различных классов, стремящихся по-своему создать новую надстройку»⁶. Вот еще одно его высказывание на данную тему: «Старая «надстройка» в революционную эпоху лопается, а новая создается у всех на глазах самодеятельностью различных социальных сил, показывающих на деле свою истинную природу...

Пока не сметена прочь старая, прогнившая надстройка, заражающая весь народ своим гниением, – до тех пор всякое новое поражение будет поднимать новые и новые армии борцов...»⁷.

⁵ Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову, 16 декабря 1909 г.— Полн. собр. соч., т. 47, с. 230

⁶ Ленин В. И. Новые задачи и новые силы.— Полн. собр. соч., т. 9, с. 304

⁷ Ленин В. И. Революция учит.— Полн. собр. соч., т. 11, с. 134

Можно сделать вывод о том, что уже в более ранний период своей теоретической и практической деятельности взгляды В.И. Ленина на диалектическое соотношение базиса и надстройки, в котором последней отдавался приоритет, вполне сложились. Это в дальнейшем не могло не оказать решающего воздействия на всю деятельность «вождя международного пролетариата» и на практику большевизма, в каких бы формах они не проявлялись.

Логическим завершением эволюции взглядов В.И. Ленина на революцию и соотношение надстройки и базиса стала его известная статья «О нашей революции. По поводу записок Н. Суханова», опубликованная в 1923 году. В этой статье автор, неохотно признав некоторую правоту меньшевиков и других социалистов в отношении факта незрелости России для социализма, открыто выражает свое убеждение в том, что «... если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

Что если полная безвыходность положения, удесятерив тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), *то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»* (выделение мое-С.Ю.)

«Для создания социализма, говорите вы, – пишет далее Ленин, – требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»

Далее Ленин заявляет следующее:

«Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демо-

кратах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»⁸.

На основе приведенных отрывков этой статьи В. И. Ленина можно утверждать, что он наиболее фундаментально пересматривает в ней положения классиков марксизма о диалектическом соотношении и взаимодействии двух составляющих дихотомии «базис-надстройка» при определяющей роли базиса, а также утверждает возможность революционных изменений в странах с преобладанием архаичных социальных структур путем взятия государственной власти в них «партией профессиональных революционеров» от имени рабочего класса и других эксплуатируемых слоев населения.

Полагаю, что последние работы Ленина были написаны на основе указанной выше установки о возможности создания нового общества революционной волей, через захват власти революционной партией от имени рабочего класса, а если такового численно недостаточно для осуществления захвата власти, то это возможно осуществить силами других социальных групп, предусмотрительно объявленных «революционными» и «авангардными».

Чем можно объяснить эволюцию подходов В.И. Ленина к данной проблематике? Представляется, что есть два фактора, которые могут понять движущие силы этой эволюции.

Первый – личность самого В.И. Ленина, его «революционное нетерпение», его субъективная тенденция к завышению буржуазного потенциала российского социума начала XX века и его готовности к социалистическим преобразованиям.

Второй – объективные условия Советской России после событий 1917 года, в период 1918-1921 гг., когда она осталась одна перед лицом иностранной интервенции, внутренней смуты и отсутствия мировой революции.

Второй фактор оказал сильнейшее, если не решающее воздействие на субъективные установки В.И. Ленина, искавшего выход из данных противоречий путем усиления «диктатуры пролетариата» и роли правящей партии как ее «передаточного звена», то есть усилением «революционной надстройки».

В целом, если рассматривать данную проблематику в более широком аспекте, эта ленинская установка логично вытекала из установки большевиков на сознательное вторжение в ход истории с целью не только разрешения субъективной волей объективных противоречий, порожденных «пролетарской революцией» в крестьянской, по сути, общинной стране с господством архаич-

⁸ Указ соч., 1923, В.И. Ленин. Последние письма и статьи. М., 1984

ным социальных структур, но также из тезиса на сознательную перестановку стадий объективного развития общества.

Последние работы В.И. Ленина, упомянутые выше, прежде всего его «Письмо к съезду», необходимо рассматривать именно в таком ключе, если мы хотим лучше понимать логику их автора и логику большевизма в целом.

«Письмо к съезду», написанное Лениным с целью оказания воздействия на внутрипартийные дискуссии и борьбу партийных лидеров, прежде всего Троцкого и Сталина, за власть в партии и государстве в условиях, когда другие социальные группы уже не могли повлиять на расстановку внутрипартийных сил, и в условиях реального господства бюрократического аппарата в обществе, является последней отчаянной его попыткой изменить ситуацию посредством изменений в надстройке, путем пополнения правящего аппарата новыми людьми «из народа», прежде всего из рабочего класса и крестьянства.

Основным положением указанных ленинских работ является стремление к сохранению политического господства правящей партии РКП(б) как «носительницы власти рабочего класса и трудового крестьянства» и «единственной силы, осуществлявшей пролетарскую политику».

При этом В.И. Ленин не имплицитно, но достаточно явно отмечает тот удивительный факт, что «пролетарскую политику» осуществлял не сам пролетариат, как субъект революции, а тонкий слой правящей «старой гвардии», партийных вождей, что делало единство партии с точки зрения В.И. Ленина особо важным элементом партийной политики⁹.

Этим В.И. Ленин вновь выделяет решающее значение субъективного и надстроечного факторов в строительстве «социалистического общества» в условиях недостаточного развития материальных предпосылок в базисе, что делает такую установку одним из краеугольных принципов учения и принципов организации партийного и общественного управления, получивших в дальнейшем название «ленинизма».

Вопрос, однако, заключается в другом: насколько большевикам в целом, и Ленину в частности, удалось добиться поставленных целей в плане переустройства российского общества на социалистических началах? Или, говоря иначе, насколько «революционно субъективное» смогло реально изменить «контрреволюционно объективное»?

Еще один вопрос: насколько Ленину удалось повлиять на ситуацию в партии и стране в том ключе, который он рассматривал как наиболее желательный с его собственной субъективной позиции и с точки зрения «строительства социализма» в крестьянской стране?

Дальнейшая история СССР и стран так называемого «реального социа-

⁹ Указ соч., 1923, В.И. Ленин. Последние письма и статьи. М., 1984

лизма» доказывает тот факт, что объективно развитие этих стран шло в направлении, противоположном заявленному Лениным и большевиками. К числу фактов, доказывающих это утверждение, относится усиление объективного фактора закона стоимости в экономике СССР и других «социалистических» странах, товарности их экономик («социалистический рынок»), их все большее вовлечение в международное, то есть капиталистическое разделение труда, процесс классового разрыва в обществах этих стран, приведший в конечном итоге к образованию нового правящего класса с подчиненной ролью всех остальных классов и социальных групп, усиливающееся отчуждение «непосредственных производителей» от средств производства и результатов труда, и некоторые другие факторы. Одним из самых поразительных свидетельств поражения практики большевизма является крах попытки найти решение национального вопроса во всех многонациональных странах, называвшихся их политическим руководством «социалистическими».

Что же касается «политического завещания» В.И. Ленина, то, с учетом всего сказанного, можно также отметить крах ленинской политики во всех ее аспектах, взяв в качестве доказательства два исторических факта: ни Советская Россия (СССР), и ни одна из стран «реального социализма» не стали «обществом цивилизованных кооператоров», несмотря на попытки некоторых правящих партий местных большевиков ввести волевым, то есть волюнтаристским путем, общественное устройство подобного типа (пример Югославии); ни СССР, никакая другая страна «реального социализма» не стали бесклассовыми обществами и даже не приблизились к ним, превратившись, наоборот, в общества с новым, резко очерченным классовым разделением.

Автор данной статьи отдает себе отчет, что все вышеприведенные выводы и заключения могут спровоцировать обвинения его в «ревизионизме» и попытке «замахнуться на святое», которых он, тем не менее, не опасается, и полагает тезисы, изложенные в данной статье, приглашением к дискуссии.

ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО: ДЕМОКРАТИЧЕСКИ ПЛАНИРУЕМОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Г. Касьянов

Планирование – стержневое понятие социальной науки, от которого не уйти никому, кто взялся за разработку сколько-нибудь реалистичного проекта лучшего будущего для человечества. В экономике планированием называется разумная деятельность по координации и управлению всеми сферами общественного производства: от изготовления отдельных продуктов, до воспитания и обучения очередного поколения трудящихся – т.е. производства производителей. На сегодняшний день во всех государствах мира работают различные модификации капиталистической экономики, объективно, создающие производственный базис для системы демократического планирования (далее – ДП), однако, на политико-идеологическом уровне, т.е. на уровне общественного сознания подвижки по направлению к этой более высокой социально-технологической формации остаются крайне слабо выраженными. Как и всегда в истории общественное сознание отстаёт от наличного уровня развития производительных сил и производственных отношений.

Теперь скажем кратко, каким двум другим типам общественного производства противостоит наша модель ДП. Не сложно догадаться, что такими уже известными человечеству типами производства, от анализа которых можно отталкиваться, создавая собственный проект лучшего будущего, являются: капитализм и «социализм» советского типа. Я намеренно ставлю здесь слово «социализм» в кавычки, поскольку сам вопрос о том, какие страны можно по праву отнести к таковым, и даже существовала ли хотя бы одна социалистическая страна в истории человечества – этот вопрос является остро-дискуссионным. В мировой социально-политической мысли есть такое направление как «госкап», представленное именами Т. Клиффа, А. Бордиги, А.А. Здорова и В. Дикхута. Согласно этой концепции настоящих социалистических стран нет, и никогда ещё не было в мире, а страны, ошибочно называвшиеся социалистическими, представляли собой социально-экономические системы государственно-капиталистического типа. И это отнюдь не единственная марксистская концепция, находящаяся в противоречии с позицией официальной советской политэкономии. Именно поэтому мы, не вдаваясь в тонкости межнаправленческих расхождений, будем использовать термин «страны раннего социализма» (СРС) по отношению ко всем тем государствам, которые в XX веке осуществляли попытки преодоления капитализма и построения более гармоничного, справедливого и

благополучного общества. (Понятно, что здесь имеются в виду, прежде всего, страны Восточного блока во главе с СССР, а так же Китай, Вьетнам, Куба и некоторые другие). Это сокращение (СРС) необходимо нам для того, чтобы противопоставлять нашу модель демократически планируемого производства (ДПП), как капитализму (К), в т.ч. и господствующему ныне в мире глобальному капитализму (ГК) – с одной стороны, так и тому, что принято называть социализмом – с другой.

Итак, ДПП – противопоставляются одновременно: РС, К и ГК. Планирование в свою очередь, противопоставляется рынку. Однако отношение между этой последней парой категорий значительно сложнее и никак не исчерпывается простой противоположностью.

Во-первых, очевидно, что в реальности производственные модели СРС и К не интегрируются в нечто более совершенное, путём простого синтеза своих достоинств и отбрасывания недостатков. В действительности мы являлись свидетелями острой борьбы между условно «социалистическим» и капиталистическим блоками. В результате этой борьбы, к концу XX века, объективно более жизнеспособной оказалась рыночная система, полностью охватившая планету. В народе это называется «глобализацией». Но временный триумф капиталистического способа производства, вызывавший столь восторженную реакцию в лагере «рыночников», и послуживший даже поводом для разговоров о «конце истории», стал, в то же время, первым шагом на пути к закату капиталистической эры в истории человечества. Текущий глобальный экономический кризис с нашей точки зрения, открывает длительную эпоху упадка и заката глобального капитализма, которая, конечно, продлится не одно десятилетие, а может быть даже и несколько сотен лет. Результатом этого процесса с разной степенью вероятности могут оказаться: 1 новое издание феодализма, отличающееся высочайшим уровнем развития технологий, которые, концентрируясь в руках господствующего класса (неофеодалов), сделают его практически абсолютно неуязвимым для низших, угнетённых сословий (некрепостных); 2 общепланетарное демократически планируемое производство, в систему которого будут объединены все производительные силы человечества. Таким образом, мы видим, что ДПП, если и сможет возникнуть, то произрастёт не из конвергенции РС и КАП, а, будет построен на развалинах изживающего себя глобального капитализма.

Во-вторых, вопреки расхожему мнению, планирование не является уникальной спецификой СРС. Рынок как экономическое явление сформировался очень давно, на заре цивилизационного этапа становления человечества. Но планирование возникает ещё раньше. Даже в доисторическую эпоху, в каменном и бронзовом веках, люди были вынуждены планировать свою деятельность

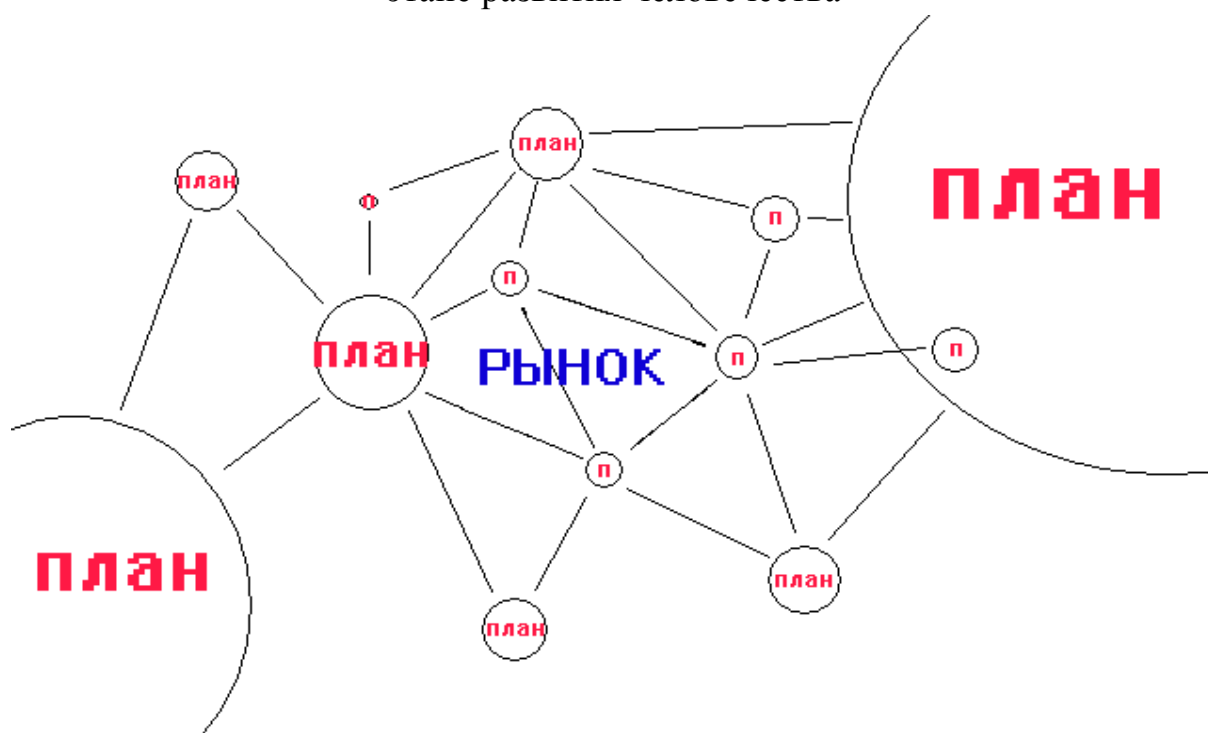
по добыче необходимых им продуктов. Им необходимо было заранее и коллективно решить, в каком месте, и в каком составе, собирать плоды и корни, где охотиться, где, как и из чего строить загоны для диких животных и т.д. Затем, как распределять между всеми членами общины все добытые материальные блага. Это сугубо планомерная деятельность. При этом, ни о каком рынке в эпоху первобытно-общинного строя даже речи быть не могло. Планирование древнее и фундаментальнее рынка. Планирование – это исходный принцип любой производственной деятельности, сопровождающий человечество на всём протяжении его существования. Известно, что наиболее характерная форма экономических отношений между племенами, находящимися на стадии первобытной общинности – это не торговля, а дарообмен, который, носил, в основном, политический, а не экономический смысл и осуществлялся в соответствии с ритуалом, т.е. планомерно. И лишь с течением времени, по мере того, как в первобытном обществе стали выделяться категории тех, «кто смог включиться в престижный дарообмен, и тех, кто был исключён из него», параллельно с развитием товарно-денежных отношений, складываются условия для возникновения рынка [5].

Но и в дальнейшем, в эпохи рабовладения и феодализма, значение планирования вовсе не сокращалось, а лишь осложнялось многогранной системой отношений между относительно независимыми друг от друга производителями: рабовладельческим, и феодальными хозяйствами, автономными аграрными общинами, высоко централизованными политарными сообществами [6]. Но даже при этом, в рамках каждого производственного сообщества продолжали господствовать плановые отношения. То есть на протяжении практически всей истории человечества рынок и план сосуществовали, дополняя друг друга, и лишь периодически, наблюдалось преобладание то одного, то другого в рамках того или иного сообщества. Это можно изобразить в виде схемы соотношения рынка и плана на докапиталистическом и раннекапиталистическом этапе развития человечества (см. схему 1).

Это соотношение жёсткого планирования внутри производственного сообщества (завода, фирмы, корпорации) и рынка между этими сообществами, становится особенно очевидно при капитализме. Каково же наиболее распространённое на сегодняшний день политическое истолкование данного положения дел? С одной стороны, либеральные идеологи склонны усматривать прямо пропорциональную зависимость между развитостью рыночных механизмов в экономической сфере и успехами демократических институтов – в политической. С другой стороны, все разновидности этатистских доктрин делают упор на необходимости планомерного экономического роста, регулирования рыночной стихии, благодаря которым будет достигаться устойчивый рост благососто-

яния, социально-политическая стабильность, перевозносимые сторонниками этих доктрин в качестве значительно более высокой ценности, нежели эфемерная и абстрактная «свобода». Хотя – утешают нас некоторые из этактистов – в условиях изобилия и социального мира создаются условия для постепенного ослабления авторитарно-бюрократических пут и вызревания вождельных демократических порядков.

Схема 1. Соотношение рынка и плана на докапиталистическом и раннекапиталистическом этапе развития человечества

Но исторический опыт показывает, что ни рынок, ни планирование сами по себе ещё не гарантируют демократии. Почему? Для ответа следует обратить внимание на два существенных момента. Первый момент – что именно планируется? Второй момент – кто именно планирует производство в рамках различных хозяйственных укладов?

Двинемся по порядку:

I. Момент первый: предмет планирования. В рамках почти всех укладов поздеантагонистических общественных формаций, особенно капитализма, предметом планирования выступает прибыль. Понятно, что это очень грубый инструмент, который всё сводит и выражает через количественные категории рублей, долларов, евро, юаней... Денежная система технически недемократична. Она не может ретранслировать производству всей суммы общественных потребностей, хотя бы потому, что у многих постоянно нет денег. Но и при на-

личии денег, человек далеко не всегда способен получить именно то, что ему действительно надо, а вынужден выбирать из всегда ограниченного ассортимента массового производства. Система непосредственного учёта и удовлетворения индивидуальных потребностей отсутствует даже при самом развитом капитализме. И такая система не может сложиться до тех пор, пока в обществе действует принцип планирования прибыли, пока планируется прибыль, а не удовлетворение потребностей.

II. Второй момент: субъект планирования. До тех пор, пока хозяйствующий субъект невелик, численность тружеников его не превышает такого количества, при котором все могут знать друг друга лично, имеется объективная, чисто техническая возможность организовать производство в рамках такого субъекта на подлинно демократических началах. Все живут бок о бок, нет условий, для того, чтобы кто-либо один или какая-нибудь группа, доминировали над всем остальным коллективом. Большинство неизменно подавляет такую группу или такого амбициозного индивида. Поэтому маленькие относительно независимые хозяйства, например: фермы, небольшие семейные предприятия, сельские общины и т.п. способны на протяжении сотен лет поддерживать демократический режим самоуправления, не порождая при этом острых антагонизмов и сохраняя высокий уровень независимости для каждого индивида, работающего в таком предприятии.

Историческими примерами могут служить: Древняя Спарта, Великая Греция эпохи Перикла (примеры рабовладельческих демократий), многочисленные аграрные и ремесленные общины средневековой Европы («вольные города»), где основной производственной единицей было крестьянское или ремесленное хозяйство, авторитарно управляемое главой рода - старейшиной либо старшим мастером. Совет таких старост обеспечивал максимально-возможный для того времени уровень демократизма в рамках мелких хозяйственных структур средневековой Европы. Но, при этом необходимо помнить, что оба трудовых сословия (крестьянство и ремесленничество) на протяжении всего средневековья находились в более или менее жёсткой зависимости от феодалов и, образно выражаясь, были погружены в такую среду, в которой не было и намёка на демократию. Можно сказать, что стихийная демократия общины испытывала давление с двух сторон: Изнутри – со стороны родового авторитаризма, и извне – со стороны антагонистического, классового общества (см. схему 2).

Ярким примером того, как средневековое общество оказалось в состоянии, пусть временно, разжать эти тиски, стала Новгородская вечевая демократия 12-15 веков.

Схема 2. Общинная демократия в тисках родового авторитаризма и классового общества при феодализме

Итак, констатируем, что до тех пор, пока производственные коллективы сравнительно не велики, технологический процесс производства – сравнительно прост и не требует выделения специализированной группы управленцев, освобождённых от производительного труда, до тех пор в таких коллективах возможно сохранение относительно свободных демократических отношений.

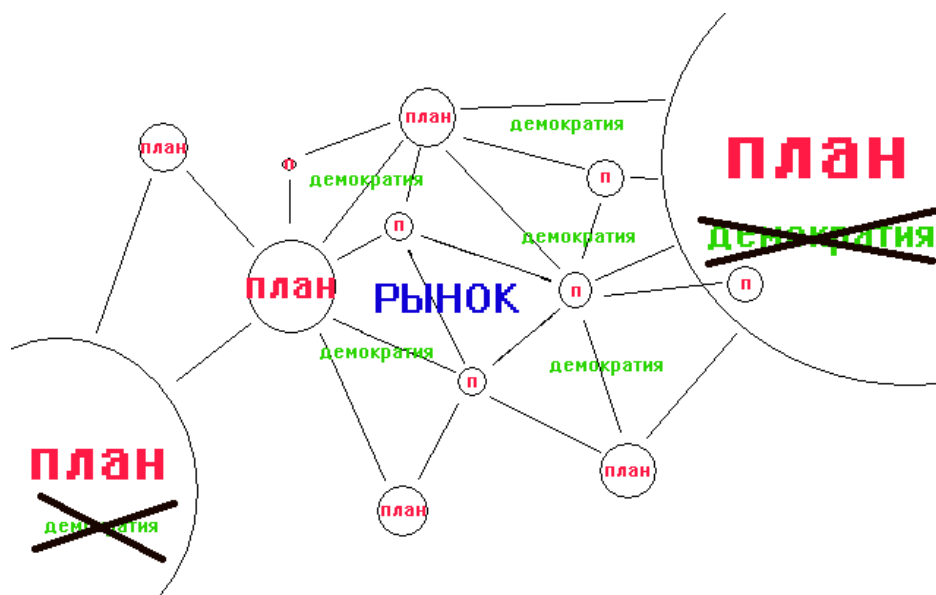
Но ничто не стоит на месте. Те производственные мощности, которые научно-технический прогресс даёт людям, требуют всё большей концентрации производственных (в т.ч. трудовых) ресурсов. А это, в свою очередь, требует выделения специализированной группы людей (господствующего меньшинства), которую общество вынуждено освобождать от непосредственного физического или любого другого производительного труда для того, чтобы эти люди могли всецело посвятить себя организации общественного производства. Так и возникает бюрократия – особая каста управленцев-начальников. А народ, точнее – основная масса непосредственных производителей – утрачивают свой статус субъекта планирования и становятся его объектом. Субъектом планирования становится меньшинство – тот или иной господствующий класс (рабовладельцы, дворяне, капиталисты или чиновники при политарном устройстве общества). Качество работы этих чиновников может быть как хорошим, так и плохим, они могут быть приличными людьми или мерзавцами, но всё это не имеет решительно никакого значения в свете того факта, что на определённом этапе развития производительных сил они абсолютно необходимы. Почему же на определённом этапе необходимы бюрократы? Они действительно необходимы нам лишь на том отрезке истории, когда производительные силы уже на-

столько развиты, что традиционные формы общинного или родового самоуправления уже не могут обеспечивать их скоординированной работы, а производительность труда ещё не достаточно велика, для того, чтобы освободить непосредственного производителя от выполнения его производственных обязанностей на такое количество часов в день, которое позволило бы ему принимать участие в принятии управленческих решений в масштабе всего общества. Так появляется бюрократ, чиновник, государственный служащий, а вместе с ним и само государство. И по мере перехода от одной общественной формации к другой, степень влияния государства, а так же различных внутрикорпоративных управленческих структур постоянно варьирует, то, усиливаясь, то ослабляясь. Эта переменчивость обусловлена множеством факторов и довольно трудно предсказуема. Если при феодализме у нас ещё оставались анклавные общины относительной свободы и самоуправления в форме общинной демократии на селе, то при капитализме они оказываются полностью ликвидированы, а человек, рядовой труженик, оказывается ещё более закреплён экономически, нежели это имело место в феодальном обществе, где он не был полностью отчуждён от средств производства, постоянно пребывал в единстве с предоставленной ему в пользование землёй, обладал собственными орудиями труда, возможностью эксплуатировать ресурсы пастбищ, леса и водоёмов [4]. Благодаря этой собственности, благодаря возможности пользоваться землёй, а так же в связи с преобладанием в общественном производстве малочисленных самоуправляющихся коллективов, даже при феодализме на селе сохранялась возможность для функционирования стихийной общинной демократии. Однако там, где производство уже достаточно укрупнено, а планирование находится в руках господствующего класса демократия, в лучшем случае, сводится к пустой фразе (см. схему 3).

Эта закономерность дала повод идеологам либертарианского толка, вроде Людвиг фон Мизеса, Мюррея Ротбарда или Айн Рэнд, утверждать, что планирование – это зло, что усиление его роли в экономике неизбежно приводит к концентрации власти в руках безответственного меньшинства, а значит к диктатуре, тоталитаризму, полному свёртыванию демократических институтов. Но сейчас мы с вами увидим, что это поверхностная идеологическая спекуляция.

Как мы уже констатировали выше, рынок не является альтернативой плану, а должен рассматриваться как одно из исторических (временных) условий его функционирования. План это не то, что может быть или не быть – это первичная предпосылка всякой производственной деятельности, фундамент любого типа экономики. Следовательно, ни при социализме, ни при капитализме, мы не вольны избавиться от планирования, но мы можем сменить его субъект и предмет.

Схема 3. Соотношение производственного базиса (план и рынок) и политической надстройки (демократия и деспотия)

Вопреки тому, что говорят либералы, отнюдь не плановая экономика сама по себе является экономическим базисом тоталитаризма и врагом демократии. Либерал не удивлён проявлениями государственно-капиталистического тоталитаризма в Китае, где наряду с элементами государственного планирования имеется обширный рыночный сектор. Вся беда в том, уверен либерал, что данный сектор, слишком слабо развит, для того, чтобы обеспечить этой стране систему разветвлённых демократических институтов. Но вот другой пример – Чили времён правления генерала А. Пиночета (1973-88 годы). В подвластной ему стране генерал пытался реализовать концепцию максимально свободного, дерегулированного рынка и немало преуспел в этом, пользуясь консультациями экономистов небезызвестной чикагской школы. Но добиться реализации чикагской утопии Пиночету удалось лишь путём установления одной из самых жесточайших форм тоталитаризма, из всех, какие знала история. «Свободный рынок» пришлось вводить, руководствуясь жёстким политическим планом!

Но стоит ли забираться в латинскую Америку в поисках соответствующих примеров? Вовсе нет, ведь тоталитарна любая транснациональная корпорация, любая сколько-нибудь крупная фирма или холдинг, в рамках которых изначально господствовало всепроникающее планирование. Вспомните трогательный французский фильм «Страх и трепет» Алена Корно. Зло не в планировании, а в том, что оно осуществляется узкой группой представителей привилегированного сословия или класса. Как только планировать свою производственную деятельность будут сами производители, трудящиеся, так всякая материально-организационная база для тоталитаризма будет уничтожена. Одновременно будет

уничтожена экономическая необходимость в государстве и бюрократии. Но возможность для такого рода перемен открывается лишь при условии достаточно высокой производительности труда. Точнее, если надлежащий рост производительности труда будет сопровождаться социальной революцией.

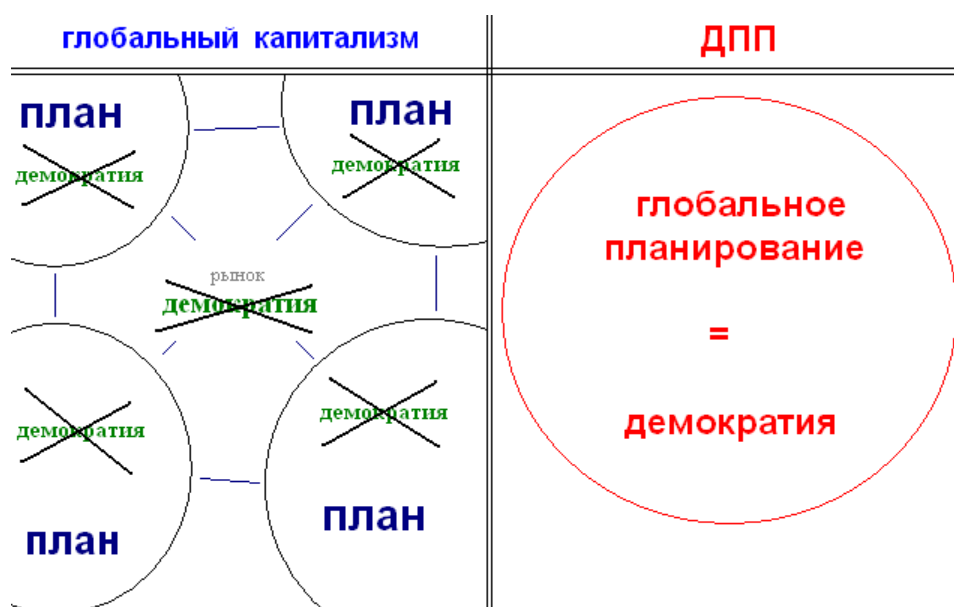
Зависимость между ростом производительности труда и увеличением объёма обеспеченного свободного времени – это общеисторическая тенденция. Рост производительных сил, совершенствование средств производства, находит выражение в увеличении производительности труда, которое, в свою очередь является необходимым, (но не достаточным) условием для всё большего раскрепощения трудящегося, для избавления его от ига труда. По расчёту учёных конца 19 века в Австрии каждому надо было отработать менее 300 часов в год для удовлетворения своих потребностей [1, с. 449-450]. В СССР к 1953 году время необходимого труда равнялось уже 200 часов в год, учитывая и труд обороны страны, к 1979 году – 123 часа [2, с. 2]. Это означает, что даже те, не самые мощные в истории человечества производительные силы, которые советское общество смогло развить, приближаясь к закату своего существования, позволяли сократить рабочий день до получаса (!) (из расчёта 229 рабочих дней в году), что могло бы предоставить возможность каждому трудящемуся участвовать в управленческой деятельности, в планировании, заниматься сколь угодно широким самообразованием, творчеством. Это полностью согласуется с тем, о чём говорили классики научного коммунизма, утверждая, что «...громадный рост производительных сил, достигнутый благодаря крупной промышленности, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путём сократить рабочее время каждого, так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических» [3, с. 187]. Демократические институты подлинного самоуправления будут развиваться параллельно плановым механизмам общественного производства, не противореча друг другу (см. схему 4).

Суть демократически планируемого производства может быть сведена к следующим пяти принципам:

1. Общественная собственность на средства производства

Для построения подлинно демократического, социально ориентированного производства, люди должны стремиться к формированию и укреплению институтов общественной собственности. Установление этого типа собственности станет возможным только после экспроприации средств производства у их нынешних владельцев – буржуазии, т.е. посредством коммунистической революции, в ходе которой буржуазия, как класс – устраняется.

Схема 4. Глобальный капитализм и ДПП

2. Свободно ассоциированный труд

Переход к демократически планируемым отношениям предполагает полную ликвидацию рынка труда, избавление труда от всех свойств товара, упразднение самой формы наёмного труда и водворение принципов свободной ассоциации, как доминирующего способа соединения рабочей силы со средствами производства.

3. Плановый принцип организации общественного производства в рамках всей нации, а позже и всего человечества

Если средства производства принадлежат всем участвующим в производстве, значит, однопрофильным предприятиям нет нужды конкурировать между собой, их продукт просто суммируется, снижая цену. Но если нет конкуренции, значит, нет и рыночных отношений, нет того естественного для капитализма источника информации, который даёт знать владельцам предприятий какой именно товар, и в каком объёме производить. Следовательно, для подлинного социализма (= демократически планируемого производства) должен быть создан какой-то другой механизм, который бы заменил в этом отношении рынок. Такой механизм был создан и при всех ошибках своей конструкции довольно успешно работал в СССР. Этот механизм называется производственным планированием. Собственно, любая капиталистическая корпорация работает строго по плану, выработанному топ-менеджерами. Цеха и заводы, принадлежащие одной фирме не конкурируют друг с другом. Рыночная конкуренция никак не отражается и не ощущается простым работягой. Она находится где-то далеко на периферии той планомерно работающей системы, частью которой он является. Поэтому, субъективно-психологических проблем для работников, при переходе к плановой экономике не возникнет. Имеются объективные, полити-

ко-экономические проблемы: как распространить планомерную организацию производства на целую страну, на весь мир и не допустить того, чтобы управление этим производством было узурпировано узкой прослойкой некой новой элиты? Для решения этой задачи уже не достаточно одних только экономических решений, необходимо политическое творчество, необходим принципиально новый тип демократического общественного устройства, такой тип демократии, при котором к делу производственного планирования могли бы прибегнуть самые широкие и многочисленные группы трудящихся. Лев Троцкий называл такой политический режим «рабочей демократией». Однако здесь не место разбирать суть этой политической формы.

Коль скоро введено плановое производство и ликвидирован рынок, у людей отпадает необходимость что-либо покупать и продавать друг другу, как-либо обмениваться товарами. А коль скоро товар – это продукт, произведённый для обмена на рынке, то с ликвидацией рынка, ликвидируется и товар – этот фундаментальный элемент всего капиталистического общества. В условиях ДПП исчезают товарное производство и товарно-денежные отношения. Их место занимает производство простого продукта, чистой потребительной стоимости, предназначенной либо для обеспечения дальнейшего производства (производство средств производства) либо, для непосредственного потребления (производство потребительских продуктов). Соответственно рыночный товарообмен формально независимых производителей заменяется прямым продуктообменом предприятий, встроенных в единую планомерно работающую производственную цепочку.

Разумеется, применение современных информационных технологий и средств связи сделают планирование значительно более точным и чутким к индивидуальным требованиям граждан. Информацию о том, что конкретно и в каких объёмах изготавливать, производственные объединения будут получать из автоматизированной системы управления, которая сама в свою очередь собирает заказы на любые виды продукции напрямую от населения (от тех же самых производителей), через сеть, подобную Интернету. Это, так называемый восходящий вектор планирования, практически отсутствовал в СССР, что обуславливало низкое качество потребительских продуктов и дефицит многих из них. Таким образом, будут преодолеваются издержки излишней централизованности и бюрократической неповоротливости, плановой экономики.

Целью всей производственной системы общества будущего является не только максимально полное удовлетворение уже имеющихся потребностей его жителей, но и 1 рост потребительных сил, 2 экономия труда (=высвобождение всё больших объёмов материально обеспеченного свободного времени), 3 равномерное его распределение между всеми категориями трудящихся.

4. Планирование в натуральных показателях

В условиях подлинной демократии критериями эффективности производства станут натуральные показатели: **а). Экономия труда** (объём того свободного общественного времени, которое удастся получить сверх достигнутого за счёт внедрения новых, более эффективных орудий труда и методов их применения) и **б). Потребительно-стоимостные характеристики продукта** (т.е. учёт всех материальных характеристик продукта, потребность в котором испытывает индивид); современный уровень развития информационных технологий вполне способен справиться с обработкой такого большого количества информации.

Так вот именно эти сложные, богатые качественным содержанием критерии придут на смену грубым и неуклюжим стоимостным показателям, капиталистического хозяйства, при котором производство вынуждено довольствоваться информативно-скудными количественными данными прибыли, пополняя острый дефицит информации за счёт дорогостоящих маркетинговых исследований.

5. Соревновательность, коллективистский энтузиазм и удовлетворение результатами своей работы, как универсальные стимулы к эффективной трудовой деятельности

Если в таком подлинно демократическом обществе будущего, интересы частного собственника и стремление к извлечению прибыли будут полностью подавлены и перестанут выполнять функцию основного побудительного мотива в деле организации общественного производства, то, что же тогда займёт их место? Какой стимул сможет побудить людей к участию в трудовой деятельности? Примеры демократически организованного производства, имевшие место в первые годы Советской власти в России, в революционной Испании 1936-37 годов, в республике Чили времён правления Сальвадора Альенде, (которые, хотя и не были, по причине ряда внешних факторов, всецело успешными) свидетельствуют, тем не менее, что вовсе не прибыль и не повышение заработной платы является подлинным и наиболее действенным фактором, мотивирующим человека к труду и способствующим повышению производительности. Скорее, такого рода факторы могут расцениваться как временные суррогаты подлинных стимулов и мотивов трудовой деятельности, которыми на деле являются: удовольствие от самого процесса творческого и технологически оснащённого труда, удовлетворение результатами этого труда, позитивное, товарищеское общение с другими участниками производственного процесса, радость новаторства и успешное преодоление трудностей.

Вывод. Экономическим каркасом культуры будущего должна стать такая организация производства при которой задачи управления на всех уровнях (от цеха / лаборатории / школьного класса до всей планеты) будут осуществляться самими тружениками, без привлечения т.н. «профессиональных» управленцев, чиновников, менеджеров, рекламщиков и представителей других аналогичных социально-профессиональных типов, существование которых, в условиях достигнутой экономикой производительности труда, станет нерациональным.

Список литературы:

1. Бабель А. Женщина и социализм. М.: Политиздат, 1959.
2. Газета «Борьба» – революционное рабочее движение, № 17, 1996.
3. Маркс К., Энгельс Ф. – ПСС, Т. 20.
4. Поршнева Б.Ф. Феодализм и народные массы. Изд-во «Наука», – М.: 1964.
5. Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Выпуск II. История первобытного общества. Учебное пособие/ МФТИ. М.: 1998.
6. Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. – М.: «Волшебный ключ», 2008.

СОЦИАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Т. Хабарова

НА ПЕРВЫЙ, поверхностный взгляд – это практически одно и то же, чем и объясняется идейно-теоретическая «напряжённость», возникшая вокруг данной проблемы в последнее время. И здесь, и там собственность на основные средства производства – в руках государства.

В чём же разница? Самый общий ответ гласит: разница заключается, – прежде всего, – в том, какова классовая природа государства, которое держит в своих руках средства производства.

Но это ответ пока ещё весьма абстрактный. Надо более конкретно разобраться, как именно государство (в роли собственника средств производства) проявляет или реализует свою классовую сущность в сфере экономических отношений.

Средства производства сами по себе ни для кого особого интереса не представляют. Однако, кто ими владеет, тому принадлежит львиная доля создаваемого в общественном производстве дохода. Вот это важнее всего, и этот момент нужно постоянно учитывать: что любая форма собственности работает всегда только «в паре» с соответствующим механизмом аккумуляции и распределения дохода.

Но отношения, которые «заведуют» в экономике формированием и распределением дохода, это и есть рыночные (или товарно-денежные, стоимостные) отношения, группирующиеся вокруг закона стоимости. Ведь никакого дохода от производственной деятельности нельзя получить, пока изготовленный товар не продан на рынке.

Как же выполняют товарно-денежные отношения эту свою экономическую и в то же время классовую функцию: направлять образующийся доход строго в руки собственнику средств производства? Если присмотреться внимательней, то нетрудно заметить: доход всегда «упакован» в экономическом процессе так, что реально извлечь его и воспользоваться им может только тот, кому принадлежит решающий для данных конкретно-исторических условий производственный фактор (комплекс средств производства).

Так, при феодальном строе практически весь вырабатываемый в обществе доход поступает, в конечном итоге, собственникам земли. При этом доход при-

нимает специфическую конкретно-историческую форму феодальной ренты. В буржуазном обществе доход поступает владельцам обращённых в частную собственность материально-технических средств и принимает форму прибыли на капитал. Типично капиталистический закон «средней нормы прибыли» не действует в рамках феодального строя, точно так же, как при капитализме доход не может извлекаться в форме феодальной ренты, т.е. барщины и оброка.

Механизм формирования и распределения дохода (механизм «рынка», или, как мы её нередко называем, «модификация закона стоимости») играет в экономике не меньшую роль, чем сам по себе тип собственности на средства производства. При определённом типе «рынка» не имеет существенного значения, является ли собственник средств производства индивидуальным или коллективным, ассоциированным.

Так, средневековые монастыри в ряде стран представляли собой своего рода коллективных феодалов. Своеобразным «ассоциированным феодалом» зачастую выступало крепостническое государство, располагавшее, – как, например, в России, – особыми «государственными» крестьянами и землёй. Надеемся, всякому понятно, – оттого, что эти крестьяне принадлежали государству, а не феодалу-«одиночке», и здесь имел место известный вид государственной собственности, от всего этого никакого «социализма» ещё не возникало. Совершенно неправильно связывать государственную собственность на средства производства преимущественно (или даже исключительно) с социализмом. Нельзя во всякой государственной собственности видеть зачатки социализма – или, напротив, отрицать и смазывать специфику социализма на том основании, что, мол, государственная собственность присуща и другим формациям.

Ситуацию, аналогичную разобранный, мы можем проследить и для капиталистического уклада. Если сохраняется механизм формирования и распределения дохода «пропорционально вложенному капиталу», по принципу «прибыли на капитал», то, опять-таки, безразлично, – имеем ли мы «на другом конце» этой связки индивидуального или коллективного капиталиста. И тут точно так же капиталист может быть ассоциированным, т.е. в качестве собственника средств производства может выступать буржуазное государство. Но, – подчёркиваем, – и тут не возникает никакого «социализма», как не являлась «социалистической» государственная собственность на землю и крестьян в петровской или екатерининской России.

Итак, что же такое государственный капитализм?

Государственный капитализм – это собственность государства на средства производства при условии, что в экономике действуют законы капиталистического прибыле- и ценообразования, т.е. доход формируется и извлекается по схеме «прибыли на капитал», пропорционально величине вложенного

капитала. Или, ещё можно сказать так: при условии, что в данном обществе закон стоимости действует в его капиталистической модификации.

Вы сами теперь без особых затруднений можете сформулировать определение, например, «государственного феодализма»: это собственность государства на основные предпосылки производства при условии, что доход в обществе консолидируется и извлекается по принципу феодальной ренты.

А как в этом плане обстоит дело с социализмом?

Социализм – это собственность государства на основные средства производства при условии, что закон стоимости действует в его специфической социалистической модификации, т.е. доход аккумулируется и извлекается пропорционально не капиталу, а живому труду, право на труд является одной из главных конституционных гарантий гражданина, полностью ликвидирована безработица.

Можно записать ещё короче: государственный капитализм – это собственность государства на средства производства, когда формирование и распределение дохода в обществе идёт по капиталу, а социализм – это государственная собственность на средства производства, когда формирование и распределение дохода идёт по труду.

В ПРЕДЫДУЩИХ наших материалах мы неоднократно рассматривали вопрос о социалистической модификации закона стоимости, т.е. о механизме доходообразования пропорционально живому труду. Было установлено, что наиболее отчётливым конкретно-историческим приближением к социалистической модификации стоимости выступила «двухмасштабная система цен», сложившаяся и функционировавшая в народном хозяйстве СССР в период с конца 30-х до второй половины 50-х годов. В настоящей работе мы эту проблему вновь подробно разбирать не будем, задержимся только на некоторых основополагающих моментах.

Каким образом в двухмасштабной системе цен достигалась «перекачка» решающей части общественного дохода в карман именно трудящемуся человеку, рядовому представителю трудящейся массы?

Это достигалось, прежде всего, через механизм регулярного и существенного снижения розничных цен на основные продукты питания и промышленные товары народного потребления. Это достигалось также через приоритетное, а не «остаточное» направление госбюджетных средств на финансирование социальных нужд, в первую очередь народного образования и здравоохранения.

В свою очередь, систематическое понижение розничных цен делалось возможным потому, что по всей общественно-технологической цепочке **проводилась твёрдая установка на снижение себестоимости продукции**. Не допуска-

лось извлечение прибыли в сколь-либо существенных размерах через цены общественно-промежуточного продукта (т.е., практически всей продукции производственно-технического назначения). Норма рентабельности в оптовых ценах предприятий была, по общему правилу, низкая (порядка нескольких процентов к себестоимости) и примерно одинаковая по всему народному хозяйству, по всей номенклатуре изделий. Низкая и достаточно жёстко фиксированная норма рентабельности в цене, общий «себестоимостный» характер цен на техническую продукцию гасили у производителя интерес к манипуляциям с ценами, поскольку таким путём нельзя было заметно «улучшить» отчётные показатели.

Основной объём общественного дохода формировался на потребительском рынке, в ценах на потребительские товары, принимая здесь вид централизованного чистого дохода государства («налога с оборота»). Поскольку товары широкого потребления представляют собой не что иное, как средства воспроизводства рабочей силы, призванные компенсировать её затраты и обеспечить её развитие, то и получалось, что общественный доход формируется, – фактически, – «по труду», пропорционально существующей в обществе на сей день «раскладке» затрат живого труда.

Мощный слой налога с оборота в потребительских ценах позволял государству уверенно и целенаправленно маневрировать, проводить свою классовую социальную политику: удешевлять для потребителя в первую очередь те товары, которые определяют жизненный уровень масс. Снижение цен проводилось за счёт части централизованного чистого дохода государства, которая именно в такой специфической форме передавалась населению.

Суммируя, можно сказать, что в эпоху действия двухмасштабной ценовой системы государственная собственность у нас сочеталась с социалистической «трудовой» модификацией стоимости, т.е. в стране имел место социализм в его основополагающих базисных очертаниях, пусть и в «неотшлифованном» ещё виде. (Совершенно неправ, кстати, в данном отношении С. Губанов, характеризуя в своих «Предложениях к проекту Платформы КПСС» существовавший у нас в ту пору строй как «государственный капитализм».)

Картина коренным образом изменилась (в худшую сторону) в итоге «хозяйственной реформы» 1965-1967 гг. Но дело тут не в том, что реформа, якобы, санкционировала «политику увеличения прибыли». Прибыль – это есть, в сущности, доход, а без дохода, без превышения результатов хозяйствования над затратами никакое производство, ни капиталистическое, ни социалистическое функционировать не может. Доход – в форме централизованного чистого дохода государства плюс отчисления от прибылей предприятий – извлекался, естественно, и «при Сталине», при двухмасштабной системе цен, причём общество также было заинтересовано в его увеличении, а отнюдь не в уменьшении.

Суть проблемы в другом. При «сталинском социализме» общественный доход аккумулировался, – как мы только что лишней раз удостоверились, – в явственной пропорции к общественным затратам живого труда. Это-то и делало нашу тогдашнюю государственную собственность на средства производства подлинно социалистической. В процессе же «экономической реформы» 1965г. ввели не «политику увеличения прибыли», а изменили принцип доходообразования (прибылеобразования). Двухмасштабная система цен была сломана, исчезло характерное для неё размежевание на цены потребительского рынка и цены «производительские». Доход повсюду стали формировать по типу капиталистической «прибыли на капитал», – пропорционально стоимости производственных основных фондов и материальных оборотных средств, т.е., – по существу, – пропорционально стоимости не трудовых, а материальных затрат.

Социалистическая государственная собственность на средства производства оказалась, в результате, соединена с некоей уродливой «псевдокапиталистической» модификацией товарно-денежных отношений. Возникшее «гибридное» устройство резко отклонилось от социализма в сторону государственного капитализма. Социалистическому строительству как таковому был положен конец (предпосылки к этому закладывались ещё в 50-е годы), началось постепенное перерождение, а впоследствии и открытый демонтаж созданных социалистических структур в экономике и политике на буржуазный лад. Именно пагубный, всецело регрессивный процесс перерождения социалистической общественной собственности в некое поистине ублюдочное подобие собственности государственно-капиталистической и привёл нас сначала к застою, затем к глубочайшему и опаснейшему за всю историю нашей страны контрреволюционному кризису (развернувшемуся под флагом «перестройки»).

ТАКИМ ОБРАЗОМ, «государственный капитализм» в СССР существовал, – во-первых, – в определённой мере в период нэпа, причём это был не просто «частник под контролем государства», но и практически вся тогдашняя промышленность являлась «государственно-капиталистической». Ведь в то время социалистическая модификация закона стоимости ещё не сложилась. Тресты, – как основная форма управления производством при нэпе, – имели широкие права в области реализации готовой продукции, снабжения, а вместе со всем этим и ценообразования. В этих условиях, – естественно, – механизм товарно-денежных отношений стихийно действовал на прежний, капиталистический лад, шло формирование и распределение прибыли по величине авансированного капитала. Оплата труда тяготела к рыночной стоимости рабочей силы как товара, и весь этот «комплект» логично дополнялся безработицей, чему сегодня кое-кто склонен «не придавать особого значения».

Затем, в период «сталинских пятилеток», социалистическая модификация отношения стоимости (т.е., общая конструкция «социалистического рынка») была, – как мы уже множество раз повторяли, – теоретически и практически найдена. Поэтому наш общественно-экономический уклад в ту эпоху никаким «государственным капитализмом» не являлся, на рубеже 40-х - 50-х годов его вполне можно было характеризовать как «построенный в основном социализм». С середины 50-х годов началось упорное расшатывание и коверкание этого социалистического уклада, а в ходе реформы 1965-1967гг. свершилось «второе пришествие» государственного капитализма. Это произошло в результате, как уже было объяснено, замены социалистической модификации стоимости на «псевдокапиталистическую» (или скрыто капиталистическую), принципа формирования дохода «пропорционально общественным затратам живого труда» на принцип доходообразования «пропорционально стоимости производственных фондов», т.е. практически по аналогии с «прибылью на капитал». С тех пор на протяжении четверти века нашу экономику изнутри «гложет» тяжелейший структурный, базисный дисбаланс: социалистический способ производства, вместо того чтобы нормально развиваться в направлении к коммунизму, вынужден мучительно противоборствовать с насильственно «вколотым» в экономическую целостность скрыто-капиталистическим способом распределения.

Вот отсюда и потянулись все наши беды,- но вовсе не от выдуманной «командно-административной системы», которой у нас при социализме не было, а была естественная для социалистического строя система централизованного планового территориально-отраслевого руководства народным хозяйством. Кстати, – как в наших материалах тоже неоднократно отмечалось, – все до единого негативные явления, которые душат советскую экономику сегодня, имеют точную датировку своего возникновения, и эти даты, также все до единой, приходятся не на «сталинские» времена, а на вторую половину 50-х годов и позже.

Так, со второй половины 50-х годов началось общее долговременное «выполживание» кривых нашего экономического роста – процесс, который мы по сей день остановить не можем.

В.Трапезников. Управление и научно-технический прогресс. «Правда» от 7 мая 1982г., стр.2 /курсив мой. – Т.Х./:

«... переход в 1957 году от отраслевой системы управления к территориальной (совнархозы) повлек за собой разрыв многих хозяйственных связей, размельчение производственных комплексов. В результате уже в 1958 году резко ухудшились показатели национального дохода, фондоотдачи и темпов научно-технического прогресса. Возвращение в 1965 году к отраслевой системе привело в 1966 году к перелому в лучшую сторону. Однако достичь темпов, наблю-

давшихся до 1958 года, не удалось из-за трудностей восстановления нарушенных экономических связей ...».

«... после 1958 года темпы начали снижаться и к 1980 году уменьшились в три раза».

«Стало обычным невыполнение планов создания новой техники. ... при росте фондовооружённости произошло снижение фондоотдачи. С 1958 по 1980 год она упала с 0,48 до 0,31. Отдача новых фондов в 1958 году была 0,52, в 1980 году стала 0,16. Следовательно, если в 1958 году приращение производственных фондов на один рубль давало 52 копейки прироста национального дохода, то в 1980-м – лишь 16 копеек».

В.Куликов. Взаимосвязь производительных сил и производственных отношений социализма. «Вопросы экономики», 1986, №9, стр. 130:

«Темпы роста экономики не просто снизились, но и достигли в начале 80-х годов критически неблагоприятного уровня. К указанному времени повышение реальных доходов населения фактически приостановилось, а позиции СССР в экономическом соревновании с США, в течение ряда лет не улучшавшиеся, по некоторым параметрам даже ухудшились.»

Д.А. Смолдырев. Роль стоимостных форм в развитии социалистической экономики. М., «Мысль», 1980, стр.247:

«До 1940г. в нашей экономике рост национального дохода опережал рост основных производственных фондов. В течение 40-х – 50-х годов, до 1956-1958гг., фондоотдача росла устойчиво, а в 1959-1965гг. фондоотдача стала падать».

П.Н. Федосеев. Теоретические проблемы социально-экономического развития советского общества на современном этапе. «Вопросы философии», 1980, №2, стр.6:

«Снижение темпов прироста национального дохода происходит одновременно с неуклонным и притом значительным возрастанием объёма используемых в народном хозяйстве основных производственных фондов и материальных оборотных средств. Так, если соотношение прироста национального дохода и прироста основных производственных фондов в период восьмой пятилетки было примерно 1:2, то в девятой – 1:3,4, а в первые годы десятой – уже 1:4,2. Это показывает, как снижается фондоотдача».

В свою очередь, хроническое снижение фондоотдачи – это синоним затратного характера экономической деятельности. Окончательное закрепление в нашем народном хозяйстве затратного «механизма» произошло, опять-таки, как результат реформы 1965 года, когда схемы прибылеобразования оказались переориентированы «с живого труда на капитал», с величины общественных затрат рабочей силы на величину вовлечённых в производство материальных

средств. В условиях отсутствия конкуренции капиталовложений это не могло не привести к тому, что наиболее «прибыльными» стали те виды работ и изделий, которые позволяли израсходовать побольше овеществлённого труда. (Здесь можно наглядно наблюдать, как бесспорное и крупнейшее преимущество социалистической экономики – планомерность инвестиционного процесса, – будучи «смонтировано» с чуждой, не органичной социализму модификацией стоимости, из достоинства превратилось в «недостаток». Между прочим, таково же происхождение и всех остальных «недостатков» социалистической организации хозяйства, вокруг которых подняли нынче шум экономисты-«рыночники»: это безусловные и огромные «плюсы» социализма, которые не могут в должной мере проявить себя единственно потому, что загнаны в одну упряжку с не соответствующей им конструкцией товарно-денежных отношений.)

Из-за того, – далее, – что в 1965-1967гг. «продырявили» существовавшую при двухмасштабной системе жёсткую структурную перегородку между потребительскими и производительскими ценами (между «трудовыми» и «счётными» деньгами, по терминологии В.М. Якушева), началась гибельная для социалистического хозяйствования перекачка безличных денежных средств в наличные, нарушилось соответствие между денежной массой на руках у населения и объёмом поставляемых на рынок товарных благ. Стала стремительно разрастаться товарно-денежная несбалансированность, а с нею вместе и инфляция. (Это, кстати, хорошо иллюстрируют расчёты Е.Т. Иванова по динамике денежных сбережений населения и товарных запасов, свидетельствующие, что с 1970 по 1985 год, например, вклады в сберкассы увеличились почти в 5 раз, тогда как производство товаров – лишь вдвое.) При двухмасштабной ценовой системе ничего подобного случиться не могло, поскольку государство предоставляло трудящемуся его ежегодный «дивиденд» в форме снижения цен на реально выпущенные в продажу товары, а не в виде «неотоваренных», инфляционных денежных сумм.

Плоды брежневско-косыгинской «хозяйственной реформы», – далее, – исчерпывающе доказывают всю несостоятельность упований на отдельно, обособленно взятое предприятие (или какой-то «блок» предприятий) как на самодовлеющую и «решающую все вопросы» структурную единицу общественно-производственного процесса. Всё-таки выразителем классовых интересов трудящихся является, как ни верти, не предприятие, а социалистическое рабоче-крестьянское государство. Задача состоит в том, чтобы очистить социалистическую государственность от «бюрократических извращений» (В.И. Ленин), но вовсе не в том, чтобы выдумывать противовесы стратегическим функциям государственной власти в лице, например, «власти непосредственно трудовых

коллективов». Это ни к чему хорошему, кроме разгула группового («коллективного») эгоизма, никогда не приводило и не приведёт. Только государство может выступить надёжным гарантом того, что в рамках всего экономического целого будет осуществляться именно общенародный, т.е. классово-прогрессивный интерес.

Посмотрим с этой точки зрения на экономическое «реформаторство» 60-х годов.

Если раньше преобладающая часть общественного дохода формировалась в виде «централизованного чистого дохода государства» (так, в 1952г. ЦЧДГ составлял 69% доходов госбюджета), то в последующем доля ЦЧДГ в доходных поступлениях неуклонно снижалась, упав в 11-й пятилетке до менее чем четверти доходной части бюджета. (На 1986 год планировалось получить через ЦЧДГ 102,5 млрд. руб. из 414,4 млрд. руб. бюджетных доходов. См. «Известия» от 27 ноября 1985г., стр.3.) В перспективе же предусматривалось вообще полностью заменить ЦЧДГ («налог с оборота») в структуре госбюджета отчислениями от прибыли и платой предприятий за производственные фонды. (См., напр., М.Ф. Макарова. План и закон стоимости при социализме. В кн.: Методологические проблемы экономической науки. «Мысль», М., 1967, стр.76.)

Поскольку, – таким образом, – общественный доход стал в основном формироваться не государством на потребительском рынке, а предприятиями и (естественно!) министерствами непосредственно «у себя», то произошло, во-первых, – как уже отмечалось, – резкое возрастание «неотоваренных» денежных масс, а во-вторых, активное их скапливание в производственной сфере, причём тем «гуще», чем ближе к хозяйственно-управленческой верхушке.

Что приобрёл от этого «перераспределения экономической власти» народ? Прежде всего, оскудение госбюджета и соответствующее свёртывание социальных программ, перевод их на пресловутый «остаточный» принцип финансирования. Государственный бюджет очень скоро стал дефицитным. Именно стал, ибо ранее он таковым не был.

«... доходная часть государственного бюджета сократилась, – откровенно пояснил бывший председатель Госплана СССР Н.К.Байбаков в своём интервью «Вечерней Москве» в 1989г., – средства ушли на фонды предприятий, а расходы остались за государством. Уже при подготовке плана на 1967 и 1968 годы ... госбюджет свести без дефицита за счёт текущих поступлений не удалось.» (См. 40 лет в правительстве. «Вечерняя Москва» от 4 апреля 1989г., стр.4.)

Итак, «приобретение номер один» – бюджетный дефицит.

«Приобретение номер два» – бурно пошло в рост явление, которое мы сегодня называем ведомственностью. Вед для того, чтобы ведомства (министерства), не в меньшей мере крупные производственные объединения начали

противопоставлять свои кастовые интересы общенародным, правильно понятым государственным, нужна была мощная экономическая база. Вот она-то и образовалась в послереформенный период, с передачей огромной части общественного дохода в непосредственное распоряжение производственных ячеек и их отраслевых штабов.

Но, возможно, предприятия и министерства потратили эти средства, – как вначале предполагалось, – на техническое перевооружение производства, на создание комфортабельных условий труда и быта для рабочих? Увы, ничего подобного не обнаруживается. Сейчас буквально стон стоит в нашей печати: чуть не все жалуются, что на производстве у них основные фонды, машины и оборудование работают на износ, на последнем пределе, не модернизировались по 20-25 и более лет. Да кто же вам, простите, не велел? Выходит, с чем оставили страну руганные-переруганные «сталинские наркомы», с тем и дотянули до сегодняшнего дня? Куда же делись все эти «нецентрализованные капвложения», «фонды развития производства» и пр.?

Ответ прост: ресурсы отвлечены «на сооружение непроизводственных объектов второстепенного значения» (см., напр., Ю. Субоцкий. О фонде развития производства. «Вопросы экономики», 1976, №4, стр.16), на содержание беспрецедентно размножившейся «промышленной» бюрократии и на амбициозное прожектёрство, призванное как бы оправдать «необходимость» безбрежного приумножения бюрократических рядов. Достаточно сказать, что на начало 1989г. у нас численность управленческого персонала в производственной сфере, на предприятиях и в объединениях (даже без министерств!), составила свыше 13 млн. человек, тогда как во всей прочей «командно-административной системе», включая советские и административные органы управления, было занято менее двух миллионов. Для сравнения заметим, что в системе одного лишь Министерства сельского хозяйства США насчитывается 110 тыс. работников. («Правда» от 19 июля 1990г., стр.7) причём, доля управленческого персонала предприятий в общей численности рабочих и служащих увеличилась с 10,5% в 1985 году до 11,2% в 1989 году, при росте абсолютного числа «производственных» управленцев за тот же период с 12,5 до 13,1 млн. человек и при сокращении абсолютного числа рабочих и служащих на 1 млн. (См. Где и сколько управленцев. «Известия» от 7 марта 1989г., стр.1.) Вот такими хорошими оказались предоставленные самим себе предприятия «борцами с бюрократизмом».

Самым разрушительным образом сказался «переход к госкапитализму» во второй половине 50-х – середине 60-х годов на положении дел в социалистическом сельском хозяйстве.

«... примерно до середины 50-х годов, – пишет известный советский экономист Л.И. Майзенберг, – развитие колхозного производства основывалось на

материально-технической базе машинно-тракторных станций (МТС), выполнявших по заказам колхозов все основные работы, требующие применения машин. Производственные услуги МТС возмещались в форме натуральной оплаты. В этих условиях изменение оптовых цен на средства производства, предназначенные для сельского хозяйства, отражались не на себестоимости продукции колхозов, а на издержках и финансовых показателях деятельности МТС. ... При таком положении любое, даже существенное изменение оптовых и закупочных цен отражалось не на уровне розничных цен, а на изменении размеров налога с оборота. Налог с оборота выступал в виде своеобразного амортизатора, погашающего изменение оптовых цен на средства производства и закупочных цен на сельскохозяйственное сырьё.

Положение начинает радикально меняться со второй половины 50-х годов. После упразднения МТС сельскохозяйственная техника была передана колхозам. С этого времени оплата сельскохозяйственной техники, производимой государственной промышленностью, стала производиться за счёт собственных доходов колхозов, а уровень и динамика цен на неё превратилась в важный фактор, определяющий себестоимость колхозной продукции.» (См. Л.И. Майзенберг. Проблемы ценообразования в развитом социалистическом обществе. «Экономика», М., 1976, стр.40. Курсив мой – Т.Х.)

Продажа сельскохозяйственной техники колхозам после ликвидации МТС вылилась для многих из них, – в полном соответствии с предупреждением И.В. Сталина, сделанном в 1952 г., – в своего рода финансовую и производственную катастрофу.

«... большинство хозяйств не имело ремонтной базы, соответствующих кадров, необходимых средств для приобретения новой техники. Всё это отрицательно сказалось на развитии сельскохозяйственного производства.» (Методологические проблемы экономической науки. «Мысль», М., 1967, стр.98-99.) «... колхозы были вынуждены досрочно расплатиться за машины и другие средства труда, купленные у машинно-тракторных станций. Для многих колхозов это оказалось обременительным. В результате ухудшилось материально-техническое снабжение сельского хозяйства.» (А.Н. Малафеев. Прошлое и настоящее товарного производства при социализме. Политиздат, М., 1975, стр.95.)

В дальнейшем приобретение селом техники пришлось хронически дотировать, – особенно после того, как реформа 1965-1967гг. сломала политику низких оптовых цен на средства производства и начался выпуск в массовом порядке дорогостоящих, материалоемких, но экономически малоэффективных машин. Образовался нерассасывающийся дотационный «волдырь», которого нормальный, так сказать, советский колхозный строй (в дохрущёвскую эпоху) не знал. Чтобы в этих условиях обеспечить аграрному сектору хотя бы видимость

рентабельности, пришлось многократно повышать закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. «Шквал» непрерывных повышений оптовых цен на технику привёл к фактически неконтролируемому росту себестоимости продуктов сельского хозяйства, к возникновению и закреплению второго дотационного «волдыря» – на стыке закупочных цен с розничными, где закупочные цены по ряду позиций «перехлестнули» розничные, подчас до нескольких раз. Но ведь и этого не было у нас «при социализме», все эти пагубные явления, приведшие к дотационному «опрокидыванию» экономики, – плоды скрытой капитализации народного хозяйства СССР, столкновения его на государственно-капиталистические рельсы в 50-х – 60-х годах!

ПЕРЕЧЕНЬ разнообразных вредоносных последствий более чем тридцатилетней «государственно-капиталистической эрозии» нашего народнохозяйственного организма можно ещё продолжить, но общая картина, – как мы надеемся, – достаточно ясна. Сейчас надо дать ответ на главный вопрос: что делать?

В стратегическом плане ответ также ясен: необходимо прекратить глупое и предательское «разгосударствление», идущее вразрез с объективными мирохозяйственными тенденциями, остановить – немедленно! – «погром» государственной собственности на средства производства, но при этом соединить государственную собственность не с капиталистической модификацией закона стоимости, «свирепствующей» нынче в нашей экономике, а с модификацией социалистической, т.е. возродить, в её определяющих, сущностных чертах, двухмасштабную систему цен. Если угодно, это тоже можно трактовать как своеобразный «переход к рынку»: переход к нормальному, вытекающему из объективных закономерностей развития экономики социалистическому рынку, которого у нас три десятилетия, – действительно, – практически не существовало. На социалистическом рынке не являются товарами средства производства и рабочая сила, исключена безработица, гарантировано право на труд, «статусом» товара наделены в полной мере лишь предметы народного потребления.

За критериальную величину на социалистическом рынке, подобную норме прибыли при капитализме, берётся уровень розничных цен на основные потребительские товары. Народнохозяйственный критерий эффективности – «лаг» ежегодного снижения основных розничных цен. Локальный критерий эффективности (для отдельного предприятия) – снижение себестоимости продукции, причём учитывается (и вознаграждается) прежде всего снижение себестоимости не «у себя», а «у соседа справа», т.е. экономия затрат у потребителя. Проводится линия на последовательное и неуклонное снижение оптовых цен по всей продукции производственно-технического назначения, на базе снижения её себестоимости. В оптовых ценах устанавливается низкая (порядка нескольких

процентов к себестоимости) и единообразная по всему народному хозяйству норма рентабельности. Основная масса стоимости прибавочного продукта «выдавливается» на потребительский рынок и аккумулируется там в форме централизованного чистого дохода государства.

Разрывается порочное «замыкание» оплаты труда на стоимостной объём выпуска продукции. Труд оплачивается в зависимости от квалификации работника, сложности выполняемой работы и успешности выполнения планового задания (т.е. в зависимости от места, реально занятого работником в социалистическом соревновании). Сверхплановая прибыль, полученная за счёт дополнительного снижения себестоимости в результате внедрения научно-технических новшеств и усовершенствований, остаётся в распоряжении трудового коллектива. Финансирование крупных капиталовложений стратегического назначения осуществляется в централизованном порядке через государственный бюджет.

Рычагами подъёма материального и культурного благосостояния трудящихся выступают рост денежной заработной платы, тесно увязанный с ростом производительности труда, регулярное существенное снижение опорных розничных цен, максимальное насыщение потребительского рынка, развитие общественных фондов потребления и постепенный перевод всё большего круга жизненных благ в разряд предоставляемых бесплатно.

Москва, июль 1990г.

КАК ВЫВЕСТИ ЭКОНОМИКУ ИЗ КРИЗИСА?

Сегодня общераспространенный ответ на этот вопрос гласит: дать полную свободу рыночным, товарно-денежным отношениям.

Сразу же, однако, возникает и следующий вопрос: вот мы который год эту свободу им даем, а положение в народном хозяйстве все ухудшается и ухудшается. Почему так происходит, почему нет позитивных сдвигов?

Дорогой соотечественник, давайте вместе в этом разберемся. Дело тут в том, что рыночные отношения, как и все остальное в человеческом обществе, коренным образом меняются от одной исторической эпохи к другой. Рынок на котором торгуют рабами, рынок, на котором торгуют землей вместе с крепостными, рынок, на котором торгуют средствами производства и наемной рабочей силой, и рынок, на котором ни тем, ни другим, ни третьим не торгуют, а торгуют в основном одними лишь товарами народного потребления, как при

социализме, – это исторически разные типы рынка, на них царят специфические для каждого из них законы, и их нельзя путать между собой.

А поэтому правильный ответ на поставленный выше вопрос выглядит так: нужно дать «полную свободу» рыночным, товарно-денежным отношениям, но в их социалистической, а не буржуазно-эксплуататорской форме. Об ответе на второй вопрос вы, думается, теперь догадываетесь и сами: сдвигов положительных нет и «радикальная экономическая реформа» тяжело буксует именно по тому, что мы упорно пытаемся «дать простор» товарным отношениям не в той их разновидности которая объективно присуща социалистическому строю, а в той, которая объективно присуща капитализму.

Но в чем же выражается специальный социалистический характер, специально социалистическая структура рыночных отношений, чем и как должны и чем не должны на нашем, социалистическом рынке торговать? Без сомнения мы с вами согласимся в том, что на социалистическом рынке не должно быть «свободной» торговли рабочей силы, физическими и духовными способностями человека; иными словами, – в стране не должно быть безработицы, а должна быть полная социальная защищенность трудящихся. Из-за этого, вообще говоря, и совершается пролетарская революция, и спорить тут не о чем.

Поскольку купить рабочую силу может только собственник средств производства, то с прекращением торговли рабочей силой «свободная» торговля средствами производства, их вольный переход из рук в руки, а значит, частная (в том числе и частногрупповая) собственность на них также прекращаются. Строго выдерживаемая государственная собственность на все основные фонды и на землю, недопустимость их разбазаривания, поступления в «вольный» рыночный оборот – ещё одна аксиома социалистического хозяйствования, которую нам надо не разрушать, а незамедлительно и полностью вернуть в ее законные права и всячески укрепить. Не спешите кричать вслед за Шмелевым, Лисичкиным и пр.: но ведь это, мол, она – государственная собственность – и довела нас «до ручки»! Не она. Сейчас разберемся в этом.

А пока зафиксируем главное: выходит, единственным реальным, полнокровным рынком при социализме является только рынок товаров народного потребления, потребительских благ и услуг. То, что на социалистическом рынке не фигурируют средства производства и рабочая сила, не делает его «хуже» рынка капиталистического: это просто другая структурная «модель» рыночных отношений, обслуживающая другую общественно – экономическую формацию, причем исторически более высокую, более развитую. И наша модель объективно даже «лучше» капиталистической, потому что она не ведет к безработице, к торговле живым «человеческим материалом», и не требует подобных «жертв» для своего нормального функционирования.

Следующая важнейшая категория товарной экономики, в том числе и социалистической, – это доход (прибыль). Доход представляет собой разницу между ценой изделия и его себестоимостью, и он может быть получен только при продаже товара на рынке. Стало быть, раз при социализме другого рынка, кроме рынка потребительских благ, не имеется, то отсюда и вытекает, что практически почти весь совокупный доход социалистического общественного хозяйства должен формироваться именно на рынке товаров народного потребления. Не пугайтесь, если мы сформулируем то же самое чуть сложнее: в социалистической экономике развитая «доходная» (прибылеобразующая) составляющая должна содержаться, в основном, только в ценах на потребительские товары.

А в ценах на средства производства и вообще на продукцию производственно-технического назначения? Вот там-то, при грамотном социалистическом хозяйствовании, большим «прибылям» как раз и не место. Цены на продукцию производственно-технического назначения должны придерживаться по возможности ближе к себестоимости, включать лишь «минимальную», как раньше ее характеризовали, прибыль в размере нескольких процентов от себестоимости, причем эта норма «фондовой» заводской рентабельности должна быть единой и примерно равной по всему народному хозяйству и по всей номенклатуре изделий. Если оптовая цена начинает экономически «тяготеть» к себестоимости и определяться преимущественно ею, то сразу восстанавливается правильная, подлинно социалистическая политика в области всех цен безналичного оборота (а это, в общем и целом, и есть цены на средства производства): они должны неуклонно снижаться, на базе снижения себестоимости продукции через внедрение достижений научно-технического прогресса. Показатель снижения себестоимости должен стать одним из главных планово-оценочных показателей в социалистическом хозяйственном механизме. При этом следует учитывать снижение себестоимости не только «у себя», но и у получателя продукции («соседа справа»).

И еще одно: не надо цепляться за показатель объема выпуска продукции в рублях. Кому нужны эти «пустые», экономически фиктивные рубли, когда цена машины взлетает в несколько раз, а ее полезная производительность увеличивается, дай бог, на десять – пятнадцать процентов? Нужно рассчитать «плотность» выпуска по полезному параметру машины и поставить заслон «разжижению» этого показателя, т.е. такому положению, когда цена техники подскакивает пропорционально улучшению ее рабочих характеристик. И напротив, при заметном увеличении «полезностной плотности» выпуска (когда предприятие на рубль «плана» изготавливает, грубо говоря, большее количество

полезного машинного параметра), – спокойно смотреть даже и на снижение объема реализации в рублях, считать это нормальным, приемлемым явлением.

Сказанное подразумевает также, что надо разбить и существующую ныне прочную «сцепку» между стоимостным объемом выпуска и фондом заработной платы, поскольку эта зависимость никого ни к чему толковому не сей день не «стимулирует», кроме как к неоправданному удорожанию продукции, с целью удержать зарплату «на должном уровне». Оплата труда должна зависеть не от голой денежной стоимости произведенных изделий, а от квалификации работника, сложности порученной ему работы и степени выполнения планового задания. Премияльные выплаты трудящимся необходимо поставить не в символическую, а в самую прямую и непосредственную связь с результатами социалистического соревнования между ними.

Осуществление вышеописанных мероприятий, которые в комплексе можно охарактеризовать как упорядочение политики оптовых цен, позволит нам оздоровить обстановку на производстве, повернуть его лицом к научно-техническому прогрессу, покончить с «затратным», грубо экстенсивным типом его функционирования, создаст предпосылки для долгожданного качественного перелома в динамике показателей эффективности: материальности, фондоотдачи, а так же процента «незавершенки» в капитальном строительстве.

Перечислим эти мероприятия коротко еще раз:

- ликвидация (в той мере, в какой они еще сохранились) «отраслевых нормативов рентабельности» в процентах к стоимости производственных основных фондов и материальных оборотных средств, ликвидация разнобоя в уровнях рентабельности на продукцию производственно-технического назначения (и тем более недопущение «свободной» рыночной игры цен на нее);

- установление приблизительно единой по всему народному хозяйству и низкой нормы «фондовой» рентабельности в оптовых ценах, на уровне нескольких процентов от себестоимости изделия;

- последовательное и неуклонное проведение линии на снижение оптовых цен, через снижение себестоимости;

- ликвидация зависимости между фондом заработной платы и объемом выпуска продукции в рублях;

- использование для материального стимулирования трудящихся сверхплановой прибыли, получаемой только за счет дополнительного, по сравнению с планом снижения себестоимости продукции;

- действительная увязка материального стимулирования работников с результатами социалистического соревнования;

- учет снижения себестоимости у получателя продукции («соседа справа»);

- исчисления «полезной плотности» валового объема производства и контроль за этим показателем с целью недопущения его «разжижения»;

- узаконение возможности уменьшения объема выпуска в рублях, если оно компенсировано соответствующим повышением «полезной плотности», т.е. как бы увеличением суммарой массы произведенного полезного параметра (изготовление изделий более дешевых, но более высокими рабочими характеристиками);

- устранение из оптовых цен ресурсных платежей рентного характера, которые представляют собой, по Марксу, «ложные социальные стоимости», не обеспеченные никаким реальным товарным покрытием, и не выполняют в обобществленном хозяйстве какой-либо позитивной роли, кроме того что служат предпосылками для развития инфляционных процессов.

Теперь обернемся и попробуем еще раз одной фразой охарактеризовать общий экономический смысл (пафос, так сказать) вышеобрисованный политики в отношении оптовых цен. Очевидно, это будет прекращение сколь-либо активных прибылеобразующих процессов в области цен на средства производства, почти полное освобождение этих счетных цен на средства производства, почти полное освобождение этих «счетных» цен, – как определяет их, например, советский экономист В. Якушев, – от прибылеобразующей нагрузки.

Снова повторим: почему же, все-таки, в ценах на средства производства («счетных» ценах) сколько-нибудь существенной доли прибыли содержаться не должно?

Потому, что у нас нет рынка средств производства, а прибыль, реализуемая не на рынке, но какими-то «внерыночными» путями, «на бумаге», неизбежно окажется фиктивной, извратит всю картину экономической жизнедеятельности, приведет к нарастающему дисбалансу функционирующей в хозяйстве денежной массы и ее товарно-материального обеспечения. Собственно, от этого – то мы главным образом и мучаемся сегодня, и корень всех этих мучений – не «командно-административная система», а порочный, чуждый природе социалистической экономики принцип аккумуляции прибыли в основном через цены безналичного оборота, принятый в результате «хозяйственной реформы» 1965-1967 годов. Вот с чем – а не с системой централизованного планирования и управления – нужно нынче бороться, и вот какую «раковую опухоль» надо незамедлительно из нашего экономического организма удалять.

Между тем, сейчас со всех сторон несутся призывы: нет рынка средств производства – так давайте скорее откроем его! Однако, это было бы не выходом из тупика, но очередным шагом к дальнейшему увязанию в стагнационной трясине. Рынок средств производства невозможен без рынка живого труда и восстановления, следовательно, частной собственности, т.е. реставрации капи-

тализма. Но история, при всех ее драматических зигзагах, не движется вспять, не имеет «обратного хода», и раз уж она начала «пробивать» новую, по сравнению с капитализмом общественно-экономическую формацию, она не позволит сползти на объективно пройденные рубежи, как бы этого кому-то не хотелось. Результаты Октябрьской революции, как и десятилетий социалистического строительства, «переиграть» нельзя, и это должно быть всеми в нашем обществе ясно понятно, в том числе и политиканствующим геростратам, кому сегодня застит глаза приоткрывшаяся возможность наломать изрядных исторических «дров».

Надо не проситься, по-глупому, обратно в капитализм, а смелее взглянуть на огромный, далеко еще не задействованный внутренний потенциал собственного нашего строя, искать способы «расколдовать», «растормозить» его и получить ту благотворную отдачу, которая может и должна быть им принесена.

Продолжим наше рассмотрение.

Оптовые (производительские) цены интересуют нас, – понятно, – не сами по себе, а в плане их воздействия на цены розничные, цены потребительского рынка. Но воздействие постоянно и неуклонно снижающихся, «ужимающихся» оптовых цен на потребительский рынок как на естественное конечное звено всей общественно- производственной цепочки будет, – нетрудно догадаться, – однозначным: оно создаст надежный экономический фундамент для столь же постоянного и методичного снижения себестоимости потребительских товаров, в первую очередь основных продуктов питания, а следовательно, и для регулярного снижения цен на них.

Выше мы говорили об этом «освобождении» производительских цен от прибылеобразующей нагрузки (о резком сокращении и выравнивании доли прибыли в оптовой цене). Вторая половина этого тезиса звучит так: решающая часть (примерно, думается, четыре пятых) доходообразующей нагрузки в обобщественной экономике должна быть перенесена именно на розничные – «трудовые», по терминологии В. Якушева, – цены, и ее следует взимать в форме налога с оборота (централизованного чистого дохода государства) в цене товаров народного потребления.

Не торопитесь сразу же возмущенно восклицать: да вы что! Ведь от этого товары немислимо подорожают! Ничего они не подорожают, но напротив: такая конструкция доходообразования и явится экономической базой для регулярного и существенного понижения их цены.

Отчего у нас сейчас падает фондоотдача, номинально растут затраты овеществленного труда, все время «подталкивая» к повышению розничные цены и тарифы на услуги? От непрерывного безудержного, сплошь и рядом инженерно не оправданного удорожания этих самых «фондов»: техники и материальных

оборотных средств. А это, в свою очередь, – как мы уже несколько раз повторяли, – подстегивается в корне ложной, ошибочной практикой интенсивного формирования прибыли в сфере оптовых, производительских цен, чего при общественной собственности на средства производства надо, напротив, всячески избегать. Стало быть, обратный процесс – курс на систематическое понижение «фондовых» цен и сокращение доли «фондовой» прибыли в чистом доходе общества – и результаты вызовет обратные: будет уже не напирать на розничные цены и тарифы «снизу вверх», а создавать их «экономический простор» для движения сверху вниз.

Итак, в области потребительских цен предлагается:

- возвести (а точнее, вернуть) в ранг государственной политики твердую линию на регулярное – скажем, ежегодное – снижение потребительского ценового уровня (розничных цен и тарифов на услуги) по основным его пунктам, через всемерное совершенствование материально-технической базы производства, безусловное относительное, а по возможности и абсолютное удешевление новой техники, очищение цен на технику от ложных «прибылеобразующих» включений, через реальные повышение производительности общественного труда, выраженное не в пустом, никому не нужном накручивании «бумажно»- денежного вала, но в неукоснительном уменьшении единичной стоимости любого изготавливаемого продукта (на это справедливо указывают, например, С. Губанов, Ю. Перевощиков, В. Сиськов);

- формировать основную часть чистого дохода общества в виде налога с оборота (централизованного чистого дохода государства) в цене потребительских товаров;

- взимать ЦЧДГ (налог с оборота) только после фактической реализации товаров потребителю (напр.: В. Белкин, В. Ивантер, А. Куликов, Я. Либерман, В. Перламутров, Н. Петраков, Д. Смолдырев, И. Шаров, Д. Швуим и др.);

- рассматривать «лаг» ежегодного снижения опорных розничных цен как критерий народнохозяйственной эффективности при социалистическом способе производства, «понижательное» движение потребительского ценового уровня – как прямой аналог, в системе экономических законов социализма, понижательной тенденции нормы прибыли в капиталистическом хозяйстве;

- рассматривать государственно гарантируемую установку на снижение розничных цен, создание изобилия дешевых и высококачественных потребительских благ и услуг, на перевод наиболее элементарных товарных благ, по мере их удешевления, в категорию бесплатных – как непосредственное проявление действия основного экономического закона социализма и магистральный путь к быстрому и всестороннему подъему уровня жизни трудящихся;

• добавиться ясного понимания трудящимся того, что не пустопорожнее вздувание цен на продукцию своих предприятий, но наоборот, настойчивое снижение издержек производства, снижение единичной стоимости выпускаемой продукции является главенствующей формой работы людей «на самих себя» (С. Губанов и др.) и базой для осуществления не инфляционного, а действительного, справедливого и общественно-равновесного материального стимулирования.

Сделаем несколько замечаний к вышеизложенному.

Только проведение политики низких и целенаправленно снижаемых цен на технику и прочие материальные средства позволит нам вытащить из прорыва сельское хозяйство (если приплюсовать сюда так же и восстановление оплаты труда в сельскохозяйственном производстве не «авансом», по типу промышленного предприятия, а строго в зависимости от реально полученного конечного результата).

Ведь не что иное, как непомерное и непрерывно растущая дороговизна материально-технических средств провоцирует хроническую нерентабельность огромного числа сельскохозяйственных предприятий, порождает попытки «поправить» дело через выборочное повышение закупочных цен, адресованное в первую голову именно этим отстающим хозяйствам, а это, в свой черед, плодит в массовом порядке настроения иждивенчества и захребетничества, закрепляет отставание, вместо того чтобы мобилизовать коллективы на его организационное и технико-технологическое преодоление. Равным образом, это и в других отраслях ведет к аналогичным негативным последствиям,- когда стремятся компенсировать увеличение «входящих» затрат (на технику, оборудование, материалы и т.п.) путем соответствующего повышения собственных отпускных цен. Этот прочный прием превращается, по существу, в самовоспроизводящийся парадоксальный «механизм» финансирования не прогресса, а... технической отсталости данной отрасли (В. Ефремов; так же В. Боев, Н. Глушков, И. Липсиц, А. Матлин и др.).

Далее, только разнообразная выше передвижка прибылеобразующих процессов преимущественно на потребительский рынок, в цены на товары народного потребления, даст нам возможность привести в порядок финансовое положение страны, уравновесить денежную массу с ее материальным покрытием, сократить и в перспективе ликвидировать бюджетный дефицит. Ведь доход, реализуемый на рынке потребительских благ, – это «здоровые» деньги (В. Белкин и др.), за которыми всегда стоит осязаемое материальное обеспечение, перешедший из рук в руки «живой» товар. При нашей системе, чем больше будет циркулировать в народном хозяйстве этих «здоровых» денег, – т.е., чем более значительная часть общественного дохода будет аккумулироваться в форме

«налога с оборота», – тем меньше окажется риск серьезно нарушить рыночное равновесие и нажать мощное «красное сальдо» в государственном бюджете.

И еще одна немаловажная сторона этого вопроса: чем более существенная часть доходных поступлений формируются на потребительском рынке, тем более заинтересованно государство, как экономический агент, в расширении производства потребительских товаров, в улучшении их качества и разнообразии предложения, в быстрой и бесперебойной их реализации через торговую сеть. Вот где, – а не в «хозрасчете», построенном на дутых, произвольно завышенных ценах, – лежит разгадка того, как повернуть производительный аппарат социалистического общества лицом к рядовому потребителю.

Следует также решительно распрощаться с рядом «перестроечных» мифов, которые еще совсем недавно, и вполне по заслугам, квалифицировать у нас как грубые политэкономические ошибки, как свидетельство непонимания основ марксистской экономической теории.

Среди этих мифов главный – это миф рыночно «независимого» и «самофинансируемого» социалистического предприятия.

Не будем уже говорить о том, что В.И. Ленин считал частногрупповую собственность работников на «принадлежащее» им предприятие «величайшим искажением основных начал Советской власти и полным отказом от социализма» (ПСС, т.36, стр. 481). Но, где, интересно, пропагандисты этого «самоуправленческого» мифотворчества взяли образчик для своих демагогических придумок? Уж, не в Югославии ли, экономику и социально-политическую жизнь которой сорокалетнее беспрепятственное культивирование подобных «концепций» поставило на грань беспримерного развала? Или в Польше, быстро и «успешно» движущейся нынче по тому же тупиковому пути?

«Самоуправляемое» по законам вольного рынка социалистическое предприятие – это безграмотный демагогический вздор, которого никогда и нигде в природе вещей не существовало, не существует и существовать не может. Развязывание рыночной стихии на буржуазный лад, провозглашение «коллективной», так называемой, собственности работников на выделенные им материально-технические средства буквально в считанные недели превратят такую производственную единицу из социалистической в безусловно и типично частнопредпринимательскую, со всеми вытекающими отсюда последствиями для честных трудящихся. Слава богу, – мы все видим, как стремительно и пугающе перерождаются производственные ячейки, только еще краешком вкусившие обманчивой манипуляторской «самостоятельности»: разгул группового эгоизма и грубой «стайной» психологии, оголтелая погоня за рублем, пренебрежение общественными интересами, отказ изготавливать жизненно необходимую народную хозяйству продукцию, коль скоро она невыгодна такому, если его до-

пустимо так именовать, «коллективу», беспощадное пересечение всякого «инакомыслия» в своих рядах, выбрасывание на улицу «лишних» и «неугодных» людей, даже и без тени элементарной гражданской и человеческой заботы об их дальнейшей судьбе, нежелание «возиться» с молодежью, инвалидами и т.п., вывоз за рубеж – при первой к тому возможности – товаров, в которых остро нуждается внутренний рынок. Разве не этот рваческий «хозрасчет» железной метлой выметает каждый день с прилавков все, что дешево, и все, что находит хоть малейший сбыт за рубежом? Давайте оставим, наконец, эту нашу боязливую манеру копать во второстепенных причинах постигающих нас бед и обходить молчанием причину главную, причем обычно для всех очевидную,- и только потому, что вот такая «гласность», вот такое приятное указание на прямой корень зла, а не на какие-то анонимные «темные силы», якобы мешающие воплощению в жизнь прекрасных и мудрых решений, – все это может не понравится кому-то в Кремле.

Выразителем, проводником, политическим и экономическим, – что чрезвычайно важно подчеркнуть, – гарантом осуществления кассовых интересов трудящихся является при социализме не предприятие и не кооператив, а рабоче-крестьянское, пролетарское государство. Идея диктатуры пролетариата – вот концептуальный стержень не только политической, но и экономической доктрины марксизма-ленинизма. В своей статье «О кооперации» (столь излюбленной нынешними нашими фальсификаторами) В.И. Ленин на каждой странице, – причем по несколько раз, – повторяет, что любая экономическая жизнедеятельность при социалистическом строе, в том, числе и деятельность кооперативного типа, должна протекать исключительно лишь «на земле при средствах производства, принадлежащих государству, т.е. рабочему классу», при условии, что «государственная власть в руках рабочего класса» и «собственность на средства производства в руках государства», что «этой государственной власти принадлежат все средства производства» (ПСС, т.45, стр. 375, 369, 370. Курсив мой. – Т. X.).

Вот чем объясняется и то, что беснование антикоммунистов и антисоветчиков всех мастей, их неприкрытая злоба и их «доброжелательные» рекомендации всегда нацелены всем своим накалом, в первую очередь, против социалистической, пролетарской государственности, против плановости и централизма в управлении экономикой, против общенародной собственности на производительный аппарат страны.

Товарищи рабочие, не дайте обмануть себя лживыми посулами,- будто, получив в «коллективную» собственность фонды вашего предприятия, вы станете «подлинными хозяевами» своего жизненного положения. Истинными хозяевами и фондов, и вашего положения при этих фондах повсюду очень скоро ока-

жуются кучки оборотистых дельцов, «новых», «социалистических» частных собственников, сплошь и рядом выходцев из той самой коррумпированной, манипуляционной бюрократии, включая и бюрократию «производственную», которая обкрадывает вас сегодня. Иллюзорная «собственность» на небольшой, подчас микроскопический островок бывшего общенародного достояния в действительности обречет нас на глубокое, унижительное бесправие за пределами, да и в пределах этого островка, на жизнь под вечной угрозой безработицы, в тисках безудержного роста цен и эксплуататорской интенсификации вашего труда.

Не государственная собственность на средства производства, на ее развитие ввергло страну в нынешний тяжелый кризис. Сегодняшняя экономическая катастрофа – закономерный и позорный финал совсем другого, противоположного процесса, который развертывался со второй половины 50-х годов и заключался в том, что ревизионистствующие элементы в партийно-государственном руководстве упорно стремились не развивать, не совершенствовать систему отношений общенародной собственности, а наоборот, подтачивать и расшатывать ее, вплоть до беззастенчиво объявленного М.С. Грбачевым намерения «вырвать с корнями» это мощное структурное «дерево», возвращенное на нашей исторической почве Великим Октябрем.

Так, при Хрущеве, во времена «совнархозовщины», была принята попытка растащить народнохозяйственный комплекс по «территориальному» принципу.

«Экономическая реформа» 1965-1967 гг. восстановила, – что явилось положительным ее моментом, – централизованно-отраслевой принцип управления. Но она тут же и «напортачила», – как мы ранее разобрали, – со схемами прибылеобразования, аккумуляции прибыли, сделав так, что определяющая доля общественного дохода стала формироваться не «у потребителя», не реально существующем рынке потребительских товаров, а «у производителя», на отсутствующем, «условном «рынке средств производства». Это послужило экономической «питательной средой» для возникновения нового, еще более разрушительного – ведомственного – «противовеса» отношениям общегосударственной собственности. Целостный народнохозяйственный комплекс оказался дезорганизован уже не в «территориальном», а в «производственно-ведомственном» разрезе. Не «экономически самостоятельные» территории, а «хозрасчетные» ведомства принялись напирать, со своими частногрупповыми целями и амбициями, на государство как выразителя интересов основной массы рядовых тружеников.

Ныне обе эти деструктивные тенденции самым пагубным и тревожным образом объединились. Под вывеской «регионального хозрасчета» идет воскрешение «совнархозовщины», старательно умалчивая о том, что все время имен-

но эта порочная сепаратистская затея буквально на десятилетия сбила экономику СССР с нормального поступательного ритма. С другой стороны, азартно разжигается, сепаратизм, так сказать, производственный, подогреваются ненужные анархо-синдикалистские настроения в трудовых коллективах, пропагандируется создание разного рода независимых от государства «концернов» вместо отраслевых министерств, и т.п. Практические результаты этой «реформаторской» вакханалии на сей день говорят сами за себя.

Рабочие, крестьяне, частные труженики-интеллигенты, помните: позволив подорвать экономическую мощь вашего государства, позволив оттеснить вашу партию от непосредственного «оперативного» руководства хозяйственным развитием, вы ничего не получите взамен, но потеряете последнее и главное,- реальную перспективу на то, чтобы было решительно остановлено тридцатилетнее сползание по наклонной плоскости, чтобы страна двинулась, наконец, вперед и ее несметные богатства были обращены всецело и полностью на служение вашим интересам, интересам трудового народа.

Ваше здесь, в этом больном клубке противоборствующих сил, – не «концерн», не кооператив – «спекулятив», не кулацкое («фермерское») подворье и пр., а партия, государство, общественно-плановое хозяйство, общественная собственность на средства производства, в том числе и в деревне.

Их надо, – вот именно, – возродить, обновить, очистить от тридцатилетних правых и «левых» ревизионистских наслоений, – это другой вопрос. Но допустить сегодня до их окончательного разгрома было бы не воскресением к новой жизни, а национальным классовым самоубийством.

Из партии нужно бескомпромиссно выскрести «примазавшихся» – это так, но нельзя превращать это законное и назревшее требование в лозунг отстранения самой партии от всех практических дел в обществе. Государство необходимо «отнять» у бюрократии – это так, но и это насущное требование нельзя превращать в лозунг «сокрушения» самого государства, свертывания его руководящей, координирующей, направляющей хозяйственной роли. Общественная собственность должна на деле, а не на словах принадлежать каждому добросовестно вкладывающему свой труд гражданину – это так, но и отсюда нельзя выводить анархический лозунг «сокрушения» самой общественной собственности, растаскивания ее по ключьям, восстановления эксплуатации, воцарения в обществе «дисциплины», держащейся по-прежнему на угрозе, на страхе лишиться куска хлеба.

Социализм, – если вдуматься, – исторически еще очень молод. Ни в одном из «классических» капиталистических держав спустя семьдесят лет после происшедших там буржуазных революций еще не завершился в полном объеме промышленный переворот, т.е. не была создана адекватная материально-техни-

ческая база нового общественного устройства. Имели многократные попытки отката назад, реставрации старых порядков. Может, кому-то во Франции в эпоху, скажем, Карла X и июльской революции 1830 года и представлялось, что при Людовике XVI жить было лучше, не говоря уже о Людовике XIV. Но поступь истории необратима, и ностальгия по «добрым старым временам», даже самая безоглядная и вроде бы обоснованная, нежелание и неумение увидеть, что «времена» безвозвратно, в глубинной своей сущности изменились,- все это справедливо не принималось в расчет. Только те пути уводили в будущее, которые опирались на объективную логику развития новой общественно-экономической формации, а не на примеры и параллели, почерпнутые из исторического опыта формации предыдущей, уже отжившей свой век.

Так и социалистическое общество сегодня совершает трудный, диалектически противоречивый, подчас драматический путь своего становления, борьбы с реставраторскими, попятными движениями, своего утверждения и неотвратимого, в перспективе, перерастания в коммунизм. И искать решение проблем, возникающих по ходу этого сложнейшего процесса, нужно только во внутренних объективных закономерностях самой по себе экономической формации, но не в паникерских и подстрекательских ризывах передать анафеме все накопленное за семьдесят с лишним лет, посыпать главу пеплом и идти «каяться» перед капиталистами – в том числе, очевидно, и перед воротилами собственной «теневой экономики».

Таким образом, третья «корзина» наших предложений:

- приостановить действие всего «перестроечного» экономического законодательства, начиная с закона о государственном предприятии, пересмотреть его и привести в соответствие с основоположениями марксистской политэкономической науки (а не с теориями О. Шика и ему подобных);

- воспрепятствовать изданию каких бы то ни было новых «законов», которые «уравнивали» бы в правах социалистическую собственность с частнопредпринимательской (что является полнейшей дикостью с точки зрения и марксистского учения, и политического реализма, и попросту здравого смысла), а так же нарушали бы ныне действующие конституционные нормы об уничтожении в СССР эксплуатации человека человеком, о недопустимости превращения рабочей силы в товар и использования наемного труда частными лицами, о недопустимости использования социалистической собственности в целях личной наживы, извлечение нетрудовых доходов, о недопустимости раздачи в частное владение общенародного достояния – земли, водных и лесных угодий, основных средств производства;

- всесторонне упрочить, поднять на новый уровень и развивать статус государственной собственности как главенствующей формы социалистического народного достояния;

- провести решительную «дебюрократизацию» и «деэлитаризацию» отношений собственности и власти социалистическими приемами, а именно:

- ✓ через всемерное развертывание и правовое оформление (институционализацию) массовой «низовой» критерически-творческой инициативы;

- ✓ через укрепление правового положения личности, чтобы «голос каждого был слышен», как учил этому В.И. Ленин, и чтобы критически, новаторски мыслящий и выступающий индивид был надежно огражден законом от преследования за свою социально-гражданскую активность;

- ✓ через усовершенствование в том же плане избирательной системы;

- ✓ через установление эффективного рабочего, народного контроля над деятельностью любых органов управления в государстве, включая правоохранительные органы, а также над средствами массовой информации;

- ✓ через ликвидацию любых видов «закрытого», элитарного распределения жизненных благ.

Социалистическое государство должно со всей определенностью заявить, что оно берет под свое покровительство и поощряет индивидуального трудовую деятельность (относя сюда и единоличное крестьянское хозяйство) только в таких масштабах, которые исключают применение чужого наемного труда. Что касается кооперативного движения, то оно также должно быть исключительно трудовым (без деления на членов кооператива и работающих по найму, - как это имеет место, например, в колхозе). Сфера деятельности кооператива, условия снабжения и сбыта, цены и расценки на вырабатываемые товары и услуги должны устанавливаются и контролироваться государством. Торгово-посреднические кооперативы, занимающимися фактически «узаконенной» спекуляцией, должны быть безоговорочно упразднены. Находящиеся на руках у населения «избыточные» денежные накопления, носящие явно нетрудовой характер, нужно не «насыщать», - как предлагают Л. Абалкин, А. Аганбегян и др., - распродажей земли, жилья, дорогостоящей недвижимости и пр. (тем более средств производства), а «выстричь» из обращения денежной реформой по образцу реформы 1947 года.

Необходимо понять, что пути назад у нас нет. Капитализма, - сколько бы «привлекательным» ни рисовали его сегодня иные наши идеологи, - в стране никогда уже не будет. Если он и «вернется», то на короткое время и в нецивилизованной, варварской форме, которая не подвинет нас по дороге процветания и прогресса, а окончательно столкнет на ее обочину. Давайте поверим, наконец, в самих себя, какие мы есть. Видимо, не так уж «плохи» мы были при нашем,

отнюдь не мифическом, а вполне реально существовавшем социализме, если почти все, что нынче светит нам «отраженным светом» из разных отдаленных краев, – это наши же собственные прорывы, прозрения и достижения не столь давних лет. Достижения, к которым «там» отнеслись гораздо вдумчивей и внимательней, чем это, к великому сожалению, сделали мы сами.

Москва, октябрь 1989г.

Мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: Тут истина, на колени перед ней! – Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба – пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание – такая вещь, которую мир должен приобрести себе, хочет он этого или нет.

Karl Marx.

**ВОПРОСЫ
МАРКСИСТСКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

№1(7) 2011

Научно-популярный журнал

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

1. *Н. Григорьев* – Гносеология марксизма..... 140

II. ДИАЛЕКТИКА

1. *И.И. Макаров* – Логическая структура диалектической рефлексии 159

2. *В.В. Предтеченский* – Диалектика везде: некоторые примеры
использования диалектического метода 181

ГНОСЕОЛОГИЯ МАРКСИЗМА

Н. Григорьев

(с критическими репликами Касьянова Г.А. [критикуемый текст выделен подчеркиванием, курсивом – реплики Касьянова])

Мы привыкли воспринимать марксизм в формулировках его основоположников и теоретиков. Многие сторонники марксизма воспринимают его положения на веру: Маркс К. сказал... Ленин В. сказал...

Какие могут быть сомнения в авторитетности их мнений?

*Слово «мнение» здесь не уместно. Если мы марксисты, то высказывания классиков для нас не «мнения», а **положения научной теории**.*

Но если посмотреть на практику реализации марксизма, объективный наблюдатель отметит их несовпадение.

Эта фраза звучит довольно наивно: правильно понятый марксизм никогда не противоречил практике, поскольку непрерывное приведение своих положений с объективной реальностью и запросами практики являются неотъемлемыми элементами марксистской теории познания. Отмеченное «несовпадение» может иметь место только в голове «объективного наблюдателя», наивно полагающего, что уже одно только существование марксизма должно было привести к построению коммунизма во всём мире.

Почему существуют противоречия между теорией и практикой ее реализации?

С точки зрения марксистской гносеологии, таким образом противопоставлять теорию и практику – неверно. Практика в марксистской теории познания противостоит не теории, а мышлению. Сама же теория может называться таковой, только в том случае, если представляет собой обогащённый практикой опыт мышления, то есть результат длительного взаимодействия практики и мышления. Теория по определению включает в себя практику, а поэтому не может противоречить ей.

Попробуем подойти к марксизму со стороны технологии его формирования, технологии мышления, которое выдавало общеизвестные формулировки.

Начнем с диалектики.

Диалектика понимается как одна из универсальных особенностей взаимодействия между объектами материальными и духовными, имеющие выражение в форме законов и категорий.

Вопрос: КЕМ таким образом «понимается» диалектика? Явно не Гегелем и не Марксом – двумя мыслителями, сделавшими больше других для её развития. Со времён Гегеля и Маркса ничего принципиально нового в диалектике не возникло. Давайте от их понимания и отталкиваться. По Гегелю диалектика – это учение о самодвижении понятий. В марксизме термин диалектика употребляется в значении теории и метода познания явлений действительности путём постижения самодвижения предмета на основе внутренних противоречий [Философская энциклопедия, Т. 1, стр. 474]. Учение, пытающееся представить мир, как результат взаимодействия материальных и духовных объектов – суть дуализм, то есть разновидность додиалектического воззрения.

К проблемам диалектики прикасались многие мыслители. Мощный импульс процессу понимания диалектики дал Гегель. Особенностью гегелевской диалектики является наблюдение за диалектическими процессами в сфере духовной.

Слово «наблюдение» путает читателя, поскольку создаёт представление о «диалектических процессах», как находящихся вне познающего разума и способных наблюдаться этим разумом извне. Тогда как ясно, что диалектический процесс это то, что совершается в самом познающем разуме и только им приводится в движение.

Маркс К. перенес диалектику из сферы духовной в сферу материальных отношений. Так появилась материалистическая диалектика, которая является методологической основой теории марксизма и диалектической логики.

Идеи марксизма пытается реализовать на практике коммунистическое движение, которое в настоящее время переживает глубокий кризис. Исследования причин этого кризиса требуют тщательного изучения всех его составляющих, включая и теорию марксизма. При этом вполне естественно появилась потребность посмотреть соответствие идей марксизма и практики их реализации – положениям диалектики, ее законам и категориям и требованиям диалектической логики.

Идеи марксизма – это продукция диалектики в том виде, в том понимании, как видел и понимал ее Маркс К. Поскольку реализация этих идей вызывает большие трудности, вполне естествен вопрос о соотношении идей марксизма – диалектике. Но для того, чтобы принять диалектику за эталон измерения, нам нужно разобраться в самой диалектике. С тем, насколько наше сегодняшнее понимание диалектики соответствует самой диалектике. Насколько наше мышление соответствует глубинной сути диалектики.

Попытаемся разобраться в этой проблематике. Здесь просматривается несколько блоков проблем.

Онтология диалектики. Универсальность диалектики не исключает ее особенностей в различных сферах. Очевидно, что при наличии общих черт имеются и диалектические различия в сферах живой и неживой материи, ботаники и зоологии, социологии и психики и т.д. Эти различия детерминируются существенными особенностями сферы реальности. То есть сама диалектика – диалектична. Она едина в многообразии.

Одна из существенных особенностей диалектики состоит в том, что абсолютное большинство объектов реального мира представляют собой более или менее сложные системы и системы систем. В каждой из этих систем есть свои составляющие, которые и детерминируют специфику данной системы.

По своей природе диалектика системна. То есть представляет собой органическое единство различных составляющих, их взаимодействие и взаимовлияние.

Единство и борьба противоположностей представляет собой единство двух объектов, связанных между собой определенным взаимодействием. Каждый из объектов имеет форму и содержание. Содержание имеет количество и качество. Форма и содержание, количество и качество – в свою очередь являются противоположностями, связанными определенными соотношениями и взаимовлияниями и т.д.

Весь выделенный текст не более чем движение от абстрактного к абстрактному, глубоко чуждое духу диалектики. Даже в философской энциклопедии этот момент выражен значительно рельефнее, глубже, яснее. Я уже и не говорю о таких трудах как «Система и метод философии Гегеля» К.С.Бакрадзе.

Системность диалектики можно рассматривать как полилектику – органическое единство многих составляющих, связанных в единое целое взаимодействием и взаимовлиянием. То есть – диалектика является составной частью более сложной системы – полилектики. К диалектике мы обращаемся, когда

для анализа нужно вычленить какую-то часть целого. Но при этом не следует абсолютизировать вычлененную часть. Нужно помнить, что это только часть более сложного целого.

Из сказанного можно сделать вывод, будто бы диалектика упускает из виду множественность взаимосвязанных в единое целое «составляющих». Но множественности не отрицает, даже метафизика и диалектическое познание не было бы высшей формой познания, если бы при переходе к ней утрачивалось признание множественности. Диалектический разум не ограничивается констатацией множественности «составляющих», а обнаруживает склонность этих составляющих как бы поляризоваться, размежевываться на две противостоящие, противоположные друг другу стороны, стороны диалектического противоречия. Именно поэтому диалектика называется ДИАлектикой и никакой «полилектики» уже не нужно.

Гносеология диалектики (полилектики).

Крайне некорректное словосочетание: стержневым принципом гносеологии марксизма выступает идея о единстве диалектики, логики и теории познания (гносеологии). Изучая диалектику, мы одновременно постигаем и теорию познания, поэтому «гносеология диалектики» – грубая тавтология.

Гносеология (процесс познания) – представляет собой довольно сложную сферу освоения реальности для человека. Гносеология сложна сама по себе. Эта сложность возрастает многократно, когда объектом познания становится диалектика (полилектика). Сложность заключается в том, что для верного (адекватного) понимания реальности человек должен воспринимать одновременно много факторов со всеми их взаимовлияниями и взаимодействиями. Многие люди этих сложностей просто не знают и довольствуются тем потоком информации, который поступает в их сознание, не утруждая себя его осмыслением, фильтрацией, дифференциацией.

Процесс осмысления реальности полон противоречий, которые часто остаются вне сферы внимания даже людей, имеющих достаточную интеллектуальную подготовку. Вот некоторые из таких противоречий.

Противоречие между реальным объектом и образом этого объекта в сознании человека. Оно возникает, потому что человек не учел всех составляющих объекта внимания, всех факторов, имеющих отношение к объекту (ограниченная факторность). Такая ситуация имеет нюансы:

- Человечество об этом знает, а конкретный человек – не знает. С подобной ситуацией мы сталкиваемся ежедневно, когда речь заходит о здоровье личности. Люди в своих действиях очень часто ориентируются на те ограниченные знания, которые у них есть.

- Ни человечество, ни отдельный человек не обладают всей полнотой необходимых знаний.

- Человек не хочет утруждать себя приобретением необходимых знаний и довольствуется теми, которые имеет.

Противоречие между реальным объектом и образом этого объекта в сознании человека возникает потому, что человек преувеличил или преуменьшил (нарушил соразмерность) данного объекта или каких-либо его частей по сравнению с реальностью, какие бы причины за этим не стояли.

Ограниченная факторность и нарушенная соразмерность – это неадекватность, детерминирующая иллюзию. Иллюзия – неосознанная неадекватность. Человек объектом своего мышления имеет реальный предмет или процесс, реальные связи с другими предметами или процессами, но, вместе с тем, продуктом его мышления становится иллюзия, которую он воспринимает как верное понимание реальности.

История человечества – это история заблуждений и их мучительного преодоления.

К иллюзиям, заблуждениям, ошибкам в процессе мышления ведут нарушения требований диалектической, формальной и модальной логик. Любопытно, что люди, даже специально изучавшие логику, допускают логические ошибки. То есть не все знания, которые человек получает во время учебы, станут его духовными ценностями. Выработка личных духовных ценностей и ориентация на них в духовной деятельности – процесс очень индивидуальный. Это продуцирует как верные мысли, так и ошибочные, иллюзорные.

Субъективация духовности противоречит не только диалектике, но и сущности философии вообще.

В сфере гносеологии наряду с проблемой адекватности, а, следовательно, – истинности, существует не менее значимая и по-своему сложная проблема последовательности и в понимании реальности, и в изложении человеком своих мыслей. По своей сути проблема последовательности – это разновидность проблемы адекватности, только с позиции рассмотрения нескольких тем в их совокупности. Случается так, что человек одну тему понимает достаточно объективно, а в понимании другой темы у него такой объективности нет. Вот эта неровность, неодинаковость в понимании объектов реальности и приводит

к непоследовательности, а значит – к неадекватности понимания реальности. За этим стоит эклектическая природа психики.

*Вот об этом следовало бы поподробнее: далеко не все психологи придерживаются уверенности, что природа психики эклектична. Имеющиеся на сегодняшний день концепции личности предлагают весь спектр возможных подходов к решению вопроса об эклектичности или **холистичности** психики (См. Л.Хьелл, Д.Зиглер «Теории личности»).*

Заблуждения, ошибки, иллюзии могут относиться к отдельному объекту, а могут носить каскадный характер: одно заблуждение продуцирует другое, то – третье и т.д. Очутившись в таком каскаде, из него бывает очень трудно выбраться. Логическая связь между объектами воспринимается убедительной. Но при этом иллюзия остается вне сферы внимания. Чтоб обнаружить сбой в логической цепочке рассуждений нужно добраться до первопричины. Спонтанно такой поиск не ведется. Спонтанно рассматривается какое-нибудь звено логической цепочки. И это звено может не вызывать сомнений. Могут пройти века, прежде чем будет обнаружен логико-гносеологический сбой.

Диалектика (полилектика) психики. Психика представляет собой довольно сложную систему. Её составляющие: подсознание и сознание. Подсознание: инстинкты, рефлексy, эмоции, настроения, воля, интуиция, память, потребности. У некоторых людей к подсознанию следует отнести экстрасенсорные способности.

Какая связь между экстрасенсорикой и подсознанием? Если я читаю надпись на спичечном коробке с 40 метров - это экстрасенсорное зрение, но почему его следует относить к подсознанию, если это проявление перцептивной функции?

Сознание: осознанность, понимание, мышление. У каждого элемента этой системы – свои особенности, свои специфические связи с другими элементами системы и свои составляющие.

Я бы избегал в текстах статей таких предельно абстрактных суждений, не несущих никакого конкретного знания о предмете.

Формирование психики человека разумного, культурного – это очень сложный осмысленный процесс постепенных изменений, понимания особенностей взаимодействия, взаимовлияния между частями системы – психики.

То, что всё взаимодействует, это и так понятно. Важно показать это взаимодействие, его специфику, на конкретном примере.

Характерной природной особенностью психики является эклектичность, когда люди воспринимают неравноценные объекты психики как равноценные.

Вот это верно, хотя я назвал бы это явление не «эклектичностью», а недостатком способности к генерализации элементов сознания. Данный недостаток проявляется, в частности, в том, что люди не различают «знание» и «мнение», «понятие» и «слово» и т.д.

То есть эклектическая природа психики является одной из причин алогизмов, неадекватного восприятия реальности. Неадекватное человек может воспринимать как адекватное. Так рождаются иллюзии. Так человек становится пленником иллюзий, которые уводят его в сторону от истины. Для таких людей истина становится иллюзорной.

Гносеология и логика. Логика является органической частью процесса познания. При помощи логики человек связывает воедино различные объекты реальности и духовного мира. При помощи логики человек познает такие объекты, которые не могут быть восприняты органами чувств. В таких случаях логика является единственным инструментом гносеологии.

Существует много всяких логик.

Неверно: существует много разделов логики, (о них собственно и ведёт речь автор), но логика как наука о формах мышления – одна.

Нас будут интересовать формальная, диалектическая и модальная логики. Они являются основными инструментами гносеологического процесса, процесса мышления.

Формальная логика требует в процессе мышления следовать определенным законам и правилам.

Диалектическая логика требует в процессе мышления пользоваться законами и категориями диалектики как системой.

Модальность – это восприятие человеком реальности. Рассматривают три модальности: действительности (ассерторическая) – восприятие реальности такой, какая она есть; необходимости (аподиктическая) – восприятие реальности такой, какой с необходимостью она будет; возможности (проблематическая) – восприятие реальности такую, какой она может быть. Примером нару-

шения модальности могут быть суждения из «Манифеста...»: « пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир». Первое предложение и по форме, и по содержанию соответствует модальности действительности. Второе предложение по форме выражено в модальности необходимости, а по содержанию представляет модальность возможности. Возможность и подана, и воспринимается как необходимость. В итоге – иллюзия.

Да, возможность подана в последней фразе как необходимость, но, где же здесь иллюзия? Если необходимость определённого состояния (диктатуры пролетариата) признана таковой, то суждение Маркса о том, что пролетарии приобретут весь мир, должно восприниматься как пророчество, пока не сбывшееся предсказание, но не иллюзия.

Соблюдение требований этих логик обеспечивает адекватность образа реальности в сознании человека. Нарушение этих требований неизбежно формирует неадекватный образ реальности в сознании человека.

Сложность пользования этими логиками заключается в том, что в процессе мышления все эти логики должны использоваться одновременно. Использование одной логики не исключает, а предполагает использование и других логик. Использование каждой из логик предполагает соблюдение всех их требований. Если в процессе мышления на первый план выходит одна какая-нибудь из логик, остальные не исчезают совсем, а только отступают на второй план. Абсолютизация одной из логик и пренебрежение требованиями других логик – дорога к неадекватности, а значит – к иллюзии.

Я бы сказал «...к заблуждению»

Таков процесс логико-гносеологической многофакторности. Это – как панель с приборами перед глазами пилота: нужно следить за всеми показаниями одновременно и моментально реагировать, если в этом возникает необходимость. Среди причин авиакатастроф есть и так называемый «человеческий фактор» – ситуация, когда в силу каких-то обстоятельств пилот не смог вовремя и адекватно отреагировать на показания какого-то прибора.

Чем сложнее объект размышлений, тем больше факторов человек должен держать в поле своего внимания, оперировать этими факторами. Иначе – сбой, неадекватность, субъективизм, иллюзия, похожая на истину, но не сама истина. Чем сложнее объект исследования, тем больше возможностей получить иллюзию вместо объективного понимания реальности.

С позиций вышесказанного попытаемся прикоснуться к некоторым проблемам марксизма.

В материалистической философии существует так называемый основной вопрос философии – что первично: материя или сознание? В зависимости от ответа на этот вопрос люди делятся на материалистов и идеалистов. Принято считать, что материалисты отличаются верностью, объективностью своих мыслей, а идеалисты воспринимают мир неадекватно, значит – ошибаются.

С научной точки зрения такая постановка вопроса некорректна. Прежде, чем его формулировать, очевидно, следует сперва дать определения основным понятиям, а уже потом говорить об их возможном взаимодействии. Как известно, эту проблему рассматривал Ленин В.,

Имеется в виду известное высказывание Ленина, о том, что сперва надо определиться с понятиями, а затем уже начинать дискуссию, иначе толку не будет. Но это высказывание не что иное, как выражение необходимого требования, предъявляемого к интеллектуальной культуре участников спора и никакой особой проблемы в этом требовании нет.

но он ушел от сущностного (онтологического) определения этих понятий.

Каких именно «этих» понятий?

Он ограничился, как принято считать, философским подходом к этой проблеме. Точнее было бы сказать – гносеологическим. И все же, если подходить к проблеме с последовательно объективной научной точки зрения, в формулировке основного вопроса философии есть противоречие. Оно сохраняется и в ленинской трактовке.

Если материя первична, а сознание вторично, значит ли это, что сознание тоже материально? Если сознание материально, тогда в чем проблема: материя породила материю. Если сознание не материально, тогда требуется объяснить, что это за такой процесс, когда материя может производить не материю? Если это не материя, то, что это такое? Ответов на эти вопросы нет.

Такое впечатление, что автор не знаком с работами Э.В.Ильенкова, тогда как это один из ключевых для философии XX века авторов, развивавших идеи диалектического материализма. На страницах его трудов мы и находим тот ответ, которого, по мнению автора данной статьи, «нет». Сознание – предельно диалектично, оно и материально по своему субстрату и идеально,

по форме своего проявления, по типу той деятельности, которое оно осуществляет (мышление). Сами же «материальное» и «идеальное» соотносятся друг с другом по принципу неисключающего взаимопорождения, при котором идеальное возникает, как особая форма движения материального, но при этом не выходит за его пределы, нигде и никогда не теряет своей материальной сущности, но приобретает ту сущность, которую уже нельзя свести к законам материального движения, применимым для объяснения материальных процессов, не приобретших качества идеальности.

Возьмем ленинскую формулировку. Материя – это то, что копируется, фотографируется сознанием.

Ленин достоин того, чтобы процитировать его точно, со ссылкой на ПСС.

Но ведь сознание отражает не только мир материальный. Оно отражает и духовный мир других людей. И опять–таки - вопрос: сознание материально или не материально?

Из этого лабиринта вопросов выход один: понятиям нужно дать последовательное объективное, научное определение. И уже от этой «печки – плясать».

Материя – это изначально сущая, никем не созданная первооснова мироздания, представляющая собой сущностное единство вещества и поля, несущее в себе потенции для саморазвития, самопреобразования, что проявляется в бесконечном разнообразии предметов, процессов и явлений действительности.

Сознание – часть психики. Психика – это состояние самовозбуждения определенной, очень сложной по своей структуре биологической разновидности материи – мозга. Функция психики – регуляция и саморегуляция состояний и процессов, происходящих в организме. Сознание – часть психики, функцией которого является продуцирование состояния осознанности, получение, переработка, хранение и передача информации другим особям. Составной частью психики является подсознание, у которого процессы регулирования состоянием организма и его поведением протекают автоматически, без их осмысления. Материальными носителями психики являются и вещество мозга, и биополе, продуцируемое веществом мозга.

Хорошо бы приводить ссылки, на которые опирается автор, приводя эти определения.

Из этого следует, что сознание так же материально, как и вещество, поскольку является одним из проявлений психики.

Таким образом, проблема не в том, что первично – материя или сознание. Проблема в переработке и понимании многочисленной информации, Проблема в истине или заблуждении. Проблема в верной или ошибочной ориентировке в реальном мире. Проблема в организации мышления. Историческая практика свидетельствует: материалисты ошибаются так же, как и идеалисты. Психика эклектична по своей природе: То есть идеи неравноценные по своей сути человек может принимать за равноценные, иллюзии – за реальность, алогизмы – за правильность.

Все это дает основание основной вопрос гносеологии сформулировать так: кто воспринимает и понимает мир таким, каков он есть в действительности, а кто – заблуждается в восприятии и понимании реального мира? Если заблуждается, то – почему? Идеалист Гегель смог силой мысли проникнуть в глубины бытия и разглядеть там диалектику – закономерности, глубоко спрятанные от сознания человека. Материалист Горбачев М. разрушил державу, которой правил.

Горбачёв не материалист и не идеалист (для того, чтобы по праву называться тем или другим, необходим достаточно высокий уровень интеллектуальной культуры), по моему он просто болтун.

Для кого-то путеводной звездой является истина, для кого-то – иллюзия, которую он принимает за истину. Кто-то – владелец истины, человек свободный. Кто-то – пленник иллюзий, в больших и малых делах; в повседневности и исторических деяниях. Дорога к храму истины выложена булыжниками иллюзий, заблуждений, ошибок. В этой мостовой есть камни, уложенные и материалистами.

Возвратимся к теории марксизма.

Одна из ключевых проблем в теории марксизма – общественно-экономические формации и их смена. Как трактует марксизм, смена формаций детерминирована экономическим фактором: в недрах старой формации зарождаются новые производственные отношения. Их развитие обуславливает углубление противоречий между новым и старым способом производства. Эта борьба в конечном итоге заканчивается революцией, победой нового способа производства. Такой процесс прослеживается по капитализм включительно и рассматривается как историческая закономерность.

В теории марксизма в ряду формаций есть ещё одна – социализм (коммунизм), который должен прийти на смену капитализму в силу исторической

закономерности. Но при этом процесс перехода отличается от процесса, лежащего в основе исторической закономерности: рабочий класс создает свою партию, которая, руководствуясь передовой теорией (То есть – марксизмом), готовит рабочий класс к революции, руководит рабочим классом во время революции и в процессе строительства социализма.

Как видим, в процессе исторической закономерности появляется новая детерминанта смены формаций. Маркс К. не мог наблюдать такого процесса.

Как это «не мог»? Вся жизнь Маркса прошла в бурную эпоху окончательного разложения и гибели феодальных отношений в Европе и интенсивного наступления новой капиталистической формации. На примере Парижской Коммуны Маркс, стал свидетелем и того, как передовые партии готовили пролетариат к революции и руководили им во время революции.

К его описанию он пришел путем размышлений.

Здесь налицо явная непоследовательность, противоречие между фактором, детерминирующим смену формаций по капитализм включительно, и фактором, детерминирующим смену капитализма социализмом. Историческая практика второй половины XIX в. и XX в. не подтвердила историко-логической связи между капитализмом и социализмом в трактовке марксизма. Страны, пришедшие к социализму, шли разными путями.

Пришла ли к социализму хотя бы одна страна в XX веке – это ещё большой вопрос.

Следовательно, если рассматривать цепочку формаций, включая социализм, нужно признать, что закономерность в смене формаций носит иной характер, чем изложено в марксизме. Или признать, что историческая закономерность, детерминированная экономическим фактором, почему-то исчерпала себя на этапе капитализма, и дальнейшее развитие общества уже детерминируется каким-то новым фактором.

Этот вывод из всего вышесказанного никак не вытекает.

Положив в основу закономерности смены формаций экономический фактор, Маркс К. исходил из ответа на основной вопрос философии – материя первична, материальное первично. То есть – здесь налицо логический эффект каскадности, который скрывает подмену детерминанты в объяснении процес-

са смены формаций, и продуцирует новую иллюзию. В этом рассуждении Маркса К. просматривается 4 неадекватности.

1. Ответ на основной вопрос философии. С точки зрения материалистической гносеологии, неоправданна сама формулировка вопроса.

Какого именно вопроса? Вопросы о закономерностях смены экономических формаций? В таком случае необходимо раскрыть этот пункт полнее. Иначе не ясно, почему, собственно говоря, «неоправданна сама формулировка вопроса».

2. Социализм рассматривается как сущая реальность, хотя по своей природе в XIX веке он был всего лишь логической конструкцией. С научной точки зрения, идеи коммунизма можно рассматривать как гипотезы, требующие проверки практикой.

Маркс выработал учение о единстве логического и исторического, с точки зрения которого социализм – не абстрактная «логическая конструкция», а диалектическая противоположность капитализма, (и даже всей триады антагонистических формаций), та противоположность, которой сам капитализм неизменно чреват и которая преследует его как неотступная тень, То есть связана с капитализмом не умозрачительно, а конкретно исторически.

3. Подмена фактора, детерминирующего смену капитализма социализмом.

Да, значимость субъективного фактора существенно возрастает, поскольку капитализм не способен создать специфической социально-экономической базы для коммунизма, таким образом, чтобы он мог вызреть в недрах капитализма, так же как сам капитализм вызревал в недрах феодальной формации. Об этом ещё Троцкий говорил. Поэтому идёт ориентация на революционное ниспровержение капиталистических отношений и высоко превозносится роль авангардной партии и т.д. Всё логично, никаких «неадекватностей».

4. Из сложной системы, составляющей общество (формацию), искусственно выделен один фактор (способ производства) и ему придано решающее значение в процессе смены формаций (ограниченная факторность). Значение фактора гиперболизировано. Вне поля зрения остались другие части системы –

общества. В системе, как известно, все части взаимосвязаны взаимодействием и взаимодействием.

Это справедливо лишь для вульгарно-упрощенческих версий марксизма. В трудах самого Маркса и его талантливейших последователей мы видим органичное сочетание множества факторов: национального характера, роли исторической личности, природного фактора и т.д.

Можно ли считать научно обоснованной теорию, в основе которой имеются логико-гносеологические сбои? Можно ли эффективно реализовать на практике такую теорию?

Какие есть объективные основания для утверждения, что рабочий класс является силой, способной произвести смену капитализма социализмом? Буржуазия и пролетариат – реальные классы. Антагонизм между ними – реальность. Борьба между ними – реальность. А вот потенциальные возможности пролетариата сменить формацию – выведены логически. При этом вывод не обоснован. Из того, что пролетариат – антагонист буржуазии (диалектика, закон единства и борьбы противоположностей), совсем не следует, что он может коренным образом изменить систему. Это – преувеличение реальной значимости фактора. Неадекватность.

Пролетарская революция в России не привела к построению социализма, но социально-экономическую формацию сменила. Переход от архаичного капитализма царских времён к высокоиндустриализированной и огосударствлённой экономике советского типа – это ли не «коренное» «изменение системы», совершённое именно благодаря выходу пролетариата на сцену истории и политической жизни.

В социальных преобразованиях, о которых говорит марксизм, отсутствует объективное, научное обоснование значимости человека – объекта и субъекта всех потенциально возможных преобразований, включая его логико-гносеологические и организаторские потенции. В логико-гносеологической конструкции не учтен значимый фактор. Какова прочность конструкции, в которой не просчитан несущий элемент?

«Человек – ансамбль общественных отношений» иными словами, первично общество, а не человек. Познавать человека можно лишь через общество, порождающее всё многообразие, составляющих его индивидов. Человек это не несущая балка, прочность которой надо было бы просчитывать.

Если в изложении идеи о роли пролетариата имеются реальные объекты – плоды естественноисторического развития общества, то в рассуждении о роли партии преобладает гипотетичность – начиная с теории, о чем речь шла выше, и, кончая потенциальными возможностями партии стать инструментом преобразования общества. Эклектичность психики, логико-гносеологические барьеры, личные интересы – все это труднопреодолимые препятствия для человека, включая и членов партии. Не принимая во внимание этих факторов, нельзя построить объективно последовательную теорию. Историческая практика XX века, когда были предприняты попытки строительства социализма, показали, что партии, ориентированные на марксизм, оказались ненадежным инструментом для преобразования общества.

Хорошо вот так сидеть и критиковать: предложите что-нибудь лучшее. Что на данный момент может быть предложено человечеству, как альтернативная марксизму антикапиталистическая идеология? Анархо-примитивизм?

Ленин В. утверждал, что настоящим марксистом является только тот, кто признает диктатуру пролетариата; что социалистическая революция – это единственное средство покончить с капитализмом. Эти утверждения противоречат материалистической диалектике и исторической практике.

Ну, это уже прямая ложь. Если капитализм и разрушался где-либо (пусть временно) то происходило это именно революционным путём. И материалистической диалектике это не может противоречить, поскольку она сама базируется на должным образом отрефлексированной исторической практике.

Эволюция и революция, демократия и диктатура – это противоположности единого естественноисторического процесса. И та, и другая противоположности имеют свои потенции и могут быть реализованы при наличии определенных обстоятельств. При этом названные противоположности, с точки зрения материалистической диалектики, тоже не однозначны. Они внутренне противоречивы, имеют особенности.

Это никак не подтверждает крайне смелое суждение, сделанное выше.

Революционная диктатура пролетариата в СССР, кроме позитивных сторон, имела и негативные.

Что за кабинетный подход: как будто революция это увеселительная прогулка! Всякая революция имеет как позитивные, так и негативные стороны, но первые искупают вторые. Если имеет место противоположное, то мы уже говорим о контрреволюции.

Гражданская война интервенция принесли миллионные жертвы. Массовая экспроприация за небольшой срок стала сильным ударом по экономике на много лет. Насильственная коллективизация спровоцировала голод. Гражданских прав были лишены не только буржуи, но и крестьяне. Массовая депортация целых народов – уникальное явление в истории человечества.

Ничего подобного: достаточно вспомнить о североамериканских индейцах, загоняемых в резервации.

Преследование инакомыслящих, в то время как инакомыслие – это естественное состояние духовной сферы. Даже внутри самой правящей партии изначально никогда не было полного единомыслия. Партии и обществу навязывались взгляды лидеров партии, которые именовались марксистско-ленинскими, но часто не имели ничего общего с материалистической диалектикой. На словах – признание права на критику, на деле – преследование за критику. Воинствующий атеизм – навязывание силой передовых взглядов. Он тешил организаторов атеистических акций, и обернулся трагедией для миллионов людей – верующих граждан. Миллионные репрессии, проводившиеся с нарушением норм конституции и права. Эти и другие негативные факторы перечеркивают достижения реального социализма и свидетельствуют о том, что мышление организаторов этих деяний не имело ничего общего с материалистической диалектикой и материалистической гносеологией. Попытки реализовать на практике иллюзии неизбежно ведут к краху. Рано или поздно становится очевидным, что за реальность принимался мираж.

Как известно, Ленин В. настаивал на том, что пролетарская революция должна «сосредоточить все силы разрушения» против государственной власти», должна «сломать государственную машину». / Ленин В. Государство и революция. ПСС, т.33,с.31/. Мысль о необходимости сломать государственную машину он повторяет много раз. Но ведь с точки зрения материалистической диалектики разрушение означает прекращение развития. А продолжает процесс развития на новом уровне – преодоление. Ведь революция – совсем не

обязательно – взрыв, вооруженное выступление. Эволюция тоже ведет к революции.

Не потому ли рухнул СССР, что разрушительная сила октябрьской революции была очень велика, а наладить стабильный эволюционный процесс КПСС не сумела?

В течение 70 лет стабильный эволюционный процесс налаживался дважды: в 20-30-е годы и в послевоенные. Конечно, сама КПСС, по мере своего буржуазного перерождения, постепенно теряла способность налаживать стабильный эволюционный процесс, но разрушительная сила октябрьской революции тут уже не причём. Перерождение КПСС связано с процессами диаметрально противоположными тем, которые подготовили Октябрь 1917.

В капиталистической Швеции уровень материальной жизни и многие социальные гарантии намного выше, чем в странах социализма и во многих капиталистических странах. К этому она пришла путем реформ, в рамках буржуазной демократии, под влиянием социал-демократов, которые в свое время вместе с большевиками были членами марксистского Интернационала.

Так называемый «скандинавский социализм» – является результатом компромисса между буржуазными государствами и мировым рабочим движением. Равно как и права профсоюзов, меньшинств, соц. обеспечение и прочий welfare state – выступают социально экономическим результатом этого компромисса. Буржуазия вынуждена была пойти на данный компромисс, под страхом, что инициативу перехватят радикальные левые – коммунисты или анархисты. Если бы не этот страх, социал-демократы ничего не добились бы.

Впрочем, сейчас все их достижения одно за другим выметаются прочь перегруппировавшейся буржуазией, возвращая нас ко временам классического капитализма с растущей эксплуатацией, бесправием рабочих, буржуазно-бандитским террором, империалистическими войнами и всевластием финансового капитала. Welfare state – выжимают как половую тряпку, даже от скандинавского социализма уже мало что осталось.

Необходим новый подъём классовой борьбы, борьбы самых угнетённых, наиболее жестоко эксплуатируемых, тех, у кого, зачастую даже нет доступа к интернету, чьё мнение не спрашивают.

И при капитализме, и при социализме возможны режимы политической и личной диктатуры.

Марксизм оказался теорией, содержащей благородные идеи, но выстроенный на почве логико-гносеологической неадекватности. Может ли такое сооружение быть прочным? Неадекватность в мышлении материалиста ведет к непоследовательному, а значит – к мнимому материализму. К мнимому диалектическому материализму.

Пока неадекватность выявлялась лишь у автора статьи. Неадекватность его представления о марксизме с самим марксизмом, с современным, научным его уровнем.

Когда человек, считающий себя материалистом-диалектиком, утверждает какую-нибудь мысль в абсолютной категорической форме, будучи абсолютно уверен в своей правоте, у него все же, с точки зрения последовательной материалистической диалектики, должно оставаться немного сомнения, исходя из того, что истина и заблуждение – это гносеологические противоположности, между которыми идет постоянная борьба. И в заблуждении может быть доля истины. И в истине может быть доля заблуждения.

Очередная банальность.

В настоящей работе предпринята попытка подойти к некоторым известным положениям марксизма со стороны технологии их формирования. Работа не претендует на полноту изложения обозначенной проблемы. Настоящая работа – это поиск подходов к объяснению трудностей, которые встают на пути реализации теории.

Думается, что процесс реализации благородных идей, имеющих в марксизме, требует несколько иного логико-гносеологического обоснования, которое наиболее полно отвечало бы реальности. То есть было бы научно обосновано. Такое обоснование должно включать анализ истории коммунистического движения, его успехи и поражения; анализ реального социализма в разных странах: анализ капитализма, включая тенденции его развития за последние 150 – 200 лет; анализ особенностей рабочего движения за такое же время; анализ историй деятельности компартий, проблем партийного строительства, и, конечно же, – характеристику человека, его потенциалов.

Пока что подвижек в этом направлении почти не наблюдается.

Это высказывание демонстрирует лишь то, что автор плохо знаком с современной марксистской и – шире – социалистической литературой.

Осколки КПСС, ставшие самостоятельными партиями, повторяют идеи столетней давности, не пытаясь их критически осмыслить, сравнить теорию с практикой ее реализации.

В силу эклектичности психики, люди склонны к субъективизму. Даже материалисты. Субъективизм многолик. Неадекватный материализм – это тоже субъективизм. Такая уж диалектика с гносеологией.

Это не научный стиль.

Очевидно, для участников борьбы за лучшее будущее людей труда недостаточно установки на борьбу с буржуазией и ненависть к эксплуататорам. Обязательным условием этого движения является необходимость адекватного диалектико-материалистического мышления. Как минимум – у организаторов, лидеров этого движения. Нужна серьезная работа по переосмыслению ряда положений теории марксизма. И чем раньше это будет сделано, тем успешнее будет борьба трудящихся за свои права.

Вывод: разговоры о необходимости переосмысления положений марксизма ведутся уже давно. Интересы заслуживает лишь тот текст, который предлагает хотя бы попытку такого переосмысления. Ничего подобного в данном тексте мы не находим.

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

И. Макаров

Для кого предназначена эта статья? Для тех, кто хочет овладеть диалектическим стилем мышления. Для тех, кто в поиске истины опирается не на авторитет гения, не на приказ вышестоящего, не на то, что это так принято или записано в официальном документе. Это необходимо тому, кто сам хочет определять достаточность исходных посылок, доказывать их истинность и нести всю полноту ответственности, вытекающую из признания себя критерием истины. Кто, подвергая сомнению все и вся, в первую очередь начинает процесс очищения от пут субъективности с себя самого. Не познав себя, браться за познание, а тем более за практическое переустройство окружающего человека мира бессмысленно. Тот, кто соглашается с тем, что «надо меньше рассуждать, а больше делать» – рано или поздно превратится в раба чужой воли. В данном случае «меньше» определять должны мы сами, руководствуясь лишь тем уровнем понимания, который считаем для себя нужным. Главный враг для нас здесь не трудность решаемого вопроса, а та легкость, с которой мы откатываемся в своем развитии назад, прикрывая процесс деградации целыми крепостями жизненных обстоятельств, нехваткой времени, достаточностью рассуждений здравого смысла, опирающегося на законы формальной логики. Рассудочное бытие определяет рассудочное сознание. Плохо ли это? Отнюдь нет, если речь идет о превращении общепринятых норм человеческого общежития в привычку. Другой вопрос, не устарели ли эти нормы? Не пора ли лишить их статуса общепринятых? Говоря словами известного героя: «Твари мы дрожащие или право имеем?» Но действительно ли общественное зло заслуживает своей казни, или казни заслуживаем мы за свое нетерпение и неумение его ликвидировать? Не приумножим ли мы его своими бездарными потугами?

История общественной жизни консервативна не потому, что ей чуждо развитие, а потому что порой очень высока цена ее нового уровня. Старение начинается с рождения, но каждый ли из нас желает умереть в срок назначенный другим, более молодым и здоровым? Большинство из нас понимает, что, например, человеческое тело, как и любой другой материальный продукт природы или производства, подвержено естественному разрушению, переходу в нечто иное и что только в этом переходе оно обретает свое бессмертие. Другое дело – человеческое сознание, особенно в его общественной форме.

Общественное сознание, носителем которого является конкретный человек, никогда не исчезало естественным образом, его всегда уничтожали, вспомним смену язычества христианством, его распространение и т.п. примеры.

Тех, кто был не в состоянии вынести подобной «сшибки в своей голове», т.е. смены аксиологических (ценностных) ориентиров, ждали своеобразные «гулаги» и нары «матросской тишины». Да и как иначе? Воспитанные в духе начетничества и догматизма, они были самыми лучшими, образцовыми последователями своих кумиров старого сознания. Именно за это слепое подчинение чужим взглядам они и страдали. И только те, кто не особо тяготился грузом догм, либо был безразличен к появлению новых вместо старых (что в большей мере относится к молодежи), приспособлялись к требованиям новой жизни. В первом случае перед нами позиция непримиримых догматиков - ортодоксов, а во втором – беспринципных догматиков (вертодоксов).

Однако, несмотря на разность двух вышеозначенных позиций, они схожи в одном – в безразличии к голосу своего собственного разума, желанию (хотя порой и не осознанном) жить в мире иллюзий, навязанных сверху.

Мы считаем, что мещанскому, обывательскому образу жизни надо противопоставить активную позицию человека, человека с большой буквы. Вспомним слова А.П. Чехова: «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку... Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа». Вот то главное, что, на наш взгляд, делает изучение диалектического стиля мышления актуальным сегодня. Призыв к овладению этим стилем и помощь в познании его тайн и есть одна из самых главных задач настоящего журнала.

С чего следует начать? Какую избрать стратегию и тактику познания? Мы думаем, что самым плодотворным подходом в решении этих вопросов будет кропотливый анализ трудов таких выдающихся мыслителей как Гегель и Маркс. Мы считаем, что параллельное исследование «Науки логики» и «Капитала» даст нам богатый материал как для понимания и овладения, так и для применения на практике всех теоретических достижений в области человеческого мышления.

Проводя этот анализ, мы будем стараться искать свою опору в самых серьезных трудах и в меру своих способностей излагать сложные вопросы популярно.

Логика Гегеля

Прежде чем непосредственно приступить к анализу логики Гегеля, мы предлагаем читателю разобраться с другими, очень существенными, на наш взгляд, вопросами.

Во-первых, почему для философии проблемы логики стали ее собственными?

Во-вторых, чем старая логика не угодила мышлению?

Ответом на первый вопрос является кризис философии как науки. «Где теперь, – пишет Гегель в предисловии к первому изданию «Наука логики», – ...смеют еще раздаваться голоса прежней онтологии (см.словарь), рациональной психологии, космологии или даже естественной теологии?»/Гегель. Наука логики. (далее – Н.Л.) Т.1.С.75/. Интерес к прежней метафизике, продолжает он, утрачен. Кантовская философия провозгласила, что рассудок не вправе перешагивать область опыта, в противном случае он превращается в теоретический разум, который порождает только химеры. Такой подход очень хорошо отражал требование времени, «направляющее взор людей на непосредственные нужды»/Там же.С.76/. В обществе все более и более укреплялось мнение, что главное для познания – опыт, который необходим также для достижения успехов как в частной, так и в общественной жизни. Таким образом, «наука и здравый человеческий смысл способствовали крушению метафизики», свидетельствует Гегель /Там же.С.76/.

Логика в отличии от метафизики испытала не столь печальную участь. Однако, предрассудок, будто логика научает мыслить исчез. Ведь нельзя же «благодаря изучению анатомии и физиологии научиться переваривать пищу и двигаться», – подчеркивает Гегель /Там же/. Поэтому дух практичности готовил серьезные испытания и логике.

Чем же должна тогда заниматься философия или, в понятийном варианте Гегеля, – метафизика? Отвечая на этот вопрос, он пишет: «философия должна сделать предметом мышления само мышление»/Энциклопедия философских наук. (далее – Э.Ф.Н.) Т.1. С.102/. Если у философского мышления естественные науки отняли объект для изучения, то, соответственно, не остается ничего кроме как исследовать само это мышление. А поскольку мышление подчиняется законам логики, то философия и переключает свое внимание на них. Метафизика, или чистая, спекулятивная философия, таким образом, становится логической наукой /Н.Л. – Т.1.С.78/.

Вот почему проблемы старой логики стали проблемами самой метафизики, теперь ради спасения философии необходимо было найти способ их преодоления. И он был найден Гегелем.

Спекулятивная логика, принимая на себя груз этих проблем, включает в себя предшествующую логику и метафизику, но вместе с тем развивает и преобразовывает их дальше с помощью новых категорий. Гегель предложил принципиально новый подход к решению логических задач. Если старая логика опиралась на непротиворечивость как основной принцип в своей познава-

тельной деятельности, то в новом своем облики, она опирается на прямо противоположный – принцип противоречивости. Если в прежней упор делался на моменте фиксации в виде «S есть P» как нечто неизблемом и абсолютном, то теперь, данная фиксация стала носить промежуточный, относительный характер. Все внимание теперь сосредоточено на связке «есть». Именно она становится искомым предикатом «Р». Таким образом, логика понятий превратилась в логику отношений. Понятие стало «текучим», ибо, будучи определяемо через другое отношение, выходило через него на следующее и так далее, вплоть до момента полного логического исчерпывания содержания первоначального. Поскольку отношение всегда предполагает отношение чего-то к чему-то, то у Гегеля это отношение между противоположностями. Но в силу того, что последние тоже суть отношения между противоположностями, Гегель приходит к признанию логического понятия как отношения между прямо противоположными отношениями. Но где же тогда логические рамки понятия? Они определяются моментом перехода к следующему отношению, моментом, когда противоположности становятся тождественными, превращаясь, поэтому, в нечто целое, способное теперь уже само противопоставлять, соотноситься с другим противоположным понятием. В соответствии с вышеизложенным принципом, и вся гегелевская философия делится на три части, каждая из которых представляет замкнутый в себе круг. Поскольку отдельный круг «прорывает границу своей определенности и служит основанием более обширной сферы», философия как целое также есть круг, в котором первые три суть моменты /Э.Ф.Н. – Т.1.С.100/. Такими моментами являются:

I. Логика как наука об идее в себе и для себя.

II. Философия природы как наука об идее в ее инобытии.

III. Философия духа как идея, возвращающаяся в самое себя из своего небытия.

Чтобы мы смогли осознать философию как целостную науку, Гегель отправляет нас в далекое путешествие вслед за саморазвивающейся идеей, чье содержание, постоянно обогащаясь, перетекает из одного понятия в другое. Такое движение понятий образует цепочку, состоящую из триад (см. словарь) к анализу которой мы и переходим.

«Тайна» гегелевской триады

Уже первое знакомство с философией Гегеля представило нашему взору первую триаду и принцип ее построения. Согласно последнему, входящие в нее части есть также триады, а части последних – аналогично и т.д. В сознании сразу возникает ассоциация с цепной реакцией ядерного распада. Однако, здесь

данный образ неуместен и ошибочен. Логический «распад» понятий философии Гегеля, во-первых, линейен, а во-вторых, осуществляется в «прямообратном» направлении. Тот, чье мышление привыкло к законам формальной логики, возмутится - этого не может быть! Что это за линейное прямообратное движение? Оставим пока этот вопрос без ответа, отослав наиболее неугомонных на мифопоэтический уровень заявив: воспринимайте все это как сказку. Для нас сейчас актуален другой вопрос – где предел логического дробления и чем он обусловлен?

Сравним две «Науки логики» – «Науку логики» как отдельное произведение и ее же, но в составе другого – «Энциклопедии философских наук».

Как самостоятельное произведение «Наука логики» содержит четко обозначенных 40 триад из которых одна является «прародительницей» других. Соответственно в данном произведении логическому распаду подвержено 121 понятие, раскрывая сущность главного. Однако нельзя отметить тот факт, что в отдельных случаях принцип распада, в отношении отдельных категорий, продолжается намного глубже, чем у других. Например, категория «конечность» распавшись на дополнительную триаду а), б), с), в последней части с) распадается еще на одну дополнительную триаду - альфа), бета), сигма). Мы, в дальнейшем, будем исходить из 27 основных триад, охватывающих 81 категорию в Науке логики.

«Наука логики» как часть «Энциклопедии философских наук» со держит 12 триад или 37 логических понятий. Строго говоря, эта «Малая логика» должна для «симметрии» содержать 13 триад, но в первом разделе в пункте «С. Мера» дробление данной категории на триаду подобно другим пунктам не производится.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что процесс распада на триады обусловлен не только принципом диалектики, создающим пропорциональный структурный поток основных категорий и входящих в них понятий, но и принципом достаточной необходимости, доказывающего логическую исчерпанность, завершенность данной категории, исходя из общего понятийного объема. Как при таком подходе избежать обвинений в субъективности?

Устранению субъективности должен способствовать, с точки зрения Гегеля, во-первых, принцип историзма, руководствуясь которым, философ должен подходить к созданию своей системы не произвольно, а учитывая весь предшествующий до него опыт. «Последнее по времени философское учение, - пишет он в «Энциклопедии философских наук», – есть результат всех предшествующих философских учений и должно поэтому содержать в себе принципы всех их.» /Э.Ф.Н. – Т.1. С.99/. Во-вторых, отбор данных принципов должен осуществляться исходя принципа развития исследуемой идеи. Только при та-

ком сочетании исторического и логического, утверждает Гегель, возможно избежать ошибок субъективистского толка. Мы уже знаем, что предметом своей философии он избрал мышление. Поэтому, создавая его логическую конструкцию как последний и всеобъемлющий принцип, содержащий в себе «все особенные принципы», он имел полное право заявить наряду с другими философами о том, что данная конструкция завершена и абсолютна. Но Гегель требует большего. Он утверждает, что его конструкция последняя в этом историческом ряду, другой уже не будет, ибо главная задача мышления – достижение им абсолютной истины, решена полностью. То, ради чего развивалось мышление нашло наконец свое воплощение в его системе и потому дальнейшее его развитие теряет свой смысл. Здесь принято говорить о противоречии диалектического метода Гегеля и его системы. Но в рамках какой парадигмы (см. словарь) это утверждается? В диалектико-материалистической или диалектико-идеалистической? В границах первой, на наш взгляд, да. В границах второй – нет. В последнем случае это не происходит на наш взгляд потому, что та цель, к которой стремилось предшествующее метафизическое мышление, была действительно достигнута. Скептицизм и догматизм как формы его проявления были преодолены, проблемы стоявшие перед ним были разрешены, а его мечта об абсолютной истине была достигнута. Другой вопрос – являлась ли эта форма человеческого мышления последней в историческом аспекте как и понимание им абсолютной истины? Безусловно нет. Но как же тогда относиться к заявлениям Гегеля? Ответим словами не столь категоричного Маркса: «Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни». /К.Маркс. К критике политической экономии. Т.13. С.7/. Маркс предложил миру новую «абсолютную» систему философии, взяв от предшествующей ее самый ценный «особенный принцип» – диалектический метод. Но об этом новом – диалектико-материалистическом мышлении, его логике и парадигме, мы будем говорить в следующем параграфе настоящего раздела.

Итак, поскольку философская система Гегеля начинается с логики, где идея находится в состоянии «в себе и для себя», то и мы, естественно, начинаем свой анализ логический анализ диалектической рефлексии с нее (стр. указаны по книгам из серии «Философское наследие» 1970-1974 г.г. изд.).

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ФИЛОСОФСКИХ НАУК. ТОМ ПЕРВЫЙ

ЛОГИКА РАСПАДАЕТСЯ НА ТРИ ЧАСТИ:

1. Учение о бытии (качество – количество – мера). Мысль в ее непосредственности – о понятии *в себе*.

2. Учение о сущности (сущность – явление – действительность). Мысль в ее рефлексии и опосредствовании – о *для-себя-бытии* и видимости понятия.

3. Учение о понятии и идее (субъект – объект – идея). Мысль в ее возвращении в самое себя и о ее развитии у-себя-бытии - о понятии *в себе* и *для себя*.

Что есть понятие?

ПОНЯТИЕ ЕСТЬ ИСТИНА

есть истина бытия и сущности

бытие и сущность в их изолированности рассматривается как неистинные,
так как

БЫТИЕ есть лишь НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ.

СУЩНОСТЬ есть лишь ОПОСРЕДОВАННОЕ.

Почему же логику начинаем с неистинного – бытия?

Истина (понятие) именно как таковая должна ДОКАЗАТЬ себя,
а такое доказательство здесь, в рамках логики, состоит в том, что

ПОНЯТИЕ

(Учение о понятии)

ПОКАЗЫВАЕТ СЕБЯ ОПОСРЕДОВАННЫМ

(Учение о сущности) через

С.214:

себя и самим собой и, следовательно, вместе с тем истинно непосредственным (Учение о бытии).

Религиозная трактовка: бог (Учение о понятии) есть истина, чтобы его познать надо признать сотворенную им природу (Учение о бытии) и конечный дух (Учение о сущности) неистинными.

Вывод:

С.213:

ДОКАЗАТЬ означает в философии ПОКАЗАТЬ как предмет через самого себя делает себя тем, что он есть.

НАУКА ЛОГИКИ. ТОМ ПЕРВЫЙ.

Учение о бытии.

С чего следует начинать науку?

С.124:

Если ПРЕЖНЕЕ абстрактное МЫШЛЕНИЕ сначала интересуется только принципом как содержанием,

то

(ТЕПЕРЕШНЕЕ МЫШЛЕНИЕ) понимает также и субъективную деятельность как существенный момент объективной истины,

и возникает потребность

в соединении метода с содержанием, формы с принципом.

Здесь мы должны только рассмотреть, как выступает

ЛОГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО.

Его можно понимать двояко –

1. Как результат, полученный опосредованно

или

2. Как подлинное начало, взятое непосредственно.

С.125:

В феноменологии духа непосредственное сознание есть первое...

и стало быть, служит предпосылкой;

В ЛОГИКЕ же ПРЕДПОСЫЛКОЙ СЛУЖИТ то, что оказалось результатом указанного исследования – ИДЕЯ КАК ЧИСТОЕ ЗНАНИЕ.

С.126:

ЧИСТОЕ ЗНАНИЕ... ЕСТЬ то, что лишено различий (потому оно – И.М.) перестает быть знанием, теперь имеется только ПРОСТАЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ.

Простая непосредственность ЕСТЬ поэтому ЧИСТОЕ БЫТИЕ.

Подобно тому как

ЧИСТОЕ ЗНАНИЕ не должно означать ничего другого, кроме знания, как такового взятого совершенно абстрактно,

так и

ЧИСТОЕ БЫТИЕ не должно означать ничего другого, кроме бытия вообще; бытие – и ничего больше, бытие без всякого дальнейшего определения и наполнения.

Таким образом,

НАЧАЛО ДОЛЖНО БЫТЬ АБСОЛЮТНЫМ

АБСТРАКТНЫМ НАЧАЛОМ;

оно ничего не должно предполагать,

ничем не должно быть опосредованно и

не должно иметь какое-либо основание;

наоборот,

ОНО САМО ДОЛЖНО БЫТЬ ОСНОВАНИЕМ ВСЕЙ НАУКИ.

С.128:

ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД СОСТОИТ НЕ В ТОМ,

что выводится лишь нечто иное
или
совершается переход в нечто истинное иное, а,
поскольку
такой переход имеет место, он снова снимает себя.

Таким образом,
НАЧАЛО ФИЛОСОФИИ ЕСТЬ НАЛИЧНАЯ И СОХРАНЯЮЩАЯСЯ
НА ВСЕХ ПОСЛЕДУЮЩИХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ОСНОВА,
ЕСТЬ ТО, что остается всецело

имманентным своим дальнейшим определениям.

С.129:

Движение познания должно определяться природой вещей и самого содержания. Здесь дело обстоит не так, как в тех построениях, которые приходится делать для доказательства геометрической теоремы.

ЧИСТОЕ БЫТИЕ есть то единство, в которое возвращается
чистое знание.

ЧИСТОЕ БЫТИЕ, ЭТО АБСОЛЮТНО НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ
есть также

И АБСОЛЮТНО ОПОСРЕДОВАННОЕ.

Но

в своей односторонности как чисто непосредственное оно берется здесь как начало.

Поскольку

оно не было бы этой чистой неопределенностью,

Поскольку

оно было бы определенным,

то

мы бы его брали как опосредствованное, уже развитое далее; ВСЯКОЕ
ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОДЕРЖИТ НЕКОЕ ИНОЕ, присоединяющееся к чему-то
первому.

СЛЕДОВАТЕЛЬНО,

ПРИРОДА самого НАЧАЛА ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ ОНО БЫЛО БЫ-
ТИЕМ

И

БОЛЬШЕ НИЧЕМ.

Бытие поэтому не нуждается для своего вхождения в философию и в никаких посторонних размышлениях или исходных пунктах.

С.136:

В Ы В О Д: Итак, что бы ни высказывали о бытии в более богатых формах представления об абсолютном или боге, или что бы в них ни содержалось,

В НАЧАЛЕ

ЭТО лишь ПУСТОЕ СЛОВО И ТОЛЬКО БЫТИЕ.

ЭТО ПРОСТОЕ, не имеющее в общем никакого дальнейшего значения,
ЭТО ПУСТОЕ ЕСТЬ, СТАЛО БЫТЬ, БЕЗУСЛОВНО НАЧАЛО ФИЛОСОФИИ.

Общее деление бытия

С.136:

БЫТИЕ, ВО-ПЕРВЫХ, ОПРЕДЕЛЕНО ВООБЩЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНОМУ.

Согласно (этому) определению БЫТИЕ отделяет себя от сущности, ПОКАЗЫВАЯ в дальнейшем своем развитии свою целокупность лишь КАК ОДНУ СФЕРУ ПОНЯТИЯ и противопоставляя ей как момент некоторую другую сферу.

(БЫТИЕ), ВО-ВТОРЫХ, ОПРЕДЕЛЯЕТ СЕБЯ ВНУТРИ САМОГО СЕБЯ.

С.137:

Согласно (этому) определению (бытие) есть сфера, в которую входят определения и все движение его рефлексии. В ней бытие полагает себя в трех следующих определениях:

1. Как *определенность*, как таковая: КАЧЕСТВО.
2. Как *снятая* определенность: *величина*, КОЛИЧЕСТВО.
3. Как *качественно* определенное *количество*: МЕРА.

С.136:

(БЫТИЕ), В-ТРЕТЬИХ, ЕСЛИ ОТБРОСИТЬ ЭТО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ, бытие ЕСТЬ ТА АБСТРАКТНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ, В КОТОРОЙ ОНО ДОЛЖНО СЛУЖИТЬ НАЧАЛОМ.

С.138:

Третье определение бытия входит в РАЗДЕЛ О КАЧЕСТВЕ, ибо бытие как абстрактная непосредственность низводит себя до ЕДИНИЧНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ, противостоящей внутри его сферы другим его определенностям.

* * *

Раздел первый ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ (КАЧЕСТВО)

С.139:

Бытие есть неопределенное непосредственное. Оно свободно от определенности по отношению к сущности, равно как и от всякой определенности, которую оно может обрести внутри самого себя. Это лишенное рефлексии бытие есть бытие, как оно есть непосредственно лишь в самом себе.

Так как оно неопределенно, то оно бескачественное бытие. Однако *в себе* ему присущ, характер неопределенности лишь в противоположность *определенному* или *качественному*. Но бытию вообще противостоит *определенное* бытие, как таковое, а благодаря этому сама его неопределенность составляет его

качество. Тем самым обнаружится, что *первое бытие есть определенное в себе* и то, следовательно, во-вторых, *оно* переходит в наличное бытие, *есть наличное бытие*, но это последнее как конечное бытие снимает себя и переходит в бесконечное соотношение бытия с самим собой, переходит, в-третьих, *в для-себя-бытие*.

Глава первая

БЫТИЕ

А. БЫТИЕ

С.139-140:

Бытие, чистое бытие – без всякого дальнейшего определения. В своей неопределенной непосредственности оно равно лишь самому себе, а также не неравно в отношении иного, не имеет никакого различия ни внутри себя, ни по отношению к внешнему. Если бы в бытии было какое-либо различимое определение или содержание или же оно благодаря этому было бы положено как отличное от некоего иного, то оно не сохранило бы свою чистоту. Бытие есть чистая неопределенность и пустота. - В нем нечего созерцать, если здесь может идти речь о созерцании, иначе говоря, оно есть только само это чистое, пустое созерцание. В нем также нет ничего такого, что можно было бы мыслить, иначе говоря, оно равным образом лишь это пустое мышление. Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле ничто и не более и не менее, как ничто.

В. НИЧТО

С.140:

Ничто, чистое ничто; оно простое равенство с самим собой, совершенная пустота, отсутствие определений и содержания; неразличенность в самом себе. - Насколько здесь можно говорить о созерцании или мышлении, следует сказать, что считается безразличным, созерцаем ли мы, или мыслим ли мы нечто или ничто. Следовательно, выражение «созерцать или мыслить ничто» что-то означает. Мы проводим различие между нечто и ничто; таким образом, ничто есть (существует) в нашем созерцании или мышлении; или, вернее, оно само пустое созерцание и мышление; и оно есть то же пустое созерцание или мышление, что и чистое бытие. - Ничто есть, стало быть, то же определение или, вернее, то же отсутствие определений и, значит, вообще то же, что и чистое бытие.

С. СТАНОВЛЕНИЕ

С.140-141:

1. Единство бытия и ничто. *Чистое бытие и чистое ничто есть*, следовательно, *одно и то же*; Истина – это не бытие и не ничто, она состоит в том,

что бытие не переходит, а перешло в ничто, и ничто не переходит, а перешло в бытие. Но точно также истина не есть их неразличенность, она состоит в том что они не одно и то же, что они абсолютно различны, но также нераздельны и неразделимы и что *каждое из них непосредственно исчезает в своей противоположности*. Их истина есть, следовательно, это движение непосредственного исчезновения одного в другом: *становление*; такое движение, в котором они оба различны, но благодаря такому различию, которое столь же непосредственно растворилось.

* * *

Что можно сказать о прочитанном?

Все чересчур абстрактно и трудно воспринимаемо. Поэтому попробуем прочитать это еще раз, в виде конспекта вышеприведенного отрывка Лениным /См.: П.С.С. - Т. 29. С. 92-94/.

В.И.ЛЕНИН

Философские тетради

Конспект книги Гегеля «Наука логики»

**УЧЕНИЕ О БЫТИИ
С ЧЕГО СЛЕДУЕТ НАЧИНАТЬ НАУКУ?**

(59) [49]... (между прочим).

Тема логики.

«природа познания» (см.: стр.61[51]) Сравнить с «гносеологией» ныне.)

NB(60) [50]... «Нет» (курсив Гегеля) «ничего ни на небе, ни в природе, ни в духе, ни где бы то ни было, что не содержало бы вместе и непосредственности и опосредствования»...

1) Небо - природа - дух. Небо долой: материализм.

2) Все опосредствовано, связано в едином, связано переходами.

Долой небо - закономерная связь всего (п р о ц е с с а) мира.

(62) [52] «Логика есть чистая наука, т. е. чистое знание во ВСЕМ объеме его РАЗВИТИЯ»...

1-ая строка ахиня.

2-ая гениальна.

К.МАРКС

Нищета философии.

Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона.

/Соб.соч. Т.4. С.131-132/

Об этом абсолютном методе Гегель говорит следующим образом: «Метод есть абсолютная, единственная, высшая, бесконечная сила, которой никакой объект не может оказывать сопротивление; это есть стремление разума обрести и познать самого себя в каждой вещи» («Логика», т. III).

Итак, что же такое этот абсолютный метод? Абстракция движения. Что такое абстракция движения? Движение в абстрактном виде.

Что такое движение в абстрактном виде? Чисто логическая формула движения или движение чистого разума. В чем состоит движение чистого разума? В том, что он полагает себя, противопоставляет себя самому себе и сочетается с самим собой, в том, что он формулирует себя как тезис, антитезис и синтез, или еще в том, что он себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание.

Каким образом разум делает так, что он себя утверждает или полагает в виде той или другой определенной категории? Это уж дело самого разума и его апологетов.

Но раз он достиг того, что положил себя как тезис, то этот тезис, эта мысль, противопоставляясь сама себе, раздваивается на две мысли, противоречащие одна другой, – на положительное и отрицательное, на «да» и «нет». Борьба этих двух заключенных в антитезисе антагонистических элементов образует диалектическое движение. «Да» превращается в «нет», «нет» превращается в «да», «да» становится одновременно и «да» и «нет», «нет» становятся одновременно и «нет» и «да». Таким путем противоположности взаимно уравновешиваются, нейтрализуют и парализуют друг друга. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль - их синтез. Эта новая мысль опять раздваивается на две противоречащие друг другу мысли, которые, в свою очередь, сливаются в новый синтез. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория, и имеет в качестве своего антитезиса другую, противоречащую ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается новая группа мыслей - их синтез. Как из диалектического движения простых категорий рождается группа, так из диалектического движения групп возникает ряд, а диалектическое движение рядов порождает всю систему в целом.

КОММЕНТАРИИ:

Теперь, получив предварительные разъяснения, перейдем к более подробному изучению метода и системы Гегеля.

СХЕМА ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ГЕГЕЛЯ

Парадигма Гегеля

Как сказать просто о сложном? Многие выходят из положения обращаясь за помощью к авторитетам. Разве есть в этом грех? В нашем случае это ссылка на Маркса. У других – тоже, в чем разница? Судите сами. Так в книге В.А. Малинина «Диалектика Гегеля и антигегельянство» последний пишет: «Маркс изобразил дух бесконечного движения, подразумеваемый гегелевской триадой, в виде следующей схемы

"Да	Да	Да-1	Да-1	Да-2..." /С.103-104/.
	Нет	Да-1	Нет-1	

Поскольку ссылка дана на приведенный нами отрывок из «Нищеты философии», мы предоставляем нашим читателям возможность самим убедиться в низведении простоты в примитивизм, искажающий саму суть триады. Ошибка Малинина не случайна, она присуща многим произведениям о диалектике, авторы которых, в силу известных причин, не могли преодолеть авторитарного духа «марксистской» идеологии.

В философии Гегеля много недочетов и проблем, но нельзя критикуя его, приписывать ему то, что противоречит не только его основным взглядам, но и просто здравому смыслу. Вот что, например, пишет В.А. Малинин о самой первой триаде из «Науки логики»: «Исходный пункт движения познающего самого себя диалектического разума чистое бытие, ничто – «без всякого дальнейшего определения». Гегель в соответствии со своим пониманием отрицательности, казалось бы, должен заметить, что его утверждение «без всякого дальнейшего определения» есть уже определение, хотя и отрицательного порядка; но в данном случае он проходит мимо этого явного нарушения своих собственных указаний». /Там же. С.105/. Так ли это на самом деле? Мы уже говорили, что диалектическая логика Гегеля – это реакция на проблемы формальной логики, нашедшие свое воплощение в метафизическом стиле мышления. Поэтому Гегель не мог «пройти мимо» нарушения не только своих, но и чужих указаний в подобной ситуации. На наш взгляд это принципиально важно и потому разберем этот случай подробно.

В истории философии уже был аналогичный прецедент. Так скептицизм в лице Секста Эмпирика, уходя от подобного обвинения, распространил вывод о вероятности наших знаний не только на утверждения догматиков, но и на свои собственные. Таким образом, по мнению Секста, была создана теория, не только противостоящая как позитивному, так и негативному догматизму, но и абсолютно не имеющая в себе ни одного из их понятий, исходя из которых можно было бы установить с ними хоть какую-нибудь связь. То есть, отрицание всего и вся, в том числе и самого отрицания как такового.

Гегель решил эту проблему для себя несколько иначе. «Выслушав» вышеизложенные упреки об одном из своих утверждений о характере бытия как начала, он на стр.126, далее на стр.129, а еще лучше, на наш взгляд, на стр.139 первого тома «Наука логики» поясняет:

«Бытие есть неопределенное....

Так как оно неопределенно, то оно бескачественное бытие. Однако в себе ему присущ, характер неопределенности лишь в противоположность определенному или качественному. Но бытию вообще противостоит определенное бытие, как таковое, а благодаря этому сама его неопределенность составляет его качество. Тем самым обнаружится, что первое бытие есть определенное в себе».

Для метафизика здесь сплошная бессмыслица: «бытие есть неопределенное» и тут же – «бытие есть определенное». И он сразу требует держаться ИЛИ того, ИЛИ другого. Как может быть истинным утверждение «бытие есть неопределенное», если оно само в нем определено?

Для диалектика здесь все наполнено смыслом, ибо для него однополярного понятия «да» или «нет» не существует. Каждое понятие, которым он пользуется двуполярно и двуедино. Даже раздваиваясь, оно не теряет своего основного качества. Логика Гегеля это непрерывный поток таких понятий, выхватив же из него какое-нибудь понятие, мы держим в своих руках уже нечто другое. На наш взгляд парадигма логики Гегеля заключается в следующем:

1. «Нет ничего ни на небе, ни на земле, что не содержало бы в себе и бытие и ничто» /С.143/.

2. «Так как единство бытия и ничто раз и навсегда лежит в основе как первая истина и составляет стихию всего последующего, то помимо самого становления все дальнейшие логические определения: наличное бытие, качество, да и вообще все категории философии служат примерами этого единства» /Там же/.

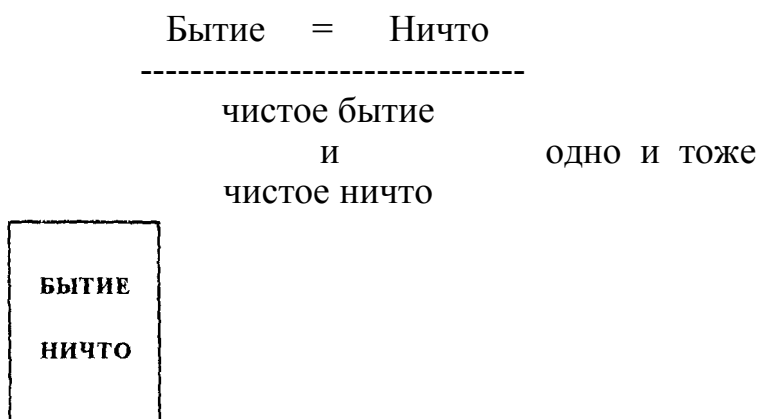
Вспомним, с чего начинается первая триада в логике Гегеля? С чистого бытия. В чем его двуединство? В том, что оно в своей чистоте неразлично. От чего неразлично? От своей противоположности. Такой противоположностью является чистое ничто. Их «чистота» – это условие их неразделимости и

неразличимости, именно поэтому для нашего мышления они одно и то же. А что дальше? Дальше начинается анализ этого неразличимого и неразделимого понятия. Метод Гегеля – это абстракция движения, т.е. движение в абстрактном виде согласно определенной логической формуле чистого разума. С этой формулой мы уже встречались в «Ницете философии» Маркса, поэтому, не приводя ее, попробуем наполнить ее содержанием рассматриваемой триады в виде пояснений, которые либо максимально приближены к оригиналу текста, либо полностью совпадают с ним. (Для желающих проверить точность наших пояснений по оригиналу «Наука логики», мы указываем соответствующие страницы).

ПЕРВОЕ ПОЯСНЕНИЕ: КАТЕГОРИИ РЕФЛЕКСИИ

1. Область созерцания целого.

С.140:

2. Область анализа.

СТАНОВЛЕНИЕ есть нераздельность бытия и ничто.

3. Область синтеза.

КАК ЕДИНСТВО
 БЫТИЯ
 и
 НИЧТО
 оно есть это ОПРЕДЕЛЕННОЕ ЕДИНСТВО, или,
 иначе говоря,
 такое ЕДИНСТВО
 в котором есть И бытие И ничто
 НО

3. Бытия и ничто вообще;
но в то же время

СТАНОВЛЕНИЕ основывается НА РАЗЛИЧИИ ПОСЛЕДНИХ. следовательно
СТАНОВЛЕНИЕ противоречит себе ВНУТРИ САМОГО СЕБЯ, так как соединяет
в себе нечто противоположное себе; **но**

ТАКОЕ СОЕДИНЕНИЕ РАЗРУШАЕТ СЕБЯ.

Этот результат **ЕСТЬ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ, НО НЕ КАК НИЧТО**; иначе этот ре-
зультат был бы лишь возвратом К ОДНОМУ из уже снятых определений, а не
результатом

НИЧТО и БЫТИЯ
(т.е. двух).

Этот результат есть СТАВШЕЕ спокойной простотой ЕДИНСТВО бытия
и ничто. Но спокойная простота есть бытие, **однако**

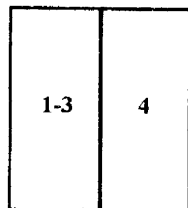
БЫТИЕ уже более НЕ ДЛЯ СЕБЯ, а БЫТИЕ КАК ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛО-
ГО.

СТАНОВЛЕНИЕ КАК ПЕРЕХОД В ТАКОЕ ЕДИНСТВО, которое дано
как сущее или, иначе говоря, имеет вид одностороннего единства этих момен-
тов, **ЕСТЬ НАЛИЧНОЕ БЫТИЕ.**

Схема Наличного бытия

Анализируя эту схему можно озадачить себя вопросом: почему в левой ча-
сти Наличного Бытия, символизирующей две снятые (т.е в известном смысле
сохраненные) предшествующие категории (Бытие и Ничто в их спокойной

простоте
ментов, изображе-
дело в том, что в
мы действительно
ложных момента,
виде все богат-

единства) как одностороннее единство мо-
ны не два снятых момента, а три? Здесь
первой категории каждой новой триады
обнаруживаем только два противопо-
но первый из них содержит в себе в снятом
ство предшествующих категорий. Если мы
«забудем» это, то впадем в примитивизм, который существенно, на наш вз-
гляд, исказит диалектический метод.

ТРЕТЬЕ ПОЯСНЕНИЕ: ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЕ

С.169:

Бытие есть бытие и лишь в их отличии друг от друга;
Ничто есть ничто,

НО

В ИХ ЕДИНСТВЕ, ОНИ ИСЧЕЗЛИ КАК ЭТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

И
СУТЬ ТЕПЕРЬ ИНОЕ.

БЫТИЕ И НИЧТО СУТЬ ОДНО И ТО ЖЕ именно потому, что
ОНИ ОДНО И ТО ЖЕ,

ОНИ уже НЕ БЫТИЕ И НИЧТО и имеют различное определение:
В СТАНОВЛЕНИИ они были возникновением и прехождением.
В НАЛИЧНОМ БЫТИИ как ПО-ИНОМУ определенном единстве
ОНИ опять-таки ПО-ИНОМУ определенные моменты.

Это единство остается отныне их основой, которую они уже больше не покинут (назад дороги нет! – И.М.), чтобы не возвращаться к абстрактному значению бытия и ничто. (Конец первой главы «Бытие» – И.М.)

* * *

**ЧЕТВЕРТОЕ ПОЯСНЕНИЕ: ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТРИАДЫ
КАК ЭЛЕМЕНТА, БЛОКА, СИСТЕМЫ**

Что мы можем выделить из всего уже вышесказанного?

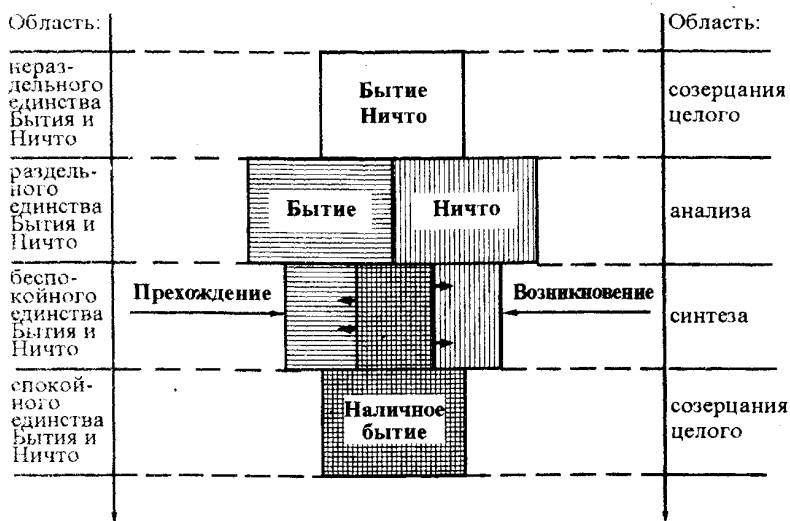
1. Чистое бытие (Б) = чистое ничто (Н).
2. Б = Н есть противоречие.
3. (Б) переходит в (Н) и превращается в Прехождение (П) (т.е. Прехождение - это исчезновение Бытия).
4. (Н) переходит в (Б) и превращается в Возникновение (В) (т.е. Возникновение - это исчезновение Ничто).
5. П и В = Становление (С).
6. С = И(Исчезновению) есть противоречие.
7. Результат Исчезновения (Б) и (Н) друг в друге = спокойному простому единству (Б) и (Н).
8. Спокойное простое единство (Б) и (Н) = Наличному Бытию (переход во вторую триаду).
9. В Наличном Бытии противоположность между (Б) и (Н) превращается в противоположность между Конечностью и Бесконечностью.

Прочитав эти последние поясняющие выводы, наш уважаемый читатель может подумать, что мы, по мере изучения «Науки логики», старались идти не от простого к сложному, а наоборот. Но это не так. Как это ни странно, но даже самый «заумный» текст прост в своей непосредственной очевидности. Выявление же его сущности процесс куда более сложный. Порой бывает, что даже сам автор впоследствии оказывается не в состоянии осмыслить то, что он создал, и одно его положение начинает противоречить другому. Как человек установив-

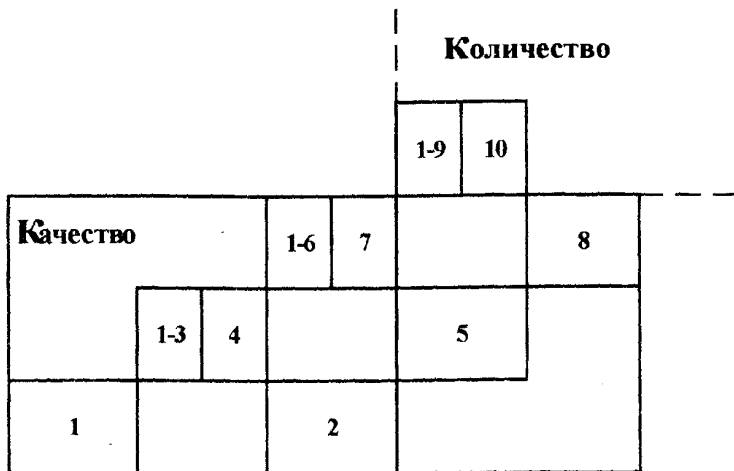
ший мировой рекорд, не в состоянии повторять его ежедневно, так и философ, открыв нечто глубокое, не всегда оказывается в состоянии подняться до уровня своего же собственного открытия. И чем оно значительнее, тем труднее это ему дается. В случае же смерти последнего решение этой проблемы передается его почитателям и последователям. Мы далеки от мысли «разъяснить» что-то Гегелю, наша задача, как мы говорили в начале этой статьи, состоит в выявлении логической структуры диалектической рефлексии, являющейся одной из основ диалектического стиля мышления.

Дадим теперь общую схему системы категорий «Науки логики», предварив ее отдельным показом развития логической структуры триады как простейшего элемента, а также ее первого блока, из которых он складывается.

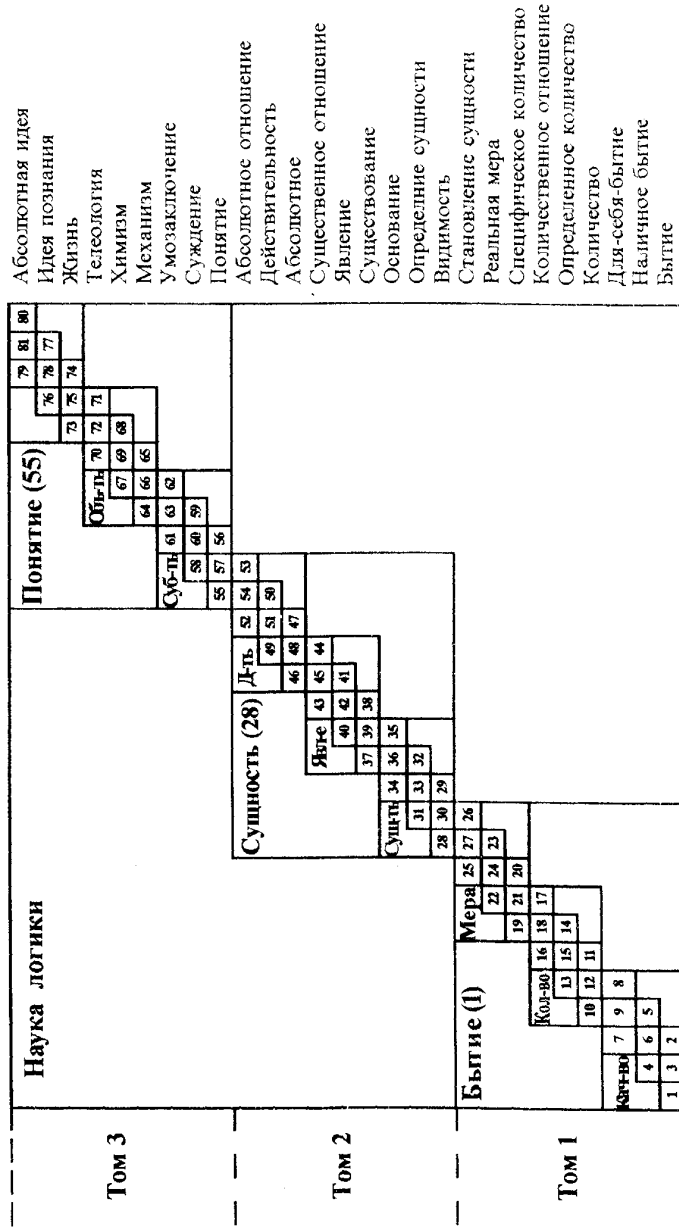
1. Развитие логической структуры триады как элемента системы

2. Развитие логической структуры триады как блока системы

3. Развитие логической структуры триады как системы

ДИАЛЕКТИКА ВЕЗДЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА

В. Предтеченский

Метод – приём, способ или образ действия, планомерный путь научного познания; *марксистский диалектический метод* – единственно правильный, последовательно-научный метод познания мира и его революционного преобразования, поскольку *диалектика* – душа марксизма (см. Кр.сл.ин.сл.М.1950).

К сожалению, этот единственно правильный и последовательно-научный метод лишь декларируется, т.е. конкретно нигде не изложен и потому практически и целенаправленно, как таковой, не употребляется. Даже диалектика – душа истинного исследования природы и общества – не имеет чёткой формулировки в целях своего истинного же применения как вообще, так и в отдельных, частных случаях. Уже дошло до того, что большинство марксистов совершенно не уверены в реальном существовании планомерного способа революционного социального преобразования на научной основе.

В то же время, можно с той же уверенностью утверждать, что без диалектического метода, хотя бы в свёрнутом подсознанием виде, не было бы никаких открытий, и прогресс, как технический, так и социальный, полз бы лишь за утилитарными соображениями, с приливами и отливами. Поэтому имеет смысл разобрать примеры спонтанного применения диалектического метода в различных отраслях знания.

Но чтобы не отвлекаться на частности, начнём рассмотрение этих примеров с философско-логического раздела человеческого знания, как относящемуся к общему истинному, объективному мирозерцанию, т.е. с собственно диалектического метода.

Гегелевская логика

Исходные положения

Наша, марксистская исходная аксиома заключается в том, что абсолютной истины нет. Точнее, её нет в видимости, поскольку она принадлежит всеобщему. А всеобщего также нет, поскольку мир предметен. И каждый предмет отличен друг от друга. Природа «не любит» одинаковости, но стремится заместить различия. Иначе, нельзя. Поэтому всё природное движется. И вот это-то природное движение вообще свойственно всему в мире. *Всё течёт*. Абсолютно. Движение – это всеобщее свойство мира – принадлежит каждому мировому предмету. Даже «вечно» покоящаяся тёмная звезда, «чёрная дыра», растёт, активно вбирая массу галактик (астрономы недавно обнаружили этот факт, воочию). Некоторые же нуклоны «живут» доли секунды. Мировое движение признано марксистами в качестве объективной реальности. Какова же логическая «механика» этого мирового движения?

Каждый мировой предмет есть и, одновременно, его нет, поскольку он движется, изменяется в месте, в форме и в сущности. То есть *бытие и ничто заложены в самом предмете*. Вот это всеобщее и есть абсолютная истина. И

она нас сопровождает от начала нашей жизни до самого конца. Это – «есть и нет», поскольку «всё течёт» – самое простое, самое бедное, самое ничтожное определение всеобщего бытия. И оно настолько просто, что недоступно человеческому воображению. Но на нём, как на основании, строятся все сложные, истинные, работоспособные и продуктивные системы.

Логическую систематизацию, исходящую из тождества бытия и ничто открыл нам два века назад – **Георг Гегель**.

«Чистое бытие и чистое ничто есть... одно и то же» (Г.Гегель. Наука Логики. Т.1, «Мысль», М., 1970. С.140).

«...бытие и ничто суть противоположность во всей ... непосредственности... Истину как бытия, так и ничто представляет собою единство их обоих, это единство есть *становление*» (Г.Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука Логики. «Мысль», М. 1975. С. 222).

Если бытие вполне конкретно, то ничто отвлечено от бытия, т.е., оно абстрактно. Абстрактное в конкретном, будучи противоположными свойствами по существу, тождественны как становление. «Всё есть становление» (Г.Гегель. Наука Логики, т.1, с.41). *Всё течёт!* Кстати, если конкретного бытия как бы уже нет, то абстрактное ничто есть, определённо, будущность (и прошлое), тянет в будущее (или в прошлое, в зависимости от своего векторного качества) настоящее. Получается: предметное ничто – это вовсе не ничто, а сила в предметном развитии; предметное же бытие – в свою очередь – небытие, преходящая формальная оболочка этой силы. То есть, бытие и ничто отрицают не только друг друга, но и самих себя.

*Отрицающие друг друга и сами себя противоположности, определяющие единую функцию движения, становления, есть **диалектика** всего сущего.*

Но диалектика не была бы диалектикой, если бы только утверждала одно – даже отрицание. Поэтому отрицает сама себя также и эта наша «абсолютная истина» самоотрицающего движения, поскольку имеет себе, в противоположность, столь же абсолютную истину – *стремление к самосохранению, отрицающее движение* – определить себя в своих границах, предметно. Да и само становление подразумевает под собой не только переход, но и нечто становящееся.

Следовательно:

абсолютная истина состоит в её самоотрицании – в диалектике всего сущего.

Это отрицающее единство движения и определяющего самосохранения выражает не только общий статус существования предмета в противоположностях, но и этапы, цикличность развития этого общего, когда каждая отрицающая себя сторона и обе они, вместе, пытаются себя же и сохранить, утвердить свой уже статус, чтобы себя же и отрицать следующим становлением в следующем состоянии.

С таких позиций будет более понятно происхождение следующего гегелевского логического положения:

«Логическое по своей форме имеет три стороны: α) абстрактную или рас-судочную, β) диалектическую или отрицательно-разумную, γ) спекулятивную или положительно (конкретно – ВП) – разумную.

Эти три стороны не составляют трёх частей логики, а суть моменты всякого логически реального, т.е. всякого понятия или всего истинного вообще» (Г.Г. Э.ф.н., Т.1, Н.Л., с.с.201-202).

Т.е., по Гегелю, диалектика – это такой мировой закон отрицания целостности предмета в его развитии, который отрицает и самого себя отрицающего новым полаганием, спекулятивно оставляя это отрицающее полагание и в себе, и в новом предмете.

Однако своими формулировками Гегель объединил и объективный, и субъективных логический ход. За это он получил множество нареканий от классиков марксизма, увидевших в его объективной логике объективно-теологический субъективизм, объективный идеализм, «стойку на голове».

Действительно, субъективная и объективная логики, хотя и есть одно и то же, но имеют существенные различия. Объективная логика, объективные мировые законы заключены в объективной реальности, обеспечивая ей логически направленное развитие, и тогда объективная реальность выражает собою логику своего развития. Субъективная же логика определяется – психическими силами – абстрактной истиной (сущностью) в конкретной видимости – чувственностью – также объективного предмета. То есть, диалектические противоположности (ничтожная относительность и реальная определённость) выражаются друг через друга, объективно определяя, или же субъективно выявляя, функцию предмета.

Истина, как говорится, проста, но требует конкретизации правилами её исполнения.

Изложим эти правила по порядку.

Формулировка гегелевского диалектического метода

Тождественное единство предельно противоположных, взаимоотрицающих – силового и вещественного – атрибутов (существенных свойств) предмета определяет его функцию, идеально направленное движение и материально оформленное развитие. Ход этого развития осуществляется последовательно отрицающими друг друга оформленными состояниями, фазами развития, моментами: от идеального, через действительный, к материальному.

*

Логико-диалектический метод

Объективная логика

Тождество противоположностей движущегося, функционирующего, объективного предмета выражает его абстрактное (внешне ничтожное и внутренне активное) содержание (связи, идею, отношения) в его же конкретной (внешне наличной) форме (частностях, материи, веществе).

Первый момент: абстрактный хаос выражается разнонаправленностью взаимодействующих элементов, равнодействующая сил которых равна нулю. Динамическое равновесие. Покой.

Второй момент: диалектика как функция упорядоченных векторов сил движущихся элементов в одном направлении, образующая целый движущийся предмет, определяется его противоположными – идеальным и материальным – атрибутами, отрицающими друг друга.

Третий момент: отрицание предмета противодействующим **полаганием** нового предмета, когда движущийся предмет вышел на границу своего существования и, столкнувшись с границей иного, покоящегося, предмета, передаёт ему свою организующую силу и этим отрицает себя самого, движущегося. Этим осуществляется и **отрицание отрицания** предмета, оказавшегося сразу в первом моменте своего существования, т.е. в покое.

Субъективная логика.

Тождество противоположностей функционирующего субъекта: понимания в преобразовании окружающей среды.

Первый момент: абстрактный хаос мнений выражается чувственным восприятием в абстрактном хаосе форм видимостей окружающей среды. Отсутствие общей логики при напряжённости субъективных непродуктивных действий.

Второй момент: упорядочение мнений достигается **диалектическим методом** с выведением общими усилиями теории общих действий при выявлении практики теоретической реализации.

Третий момент: реализация на практике диалектических **систем, преобразующих** эту практику, и **открытие** в этой новой практике **новых видимостей**, требующих своего упорядочения (отрицание отрицания).

Таким образом, появляется возможность логически упорядочить гегелевскую диалектику, в качестве диалектико-логического метода, в объективном и субъективном его выражении. Сделать её практичной. Т.е. знать, как существует всякий предмет, и какими этапами он развивается, а также планомерно создавать новые предметы и составлять предметные системы.

И физические, вещественные предметы подтверждают своими функциями эту гегелевскую логику.

Законы Ньютона

Исходные положения

«Основные законы механики [Ньютон](#) сформулировал в своей книге [«Математические начала натуральной философии»](#) в следующем виде.

1. Всякое тело продолжает удерживаться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние.

2. Изменение количества движения пропорционально приложенной движущей силе и происходит по направлению той прямой, по которой эта сила действует.

3. Действию всегда есть равное и противоположное противодействие, иначе – взаимодействия двух тел друг на друга равны и направлены в противоположные стороны.

Из законов Ньютона сразу же следуют некоторые интересные выводы. Так, третий закон Ньютона говорит, что, как бы тела ни взаимодействовали, они не могут изменить свой суммарный **импульс**: возникает **закон сохранения импульса**. Далее, если потребовать, чтобы потенциал взаимодействия двух тел зависел только от модуля разности координат этих тел $U(|r_1 - r_2|)$, то возникает **закон сохранения суммарной механической энергии** взаимодействующих тел:

$$\frac{mv_1^2}{2} + \frac{mv_2^2}{2} + U(|r_1 - r_2|) = \text{const.}$$

Законы Ньютона являются основными законами механики. Из них могут быть выведены уравнения движения механических систем. Однако не все законы механики можно вывести из законов Ньютона. Например, закон всемирного тяготения или закон Гука не являются следствиями трёх законов Ньютона» (Материал из Википедии – свободной энциклопедии).

Следовательно, законы Ньютона не охватывают собою всю механику (даже её основания), а описывают лишь свободное прямолинейное движение тела.

*

Диалектическая формулировка метода Ньютона

Тождество противоположностей свободного прямолинейного движения тела – диалектика приращения количества движения – есть отношение приращения скорости телесной массы к его движущей силе.

Первый закон – момент покоя – никакого приращения скорости: абстракция движения определяется полаганием наличности массы тела при равнодействующей силе равной нулю.

Второй закон – момент разгона – собственно движение – отрицание покоя ускорением массы от обретенной единичной силы одного направления: приращение количества движения выражается диалектическим отношением приращения скорости телесной массы к потенциалу движущей тело силы.

Третий закон – момент взаимодействия – переход количества движения данного тела в качественно новое приращение количества движения иного тела: спекулятивное отрицание собственного приращения количества движения овеществляется в качественно ином – ударном – приращении количества движения. Здесь же происходит отрицание отрицания результата к новой абстракции, движения исходного тела, т.е. без приращения его движения при полном израсходовании силы, к моменту покоя.

Как видим, логико-диалектический метод Гегеля и метод механики Ньютона находятся в полном соответствии друг к другу. А диалектика ньютоновой механики достаточно чётко определяет смысл границы этой механики.

Электрическая цепь

Исходные положения

Электрические цепи бывают различного качества, назначения и исполнения: от простого куска металла или электролизной ванны, линий высоковольтных электропередач до сложной, запутанной многими связями и аппаратами всяческого специального назначения, схемы. Но все они снабжены источником электропитания, электропотребителем и соединяющими их электропроводниками.

Мы же рассмотрим, для упрощения, замкнутый кольцеобразный металлический провод, который (как увидим ниже) сам себе электропроводник, источник электропитания и электропотребитель. Его метаморфозы (качественно отличные состояния) следующие:

1. Наличие в замкнутой электропроводящей среде свободных носителей электромагнитных зарядов, т.е. свободных, вещественно несвязанных с молекулами металла, электронов, хаотически движущихся и потому гасящих элементарные потенциалы друг друга. Чем больше свободных электронов, тем качественнее электропроводник.

2. Приложение на каком-либо участке цепи электрически организующего потенциала от источника электродвижущей силы (эдс), при помощи пересечения этого участка движущимся магнитным полем (или др., напр., химическим, термоэлектрическим и т.д. источником электропотенциала, в разрыве цепи), и создании этим возрастающего направленного потока движущихся носителей зарядов (возрастания, импульса электротока).

3. Возникновение расширяющегося (от ускоренного движения, импульса, электротока) магнитного поля, воздействующего на ориентацию др. («незадействованных») носителей электромагнитных зарядов цепи, в зависимости от её длины и толщины, и направленных против приложенного электропотенциала (противоэдс) и противодвижения проводника, относительно движения магнитного поля источника эдс.

Таким образом, вся электромагнитная цепь есть наличность её электромагнитной потенциальности в её электромагнитной вещественности.

*

Диалектическая формулировка электромеханического метода.

Тожество противоположностей замкнутой электрической цепи выражается электромагнитным потенциалом в среде свободных электромагнитных зарядов этой цепи. Определяет тройственный цикл электромагнитных моментов.

Первый момент – электромагнитный динамический покой: хаос свободно движущихся носителей электромагнитных зарядов, с нулевым равнодействием потенциалов, в проводящей среде; выражается отношением качества материала к количеству электропроводного вещества в сечении проводника.

Второй момент – электропередача: ориентирование наведённым или подключённым потенциалом от источника электродвижущей силы (эдс) электромагнитных носителей зарядов с возникновением и возрастанием

направленного движения; выражается напряжением протекающего электрического тока, и измеряется отношением тока (в Амперах) и напряжения (в Вольтах).

Третий момент – электродинамика: взаимодействие магнитной индукции возрастающего тока с носителями зарядов создаёт противоэдс и противодвижение проводника (отн. магнитного наведения потенциала источником) в отношении его длины и сечения (того же качества), **стремится погасить электромагнитный импульс.**

Диалектический метод электромеханики показателен тем, что непосредственно оперирует потенциально-вещественными противоположностями.

Труд

Исходные положения

Наиболее чётко труд, как сознательная человеческая жизнедеятельность, раскрыт в марксизме. И диалектика труда проходит красной нитью в произведениях марксистских классиков, прежде всего, у самого Маркса.

«В то время как труд, создающий меновую стоимость, есть труд *абстрактно-всеобщий и равный*, труд, создающий потребительную стоимость, есть труд конкретный и особенный, труд, который сообразно форме и материалу подразделяется на бесконечные виды труда» (М.и Э. Соч., т.13, с.22). Труд абстрактный – сводимый к всеобщему рабочему времени без различия его конкретных форм (см. там же, с.16-18) – существует именно в этой своей конкретной и особенной противоположности. О единстве потребительной, конкретной и обменной, абстрактной сторон труда высказывался еще Аристотель (см. там же, с.13). Таким образом, диалектический подход к человеческому труду не нов, и диалектика труда проявляется во всех его моментах.

«Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает организм, живая личность человека, и которые пускаются в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» (Соч., т.23, с.178. Капитал, ч.1, отд. второй, гл.IV, 3. Купля и продажа рабочей силы).

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил» (Соч., т.13, с.7).

«... самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости (на этом основывается *всё* понимание фактов), 2) исследование *прибавочной стоимости независимо от её особых* форм: прибыли, процента, земельной ренты и пр.» (Соч., т.31, с.277. Маркс – Энгельсу в Манчестер. (Лондон), 24 августа 1867г.).

*

Диалектическая формулировка марксистского метода.

Тождество противоположностей, диалектика труда, выражается трудом абстрактным в конкретном труде.

Первый момент – трудовая абстракция – идея труда – рабочая сила: отношение способности человека затрачивать свои психо-физические усилия, трудовой мотивации, к умению работать, квалифицированности, но без приложения к определённому рабочему месту производства.

Второй момент – собственно труд – трудовое действие – процесс производства: отношение действия производственных отношений к производительным силам – диалектическое отношение в процессе (и способе) производства.

Третий момент – конкретизация труда – материальное оформление, опредмечивание, овеществление исходного трудового смысла – результат трудовой деятельности – продукт труда, как отношение стоимости к потребительной стоимости, реализующееся в процессе обмена. Условие отрицания отрицания труда при воспроизводстве новой рабочей силы. А также выявление прибавочного продукта в целях трудового развития.

Каждый трудовой момент стремится как к переходу в следующий момент, так и к самосохранению. Поэтому каждый момент выражается как своим диалектическим тождеством противоположностей, так и своим же тройственным формированием «подмоментов» (моментов в моменте). А весь этот дифференцированный, диалектико-самосохраняющийся комплекс моментов и подмоментов образует, таким образом, трудовую воспроизводственную систему с прямыми и обратными связями.

Диалектика труда – это базис, функция необходимого пути общественного воспроизводства. И именно в базисном поле диалектических моментов можно начинать построение оптимального (коммунистического) общественного воспроизводства. Только так можно будет избежать серьёзных ошибок в этом, наиболее важном для человечества, деле.

Будет вполне уместно упомянуть здесь о незаконченной главе, «Диалектика» из рукописи Энгельса, «Диалектика природы». «Развить общий характер диалектики как науки о связях в противоположность метафизике» (М.и Э. Соч., т.20, с.384). Эту свою суперзадачу Энгельс пытался решить, раскрывая «законы диалектики. Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз (природы и общества – ВП) исторического развития, а также самого мышления. По сути дела они сводятся к следующим трём законам:

Все эти три закона были развиты Гегелем на его идеалистический манер.

Впрочем, тот, кто хоть немного знаком с Гегелем, знает, что Гегель в сотнях мест умеет давать из области природы и истории в высшей степени меткие примеры в подтверждение диалектических законов» (там же).

В этой главе, Диалектика, Энгельс приступил к раскрытию первого закона на примере количественно-качественных преобразований вещества в физике и химии; дал и формулировку этого закона:

Закон перехода количества в качество и обратно,
Закон взаимного проникновения противоположностей,
Закон отрицания отрицания.

«1. Закон перехода количества в качество и обратно. Закон этот мы можем для наших целей выразить таким образом, что в природе качественные изменения – точно определённым для каждого отдельного случая способом – могут происходить лишь путём количественного прибавления либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)» (там же с.385).

Здесь, конечно, больше вопросов, чем ответов. Например, масса тела – это материя? Если – да, то, как при неизменной массе может возникнуть второй закон Ньютона из первого? А сила – это «так называемая энергия» или пустая абстракция? К тому же, не ясен «точно определённый для каждого отдельного случая способ качественного изменения».

Произошло такое затуманивание диалектической проблемы, надо видеть, потому что Энгельс здесь начал со следствия, не показав первым законом тождество качественно отличных противоположностей и вторым – триаду воспроизводства развивающегося предмета. Тогда бы качественно-количественные соотношения раскрылись бы сами собой.

Компенсацией дефицита второго и третьего законов в «Диалектике природы» целых две главы «Анти-Дюринга» посвящены собственно диалектике и этим законам.

«XII. Диалектика. Количество и качество» (там же с.122)

«XIII. Диалектика. Отрицание отрицания» (там же с.133)
«Взаимопроникновению противоположностей», правда, здесь места не нашлось. Зато, глава, Количество и качество, наполовину посвящена движению в противоположностях. И примеры тождества противоположностей, приведённые Энгельсом под наименованием «противоречия», просто, убийственны для метафизика Дюринга.

Однако диалектические доводы Энгельса совершенно свободно игнорируются современными метафизиками, даже мнящими себя «марксистами». Этим, с позволения сказать, «марксистским теоретикам» гораздо ближе оказывается мировоззрение Дюринга, нежели Энгельса.

Вся беда в том, что в изложении диалектики классики чаще всего нажимали на примеры проявления диалектики, но не сводили их в жёсткую структурную композицию. А то, что формулировалось, выглядело лишь замудренными аксиомами, не имеющими утилитарного, практического применения (даже у Гегеля). К тому же, в «противоречиях», раскрывающих функциональность какого-либо предмета, не даётся определение «значения»

(читай, потенциала) и аргумента функции. В результате, они не конкретизируются диалектическим тождеством.

Точное и конкретное, вплоть до математической утилитарности, выражение диалектических законов очень важно для строителей коммунистического будущего, небывалого в истории. Поэтому, полагаю, представленное здесь упорядочение изложения действия законов диалектики не будет лишним для марксистов, ищущих методы осуществления коммунизма. Победить метафизического дракона марксистам следует – прежде всего – в себе. И сделать это не так уж трудно, ведь диалектика – везде. Но действовать следует – коллективно – в указанном диалектическом методе направлении.

Уже два года в интернете по адресу <http://elisnews.ru> работает уникальный ресурс для левых активистов – **Электронная Левая Информационная Система (ЭЛИС)**. В автоматическом режиме она один раз в 24 часа обрабатывает некоторые коммунистические сайты и блоги, формирует заголовки и рассылает подписчикам отчёт за сутки по электронной почте. Вебмастера левых ресурсов, используя специальный сервис ЭЛИС, могут обмениваться ссылками на наиболее интересные материалы. И, что называется, «в несколько кликов» размещать необходимые ссылки у себя на сайте. В конечном итоге это позволяет поднять информационный обмен на новый уровень. Кроме того, система производит поиск по библиотекам некоторых левых ресурсов. И любой вебмастер левого ресурса может разместить форму поиска от ЭЛИС у себя на сайте и подключить свою виртуальную библиотеку. Более того, работает сервис загрузки коротких сообщений и каталог левых ресурсов. Подключаясь к ЭЛИС, ты подключаешься к левому информационному полю нового поколения!